

АЛЕКСАНДРЪ

литературно-исторический журнал № 3 (6), март, 2017

ISSN 2542-0135

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ

Перед вами мартовский, весенний номер литературно-исторического журнала «Александръ». С рождением природы у людей возникает надежда на лучшее, желание творить и любить. И именно в марте празднуется Международный женский день и особенно почитается Женщина.

В шестом номере журнала преимущественно опубликованы произведения наших прекрасных писательниц и рассказы о женщинах – это и матушка Серафима, знаменитая монахиня, посвятившая себя служению Богу, и женщина-казачка, и художница (произведение-дебют в нашем журнале Стаса Волостных, с которым мы надеемся на последующую совместную работу), стихи и проза о любимых и близких.

Объединяющим началом у всех произведений является духовная сила «слабого пола», прекрасных женщин, готовых на самопожертвование, на всё ради одного маленького человечка.

В «женском» номере журнала нельзя обойтись без поздравлений.

Дорогие и любимые, поздравляем вас с Праздником весны и красоты!

Желаем ощущения крепкого мужского плеча, защищенности и надежности. Душевного спокойствия и уверенности вам в завтрашнем дне и, конечно, любви и преклонения перед вами.

Пусть Вам всегда посвящаются стихи и признания в любви.

**С искренним уважением,
директор и главный редактор,
Анатолий ТРУБА**

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Я держу в руках весенний номер удивительно красивого журнала в предвкушении того, какие новые знакомства ожидают в этот раз нашего читателя, с какими новыми или историческими событиями в культурной жизни Тамбовщины и родного Мичуринска познакомит журнал, какими на сей раз будут литературные изюминки. Такое многообразие талантливых людей не оставляет равнодушным, в каждом номере новые встречи, яркие впечатления. Литература, как и искусство в целом, обладает чрезвычайно большой эмоциональной силой глубокого, тонкого воздействия на разум и чувства людей, она способна аккумулировать социально-духовный опыт поколений, удивлять, радовать, очищать души!

Желаю журналу радостного и плодотворного созидания с командой талантливых людей. Новых свершений и удач. Новых открытий и приятных знакомств. Успешного восхождения к вершинам!

Журнал выйдет накануне женского праздника 8 Марта.

Международный женский день – первый весенний праздник, когда прославляют женщину, которая во все времена была воплощением красоты и нежности, дарила любовь, веру и надежду на лучшее будущее.

Дорогие женщины! Пусть в этот день в ваш адрес звучат только добрые поздравления и пожелания счастья, добра и удачи, семейного благополучия. Никогда не теряйте желание нравиться, быть интересной, грациозной, и пусть вам поможет в этом верная заботливая мужская рука, на которую можно опереться.

Галина ПОПОВА,
*директор Мичуринского драматического театра,
заслуженный работник культуры РФ*

Главный редактор – Анатолий ТРУБА

Редколлегия:

В.С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск)
Е.В. БАРАБАНЩИКОВ (Первомайский)
Л.Н. ВАСИЛЬЕВА (Москва)
В.Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов)
В.А. КАЗМИН (Луганск)
С.И. КОТЬКАЛО (Москва)
Л.В. КОЛПАКОВ (Москва)
Р.С. ЛЕОНОВ (Мичуринск)
А.И. НОВИКОВ (Екатеринбург)
Ю.М. ПОЛЯКОВ (Москва)
Г.Н. ПОПОВА (Мичуринск)
А.Н. СЁМИН (Екатеринбург)
В.Е. СОЛОВЬЕВ (Тамбов)
В.И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов)
Я.Б. ХУТОРЯНСКИЙ (Екатеринбург)

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 3 (6), март, 2017 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А.С. Труба.

Шеф-редактор В.С. Аршанский.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Использованы иллюстрации Н.Н. Воронкова.

Дата выхода – 1.03.2017 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в ООО «Просто Печать», 398042, г. Липецк, ул. Пестеля, 38.

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ

4 Владимир Чистяков

ПОЭЗИЯ

8 Виктор Кострикин Из тетрадей школьных и студенческих лет

11 Валентина Дорожкина. «Я март люблю...»

14 Стихотворная тропинка. Стихи молодых тамбовских поэтов

ПРОЗА

19 Валерий Аршанский. «Рено-Каптур».

КУЛЬТУРА

28 «Стеклянный зверинец» в Москве

31 Русский Чаплин. Александр Леньков

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

27 Стас Волостных.. Искать, всегда искать!

ПРАВОСЛАВИЕ

44 Памяти схимонахини Серафимы (Белоусовой)

РУССКИЙ МИР

49 Мы русские – и этим всё сказано! Стихи поэтов из Луганска

ЗАПОВЕДНОЕ

56 Женщина-казачка

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

60 Любовь Орлова

ЧИТАЕМ ДЕТЯМ

64 Ольга Луценко. Ты, да я, да мы с тобой!

МИР УВЛЕЧЕНИЙ

68 Кукуруза Хрущева и долголетие

НЕОБЫЧНАЯ ЭКОНОМИКА

71 Козловская торговля

БЫЛОЕ

75 Анатолий Труба. Дитя пожара

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

84 Раз словечко, два словечко...

УМНЫЙ ДОСУГ

87 Первый голос весны

Владимир ЧИСТЯКОВ

«Никогда не кляните любовь!»

* * *

Я тебя не потревожу
И обидеть не посмею.
Я с себя сдираю кожу,
Чтобы быть к тебе теснее.

* * *

Синим вечером зябли плечи,
Ты их кутала в долгую шаль.
С той далекой осенней встречи
Вплетена в нее ниткой печаль.
И в московской твоей квартире
Тот же стиль утонченно-неброский,
Но одна ты в ней в целом мире,
Как на площади Маяковский.
Застоялось в бокалах вино,
И, слегка отклонившись от света,
Прошептала: «Как было давно,
Да и с нами ли было это?»
По Ямской я пройду не спеша,
Вспоминая всё снова и снова.
Ах, столица, как ты хороша.
Только вот не милее Тамбова!

ПАМЯТЬ

Я памяти не предал, в сердце свято
Храню на самой звонкой глубине
Год сорок первый, и отца-солдата,
И всё, что от войны осталось мне.
Листая времени страницы
И в каждый прорастая миг,
Я вижу, как горят станицы,
Я слышу горький вдовий крик.
Освенцим в сердце мне стучится,
Блокадный стынет Ленинград,
Я как живые вижу лица
За всё простивших нас солдат.
И нету в том моей вины –
Я на десятки лет моложе, –
Что не пришли они с войны,
Но всё же, всё же, всё же...
Я памяти не предал, в сердце свято
Храню на самой звонкой глубине
Год сорок первый – год сорок пятый
И все, что от войны осталось мне.

9 МАЯ

Тамбовский сквер расцвечен маем:
 Улыбки, слезы, ордена...
 Как мы ничтожно мало знаем,
 Какой она была – война.
 Война не только в обелисках,
 В сообщениях с фронтовых полей,
 В приказах, планах, сводках, списках –
 Война в сердцах живых людей.
 Всмотритесь пристальнее в лица
 Солдат минувших грозных лет –
 И вдруг на миг в них отразится
 Июньским заревом рассвет,
 Испепеленным полем память
 Пройдет до самой той черты,
 Где вспыхнет над рейхстагом знамя
 И лягут на броню цветы.
 Для них тот миг незабываем:
 Победе отдано сполна.
 Как мы ничтожно мало знаем,
 Какой она была – война...

ОСЕННЕЕ

Сторона ль моя, сторонка,
 Ты прими меня как сына.
 На лесной опушке звонко
 Сыплет мелочью осина.
 Небо облако полощет
 В речке, взмыленной туманом,
 И на косогоре роща
 Тает в пламени багряном.
 Жемчуг в травах, зелень сосен,
 Куст калины густо рдеет,
 По-хозяйски бродит осень
 В сонном царстве Берендея.
 Тайный шорох, свет неверный,
 Ивы у воды босые...
 На Тамбовщине, наверно,
 Начинается Россия.

* * *

Скучаю, скучаю, скучаю
 И мыслью туда лечу,
 Где в радостный миг замираю,
 Припав к твоему плечу.
 Где губ твоих слабость и сила,
 Где плен твоих ласковых рук,
 Где кровь просыпается в жилах,
 Очнувшись от долгих разлук.

НА АРБАТЕ

По Арбату к Окуджаве
 Не спеша с тобой идем,
 Рассуждения о славе,
 Разговоры ни о чем.
 Слава – дым, богатство – пепел,
 Только ты не прекословь.
 Счастлив, кто однажды встретил
 Настоящую любовь.
 Шел к ней трудными путями,
 В жаркий бой вступал с собой
 И бессонными ночами
 Рос взволнованной душой.
 Даже пусть не состоится
 Встреча больше никогда,
 Но над ним теперь искрится
 Путеводная звезда.
 ...Вечер плел сомнений сети,
 Опускался на Арбат,
 Краем глаза я заметил:
 Улыбнулся нам Булат.

МОЛИТВА

Жить безгрешным не удастся,
 И рубаху зря не рви.
 Но над нищим не смеяться,
 Господи, благослови!
 Не мздоимцем быть, не вором,
 Постоянным стать в любви
 И не встретиться с позором,
 Господи, благослови!
 Быть не пасынком отчизны,
 Но не клясться на крови
 И друзей прощать до тризны,
 Господи, благослови!
 Все проходит, годы мчатся,
 Хоть зови, хоть не зови.
 Но самим собой остаться,
 Господи, благослови!

БАЛЛАДА О ЗЕРНЕ

Я знаю: было время,
 Когда среди огня
 Солдат лелеял семя,
 Взрастившее меня.
 Я знаю: ржали кони,
 Кровавый плыл закат,
 Но на большой ладони
 Зерно держал солдат.
 В далекие походы
 Его он брал с собой,
 Он верил: будут всходы,
 За них и шел на бой.
 В атаках к сердцу прятал,
 Берег, как честь свою,
 Но вдруг под Перекопом
 Он ранен был в бою.
 Нет, он не испугался:
 Умру – знать, суждено.
 Он смерти не боялся,
 Но вспомнил про зерно
 И выжил. И в деревню
 Зерно он взял с собой,
 Пошел пахать он землю,
 Как раньше шел он в бой.
 И, годы не считая,
 Трудился день за днем,
 Но вот пришла косая,
 Промолвила: «Идем!»
 Старик оправил косу
 И глянул на скирду,
 Без страха, без вопроса
 Ответил: «Что ж – иду.
 Иду. Теперь-то можно.
 А всё же... мудрено...»
 И сыну осторожно
 Он передал зерно.
 Промчалось быстро время...
 И умер на лугу,
 А сын, ступая в стремя,
 Сказал: «Я сберегу!»
 И снова ржали кони,
 Кровавый плыл закат,
 Но снова на ладони
 Зерно держал солдат.
 Пахали землю танки
 Десятки, сотни дней,
 Чтоб никогда ничто уж
 Не выросло на ней.
 Но встал солдат бесстрашный
 И бросился в огонь,

И на кровавой пашне
 Он выдохнул: «Не тронь!»
 И семя дорогое
 Собою заслонил,
 Его на поле боя
 Он кровью напоил.
 В деревню возвратился
 Израненный боец,
 Могиле поклонился,
 Сказал: «Сберег, отец!»
 И в землю над рекою,
 К которой шел давно,
 Мозолистой рукою
 Он опустил зерно.
 Я знаю: было время,
 Когда среди огня
 Солдат лелеял семя,
 Взрастившее меня.

* * *

Никогда не кляните любовь,
 Ни от страха, от злости и ревности,
 Безысходной тоски повседневности –
 Никогда не кляните любовь!
 Ни от боли, ни сдуру, ни спяну
 Сердцем, стонущим от обмана,
 Никогда не кляните любовь!
 Если вдруг от поступков любимой
 Застилает глаза горьким дымом,
 Всё равно не кляните любовь!

31-Й СКОРЫЙ

Целовала сухими губами,
 И теперь уже навсегда
 Павелецкий вокзал между нами,
 Шпалы, рельсы и поезда;
 Полустанки, разъезды, вокзалы,
 Свет летящий ночного перрона...
 Ничего ты не сказала
 На прощание у вагона.
 Но останется мне на годы,
 До знакомства с другими мирами,
 Горький привкус твоей свободы
 В поцелуях сухими губами.

* * *

В морях тревог – течения разлуки,
И недосказанности рифы так остры,
И с берегов чужих к вам тянут руки
Холодные и тусклые костры.
В морях тревог средь айсбергов обид,
Штормов страстей и штилей ожидания
Есть островки невзрачные на вид –
Добра, Терпения и Пониманья.
В морях тревог, где множество крушений,
Без пышных экзотических одежд,
Ветрами обдуваемый сомнений,
Есть остров обитаемый Надежд.

* * *

Я живу в предвкушении встречи,
Когда губы сольются в тиши,
Забывая досужие речи,
Повинуясь движенью души.
Когда ты опускаешь ресницы
И, забыв об известной теории,
Перелистываешь страницы
Нашей хрупкой любовной истории.
И тогда опускается в вечность
Ощущенье живого слияния
И уходят слова в бесконечность,
Вырываясь из подсознания.

* * *

Плыл вечер в мареве заката,
Льнул к людям влажною щекой,
И ты сказала: «А когда-то
Встречались мы уже с тобой».
Я промолчал, а может, было
Касанье рук в закатный час,
И может, время сохранило
Тот миг для карих твоих глаз.
А может, это не случайно,
Что, не знакомясь никогда,
Мы невзначай открыли тайну
Сердец незримого родства.

* * *

Всё не о том, всё тускло и несолоно,
Душа как дом, распахнутый для всякого.
Я вспоминаю почему-то Воланда,
И Маргариту, и Булгакова.
Ты пишешь, как со мной непросто,
И стынет твой полночный чай.
Давай считать болезнью роста
Мое поспешное «прощай».
А за окном февраль слезится,
И доктор пишет в карточке: «ОРВИ»,
И сердце всё еще взлететь стремится
На крыльях обтравившихся любви.

Из тетрадей школьных и студенческих лет

Виктор КОСТРИКИН

МАЛЬЧИШКИ ДЕРЖАВЫ

Мальчишки державы!.. (Ее уже нет.
Из сказок она и утопий...)
Оставили вы свой отчетливый след,
Такой, что не выбил и прожитых лет
Грохочущий времени топот.

...Седьмой в 41-м мне медленно шел
(Бойцам, им и мига немало!) –
Длиною в сто лет, и, как воз, был тяжел
Войны, что ни год, нашим мамам.

Но как же постыдно я медленно рос!
Обуза что в зиму, что в лето.
И тех не сменил, кто сердец не донес
До алтаря Победы.

Мальчишки державы – за вас я молюсь.
Вы сладость плода не вкусили.
Пошел с молотка наш Советский Союз.
Но был он от корня – Великая Русь,
И будет держава – Россия.

Пусть царствами пропасть забвенья полна,
Но Русь Мономаха не канет.
И ваши, мальчишки мои, имена
Украсят державные камни.

ЁЛКА

Не поминайте всуе детство –
Оно святое.
Бывает – никуда не деться,
А я нестойк,

В него я головой зарююсь,
Как птица страус,
Мир детства – он тебе дарован,
Как чудо в старость.

...Лежу без сна. Век не вставало
Как будто солнце.
Тьма. Тишина. Вдруг заблестало
Звездой в колодце,

А что – неясно, непонятно,
И сердце скачет.
А мне всего от роду пятый,
Я – мальчик-с-пальчик.

Встаю, иду под стуки сердца
Я в тайну, в ужас,
Где друг мой Волк? На помощь, Серый!
Но звон мне в уши

Теперь серебряно-тончайший,
Как будто гномов

Доносится из зимней чащи
Стеклянный гомон.

Вхожу в него я босоного.
Мне зябко, колко.
И вдруг открылось: слава Богу,
Ведь это ж ёлка!

Пока я спал, дневным волненьем
Вконец сморенный,
Происходило сотворенье
Ее, зеленой,

С звездой рождественской вершинной,
В ночи горящей,
Как будто в даль дороги длинной
Меня манящей.

«Святое не зовите все», –
Внушают людям.
Я жизнь прожил, а всё ж взыскую,
Как в детстве, чуда.

ПАСХА

Болело сердце. Припекло – нет спасу.
Но отпустило. Я уснул. И вот
На утренней заре передо мною Пасха
Во всём великолепии встает.

Льняная скатерть – белая, с узором
И даже с петухами. А над ней
Открылась восхищенным детским взорам
Волшебная картина дальних дней:

Весь с сахарной глазурью пряник – башня,
Один уж он манил меня к столу,
В цветах рисуя серый быт домашний
И бедность в каждом вымытом углу.

И тут еще причудливого храма
Горой в тарелке крашенная кладь!..
Зачем я встал? Ведь на часах так рано,
Мне страшно одному. Отец и мать

Еще с пасхальной службы не вернулись,
А за окном уже начало дня..
...Я вздрогнул. Просыпаюсь. Гомон улиц
Приводит в чувство наконец меня.

Лежи и слушай сам себя с опаской.
Целебны иль вредны такие сны?
Но боль прошла. Сон в руку. Снова – Пасха,
Христос Воскрес!.. До будущей весны...

ПОЖАР

Рос я отроком советским,
Ангелочком без греха...
По обычьям деревенским
Нам пустили «петуха».

Мать отцу что говорила?
– Гордость глупую уйми,
Нам с тобою жить, Гаврилыч,
Не особицей – с людьми.

А отец мой – он ершистый,
Что колючки в городье.
– Я, – твердит, – хожу по жизни,
Как тот кот, сам по себе.

Ничего такого вроде,
Чтоб не так, как всё село,
И дорогой общей ходим,
Но тогда откуда ж зло?

Я не знал иль не запомнил,
Мальчик, ангел во плоти,
Почему отцово поле,
Поле жизни, перейти

Было трудно, было люто –
Кто такое перейдет?
Люди все кругом как люди,
А отец – какой-то «кот»!

...Загорелась в ночь усадьба,
И в родном селе моем
Этой ночью стало как бы
Под луной светлей, чем днем.

В полыханье этом драма
Разгорелась во дворе.
– Мы горим! – кричала мама. –
Помогите же скорей!

А село, как ночь накрыла
Сном притворным, так и спит.
Константин меж тем Гаврилыч
Вместе с домом сам горит!

Он спасал меня, сестренку,
Не запятнанных в грехе,
А потом еще Буренку
Под соломой в катухе...

Память, ты ко мне сурова,
Обрекаешь на повтор
Ту картину, где коровьих
Мертвых глаз немой укор,

Где мне снова станет горько
Строить хатку-мавзолей –
Упокоить перепелку,
Ту, что я нашел в золе.

Знать, доверчивая птица
Не в траве, не под кустом,
А надумала гнездиться,
Отыскав отцовский дом...

Чем не та я перепелка,
Залетевшая в село?
Не горел с отцом, но только
Крылья, видно, обожгло...

Я-то что! Подобных сколько
Род российский нарожал!
Русь, ты – словно перепелка,
А вокруг тебя – пожар.

ИЛЬЯ-ПРОРОК

Детство. Горница. Образа.
Два окна с видом прямо на церковь.
А за речкой, над полем люцерны,
Начиналась гроза...

Грозы детства библейских времен,
Первозданных, как слово пророка.
С неба молний слепящие строки,
Громовых полыханье имен.

Ты ворвись в мою память, гроза,
Электрическим всполохом в спальню.
Озари бабку Анну астрально,
У икон опустившую глаза

И молящуюся тихо, покорно,
Мне экстазу мешать не веля:
«Не сердчай, – доносилось, – Илья,
Ты на грешных нас с папертей горних...»

Небосвод всё сильней полыхал,
И всё ближе, грозней грохотало,
Я не знал, кто он, бабкин Ваал,
Не слышал про тирана Ахава*.

В русских сказках, что давней порой
Под мерцающий свет стеарина
Мне читали из книжки старинной,
Ни один так не звался герой.

* Ахав – самый нечестивый царь Израиля, поклонявшийся языческому идолу Ваалу, времен ветхозаветного пророка.

Всё про добрых да глупых царей,
Мастерство гениальных Иванов,
Победительный пир разлитый
Трех былинных богатырей.

А провидцев библейских семья
Стала мне только с возрастом внятна...
Старожил небосвода, Илья,
Грянь, как прежде, июльским набатом!

В рваном треске и вспышках огня
Облака каруселью вращая,
Ты напомни, как бабка страшила
Золотой колесницей меня.

Я в моем далеке попадал
Под ее сумасшедшие скачки.
Ужасался восторженно мальчик,
Как взрывались огонь и вода.

...В предвоенном последнем году
Часто были свирепые грозы.
Говорили: не знак ли нам послан?
И не ждать ли какую беду?

А однажды, как будто секрет
Раскрывая зловещих сигналов,
Ночью молния в церковь попала,
И повис искалеченный крест.

А потом наступила пора...
Бабка Анна молилась, вздыхая:
«Победи, Илия, ты Ахава
И слугу сатаны покарай».

И когда среди белого дня,
Среди ночи гремело далеко,
Я молил, чтоб дошла до пророка
Бабки Анны мольба и моя...

Стал я бабкиных лет, и перстом
Мне не водят по книжке толковой.
Бабка спит под колхозным крестом,
Новый крест на церквушку откован.

Я зайду помолиться. Слеза
Набежит, испарится сухая.
Пусть гроза будет только гроза,
А не вечная распря с Ахавом.

Чтобы ждал с замиранием я,
Как свою запряжет колесницу
Добрый мой громовержец Илья
И, гремя, надо мною промчится.

Ни Ахав не пропал, ни Ваал.
Много ль надо, чтоб быть мне счастливым?
Только б снова июльского ливня
Испытать мне сверкающий вал.

Валентина ДОРОЖКИНА

Я март люблю...

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Весна природе прибавляет дел.
Пора скворцам в скворечниках селиться...
Последний снег не падал,
он летел,
Словно боясь на землю опуститься.

Земля уже по-мартовски черна
И ожидает солнца,
а не снега,
Для ручейков стремительного бега
Уже вовсю готовится она.
И вдруг –
так неожиданен и бел –
На землю снег последний полетел.

Пусть он у вас не вызовет досаду –
Он не в ущерб ни полю и ни саду.
Его прилет не истолкуй неверно.
Вот он лежит,
растаять не успев:
Последний снег,
еще белей, чем первый,
На черных ветках мартовских дерев.

* * *

Лежит заснеженная даль
Перед глазами
белой картой...
И вдруг –
прорвется сквозь февраль
Дыханье будущего марта.

Пусть до цветенья далеко,
И лед не тронулся покуда,
И мучит зимняя простуда,
Но дышится уже легко.

Вот,
робким лучиком пригретый,
На подоконнике цветок
Все к солнцу тянется и к свету,
В них жизни чувствуя исток.

Тепла, тепла природа ждет –
Весенний ветер на подходе...
Наступит лето
и пройдет.
Так незаметно
жизнь проходит.

И снова дней ушедших жаль,
И снова на душе ненастье.
Но вдруг прорвется
сквозь печаль
Дыханье будущего счастья.

ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Прощайте, прощайте, метели!
Прошла наконец-то зима.
Уже и скворцы прилетели,
Дождями омылись дома.

Пока еще краски неброски,
И птицы негромко поют.
Ушедшей зимы отголоски
Забуть о зиме не дают.

И северный ветер опять,
Коварному марту в угоду,
Надует плохую погоду,
Чтобы скворцов напугать.

Но чище становится даль
И веселее капли.
Роняет листки календарь
И путь открывает апрелю.

А там – и земля оживет.
А там – и до встречи немного.
И тронется, тронется лед,
Уляжется наша тревога.

И счастливы будем, покуда
Нам снятся волшебные сны,
Пока ожидается чудо
Перед приходом весны.

* * *

Как я люблю
Эти минуты недолгие –
Смотреть на небо
С вечерними росчерками,
На деревья,
Пока еще голые,
Но готовые выстрелить
Набухшими почками.

На дорогах проталины
Обозначились печатями.
Весна пришла
Бесповоротно
И стремительно.
И можно опустить воротник
И снять перчатки –
Тепло... Удивительно.

Я совсем забыла
О вчерашней горечи.
Смотрю на деревья
С гнездами птичьими...
Я так люблю
Идти по вечернему городу,
Когда голубые сумерки
Делают его поэтичнее.

ВОСПОМИНАНИЕ

Идем мы по улицам снежным,
Встречаем знакомые лица,
Снежинки пушисто-нежные
Садятся нам на ресницы.

В глазах твоих синих-синих
Что-то такое важное,
Что ветка в морозном инее
Цветущей черемухой кажется.

МАРТ

Я март люблю за встречу с вами.
Но что же сердцу не велю
Все чувства выразить словами:
«Я Вас люблю...
Я Вас люблю...»?

Боюсь ли я непониманья?
Но это вызовет лишь грусть,
А не глубокое страданье...
Я равнодушия боюсь.

Мы в марте встретились.
Всмотритесь
В его черты...
Я Вас молю,
Неравнодушно отнеситесь
К моим словам:
«Я март люблю...»

ОТТЕПЕЛЬ

* * *

На ветке голой крохотная птаха
Чирикает в предчувствии весны.
На Набережной снег – как мокрый сахар,
И лес балует запахом сосны.

И сразу забываешь про бессонницу,
И ночь прошедшая была и не была...
Таинственно перед заходом солнца
Глядят через деревья купола.

И я останавлиюсь на полуслове.
И – не спугнуть, и не дышать, но жить!
И все слова, что были наготове,
Уже не надо мне произносить.

В душе светло, и нет тоски и страха,
Что все непрочное, что изменит друг...
На Набережной снег – как мокрый сахар.
И кажется, весной запахло вдруг.

* * *

Земля полна проросшим семенем,
Земля черна и зелена.
Спасибо вам, цветы весенние,
Что вас собрали для меня...

Как все на солнышке прогрето,
И бронзой отливают жуки.
Спасибо, счастье мое, лето,
За то, что на земле лежу...

Синеет небо гуще, гуще,
И птичьих крики – с берегов.
Так явственно я вижу Пушкина.
Спасибо, осень, за него...

Качаются деревья мокрые,
И нет следа от красоты...
Спасибо, снег, что выпал вовремя.
Спасибо, что растаешь ты.

Мне ль уповать на краски сентября?
Я март люблю – неброский и нестрогий.
Весны предвестником его зовут не зря,
Но он еще любимец не у многих.

Весны начало и зимы итоги...
Смешались чувства, над землей паря.
И вспыхивает алая заря,
И о любви опять родятся строки.

Но где же, где любви моей исток?
Ведь даже ручейка нет без истока,
Светило не закатится до срока,
И без него не расцветет цветок...
Моя любовь – это заря востока,
А ваши окна смотрят на восток.

Стихотворная тропинка

В ГОСТЯХ У «АЛЕКСАНДРА» – МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ, ЧЛЕНЫ
ЛИТЕРАТУРНО-ТВОРЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ТРОПИНКА»
ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

* * *

С.А. Есенину

Дрогнут рязанские заводы,
Выплывет русское слово –
Звездно-стозвонное, словно
Древняя медная заповедь.

Это рожденье предсказано
Яркой звездой столетья.
Как семицветною лентой,
Устья истоками связаны.

Плачет молитвенный колокол,
Режет предутренний воздух.
Мир твой на паперти роздан,
Мальчик с душой исколотой.

Больно? Иди да посвистывай!
Не разлюбить бы Россию:
В ней – твоя верная сила –
Словом рожденная истина.

Сердце – тоска предвесенняя
По голубому порогу...
Снится далекой дороге
Мальчик с глазами Есенина.

АНАСТАСИЯ СЕРОВА

Родилась в Тамбове. Окончила среднюю школу № 36, Институт филологии ТГУ имени Г.Р. Державина. В настоящее время учится в аспирантуре на кафедре русской филологии и журналистики под руководством доктора филологических наук профессора Ларисы Васильевны Поляковой.

Стихи Анастасии Серовой публиковались в областной газете «Тамбовская жизнь», в коллективных сборниках, в «Тамбовском альманахе». В конце октября 2016 года Анастасия Серова была приглашена в Москву для участия во Всероссийской конференции «Филологические науки в XXI веке» и в конкурсе «Художественное творчество» (номинация «Поэзия»), в котором заняла призовое место, удостоившись диплома 1-й степени.

БАБУШКЕ

Добрые седины не запрягать,
Каждую морщинку целовать!
В тихом доме, как всегда, порядок,
Застлана дремучая кровать.

А на кухне, утренней и сонной, –
Вечный запах пышек и блинов...
Таёт лучик на стекле оконном –
Он сегодня сказочно медов.

А у бабушки такие руки!
Чтобы крепко-крепко обнимать.
Эти руки не знавали скуки –
Мастерицы радости вязать...

Каждый вечер бьется сердце свечки
И молитва жаркая плывет:
Боже, Боже, сохрани навечно
Бабушку от жизненных невзгод!

ВЯЧЕСЛАВ ТРУБИЦЫН

Родился в Инжавино Тамбовской области. После средней школы успешно окончил исторический факультет Института гуманитарного и социокультурного образования ТГУ имени Г.Р. Державина, работал учителем на своей малой родине.

В студенческие годы занимался в литературно-творческом объединении «Тропинка». Публиковался в районной газете «Инжавинский вестник», в «Тамбовском альманахе», в коллективных сборниках. Был победителем вузовских конкурсов на лучшее исполнение собственных произведений. В настоящее время Вячеслав Трубицын служит в армии.

Как строчкою нотною, движет
Он рельсами дальних дорог,
Слезам, прощаньями дышит
Дорожный языческий бог.

Ему здесь немая свобода –
Он радости, грусти творец,
И с ним заодно вся природа
Железнодорожных колец.

Я встретил его здесь случайно –
На рельсах железных дорог.
Поделит со мной горечь чая
Дорожный языческий бог.

МАРГАРИТА ШИТИКОВА

Родилась в Тамбове, окончила лицей № 6, ТГТУ и аспирантуру. Стихи ее публиковались в коллективных сборниках, в «Тамбовском альманахе», в журналах, в том числе и столичных, в частности, в журнале «Наша молодежь». В настоящее время Маргарита готовит к печати отдельный сборник стихотворений.

На прошедшем в 2016 году областном конкурсе чтецов «Живое слово о Тамбове» в номинации «Лучшее авторское исполнение» Маргарита стала лауреатом.

Ветер в поле разгулялся,
Я хотел гулять бы с ним,
Но тяжелым оказался,
Оттого-то так и сник.

Ветер в поле, ветер в поле
Разгулялся и завыл.
Где твой град могучий стольный?
Как идти к нему, забыл...

Ветер, ветер, спой мне песню.
Карандаш мой заскрипит.
Принеси благие вести,
Так душа моя болит...

Ветром в поле быть готов я.
Если ты чрез много лет
Вдруг услышишь шум портовый,
Знай, что я прислал привет.

СМЕНА

Мое щебечущее детство
Уехало гостить к другим:
Ты, Рита, повзрослела, дескать –
Мне оставаться не с руки...

Кусты раки в тумане цнинском –
Родной реки, учившей плыть.
Здесь крестная мной, будто искоркой,
Стреляла в море жизни: пли!

Детсад. Снегурочка. Музшкола.
Стихи, концерты и полет...
Но быстро-быстро так прошел ты,
Период, где душа поет.

Пока поет и вспоминает
Коробку найденных конфет...
Иная жизнь. И я иная:
Немного Блок, немного Фет.

Еще чудесным ожиданьем
Живет девчачье озорство,
Но робким получился танец
Под этой жизни перезвон.

Тоскую. И ко мне нагнулась
Со словом утешенья в ритм
Пришедшая на смену юность...
Ну что ж, давай поговорим.

КУЗНИЦА

Это место – кузница страданий.
Кузнецы – и вы, и я сама.
В переклестах ливневых рыданий
Жизнь пытается людей сломать.

Радостные грезы отступили,
Корни сожжены, развеян прах.
И события безмятежной были
Выброшены в память, будто брак.

Крутится привычная воронка,
Продолжает мельница молоть...
А голубоглазые вороны
Так невинно пожирают плоть...

Если жизнь – река двуликой грязи,
То поможет в ней не утонуть
Плот воспоминаний дней прекрасных,
Он преодолеть поможет путь.

В кузнице немало наковален.
Судьбы закаляются, как сталь.
Молот все переживут едва ли:
Вот – одна ломается. А жаль.

РЫЦАРЬ

Твой меч – перо, а щит – бумага.
Поэт – такой же рыцарь, знай!
Рассеешь словом мглу, туманы –
И возвратится вновь весна.
А поле боя – мир и сердце
Читателя.
Каким зерно посеешь,
Судьбоносный сеятель,
Таким и вырастет оно.
Три пальца карандаш сжимают,
Два – спрятались и держат кисть,
И вот: цветет в поспевшем мае
Родного винограда кисть;
Стакан воды несет старушке
Правнучка в платье изо льна.
И дождь идилию нарушит,
Вновь жажду утолив сполна...
Приходит время гласом звонким
К блаженствам горним звать сердца.
Мой друг, твори! Не стой в сторонке:
Ты – рыцарь. Не теряй лица!

АНАСТАСИЯ ЧЕЛЮБЕЕВА

*Родилась в Тамбове. Здесь окончила среднюю школу, начала трудовую жизнь. Понимая, что без высшего образования нелегко получить хорошее место, поступила на заочное отделение в ТГУ имени Г.Р. Державина, где и учится сейчас на четвертом курсе.
Стихи начала писать в школьном возрасте, публиковалась в местной прессе, в коллективных сборниках, в «Тамбовском альманахе».*

РАССТОЯНИЕ

Расстояние... Я не люблю это слово:
С ним я сладить порою совсем не могу.
Мне всё кажется, будто бы мир мой сломан,
Как бывают сломаны ветки на талом снегу.

Расстояние так жестоко, несправедливо,
И его не изменишь, увы, как в тексте строку:
«Расстояние не мешает мне быть

счастливой –

Я тебя всегда в своем сердце берегу...»

КАК ЗАБЫТЬ ЧЕЛОВЕКА?

«Как забыть человека?» – себе задаю вопрос
И мечтаю сама я найти на него ответ.
Я хочу, чтобы это случилось со мной всерьез,
Чтобы я не лгала, как лгу уже двадцать лет.

Как забыть человека, чтоб утром открыть
глаза

И понять, что душа моя – это чистый лист,
И отныне никто не тянет меня назад,
И теперь мне больше незачем падать вниз?!

Как забыть человека, чтоб не было тяжело,
Чтоб не было слез предательских?

Как забыть,

Чтобы глупое чувство привязанности ушло,
И я снова смогла бы спокойно, как раньше,
жить?

Чтобы мысли мои перестали меня терзать,
Чтобы день наконец-то из темного светлым
стал?

Как забыть человека, когда забывать нельзя? –
Он ведь занял в сердце моем все места.

А помнишь, падал первый снег
И сразу на ладонях таял,
И ты открыл вдруг тайну мне –
С тобою мы родными стали.

Уткнувшись в сильное плечо,
Тебя я крепко обнимала.
Нам беды будут нипочем –
Я с самого начала знала.

Но так случилось: свет погас,
С улыбкой кто-то машет сверху,
И больше нет на свете «нас»:
Мы разошлись, и ты уехал.

Тебя давно там кто-то ждет.
Мне хочется сказать зачем-то:
«Наверно, ты совсем не тот,
Кто мне судьбою предначертан?»

ЕЛЕНА ЯЦКОВА

Родилась в Тамбове. После средней школы успешно окончила исторический факультет ТГУ имени Г.Р. Державина. Рано начала сочинять стихи, публиковалась в газете для подростков «Ровесник». При всей склонности к литературному творчеству она не оставляла мечту получить медицинское образование. И она его получила в том же университете. Сейчас Елена работает врачом, но продолжает писать стихи. Она – автор двух поэтических сборников, многих публикаций в газетах и коллективных сборниках, в «Тамбовском альманахе».

ВДОХНОВЕНЬЕ

Вдохновение нужно нам во всём –
В отдыхе, в поездках и в делах,
Чтоб душа наполнилась теплом,
Чтобы мысли выразить в словах;

Чтоб любить и чтоб растить детей,
Светлую улыбкой скрасить быт;
Не считать минуты серых дней,
А счастливым человеком быть.

Создавать, творить, взлетать и верить
В силу крыльев, оставляя след,
И не ждать, когда откроют двери,
А лететь смелей на яркий свет,

Даже если знаешь наперед,
Что твое паденье неизбежно.
Вдохновение, что в душе живет,
Снова будет окрылять надеждой...

Народись, расти и зацвети,
Создавая людям настроение.
Главное – на жизненном пути
Начинать всё нужно с вдохновенья.

В судьбе моей людей знакомых много,
Но не ко всем могу подход найти:
С одними я иду одной дорогой,
С другими мне совсем не по пути.

Но каждое знакомство у меня
Оставило в душе навечно след:
Одних при встрече хочется обнять,
Другим послать свой пламенный привет;

Кого-то обойти, чтоб невзначай
Не повстречаться взглядом, а кого
Я снова приглашу к себе на чай;
Кому-то лишь звоню – кто далеко...

Ценю я очень в людях доброту,
Поэтому не каждому я рада.
А уважать за власть и красоту,
Большие деньги – никогда не надо!

Что в этих людях? Пустота одна!
Она в душе, во взгляде, в разговоре.
Общаясь с ними, понимаешь вскоре,
Что жизнь на самом деле их бедна...

В судьбе моей знакомых очень много,
Но с кем-то не хочу встречаться дважды.
Людей я не оцениваю строго,
Я доброту найти пытаюсь в каждом.

ОЛЬГА ТЕРЕХОВА

Родилась в Тамбове, окончила лицей № 14. Сейчас учится в ТГТУ. Стихи пишет со школьных лет. Публиковалась в газетах, альманахах, журналах, в том числе и столичных. Она неоднократный победитель областных конкурсов на лучшее стихотворение о родном крае, о Великой Отечественной войне.

ЗАКАТУ

Я смотрю в глаза заката:
В пламени седых кудрей
Мне он кажется солдатом,
Не вернувшимся с полей
Битв минувших... Не нашедший
На родной земле покой,
Безымянный, но бессмертный
В горькой памяти людской.

Тем солдатом, чью могилу
Дождь оплачет по весне;
Тем, кому речей любимой
Не услышать в тишине,

Меж крестов, сырых надгробий...
В утешенье – цвет полей.
Оттого к земле клонится –
Не найти ему милей.

ЧУВСТВА

Чувства – это слабость или сила?
Чья рука нас ими наделила?
Дар небес иль наказание это –
Чувствовать потери и победы?

И бросаться, сердцем закрывая
То, что дорого, спасешься ли, не зная...
Просто потому, что так решили
Чувства, что с судьбой не примирили...

Изменять привычные теченья,
Рваться в бой, отстаивая мнение.
Ведь без чувств не будет человека:
В них – душа сегодняшнего века.

Валерий АРШАНСКИЙ

РАССКАЗ

«РЕНО-КАПТУР»

«А голубцы у Раечки были просто бесподобные, настоящий цимес!» – слышит сквозь сон веселый голос жены Лев Сергеевич. Опять... Последние полгода он если и просыпается раньше времени, то лишь от ее, Тамариных, раскатов голоса, шуток и смеха. Что поделаешь, в одесской семье, где она росла, бытовало такое убеждение: без юмора день пропащий. Потому и детям своим родители Тамары прививку веселья сделали в первую очередь, раньше, пожалуй, чем их сын и дочь начали ходить. Но это ладно. Вопрос в другом: откуда сейчас взялся здесь женин голос?

Схватив с тумбочки нахально молчащий будильник, Лев Сергеевич подносит его к глазам вплотную, в глубине души надеясь на благополучный исход. Где там. Проспал! А ведь накручивал с вечера пружинку, ставил стрелки на утренний звонок, он что, не помнит? Ладно. Без паники. Рассуждать уже поздно. Вперед!

Полноватый, но вполне еще осанистый и достаточно юркий для своих шестидесяти с хвостиком «Кент» (так панибратски кличет всех знакомых мужчин друг семьи, очень крупный специалист по ленивым вареникам и капустным голубцам Раиса Матвейчук), как и все опаздывающие люди, суетливо мечется по квартире, мыча сквозь зубы, роняя тапочки, зубную щетку, очки и хватаясь за разные мелочи – носовой платок, часы, носки, расческу, но упуская главное – одежду... И неясно, как долго продолжалась бы эта утренняя лихоманка, если бы откуда-то из космического далека не донесся к нему властный зов супруги: «Левка, немедленно положи всё на место! Стой! Замри!» И Лев Сергеевич тут же останавливается. Застывает, втянув живот и вытянув руки вдоль семейных трусов по швам. А затем, словно после сеанса гипноза, слегка шлепает себя ладошкой по лбу, прощаясь с лихорадкой бессмысленного

«икрометания» и начиная иной, спокойный, осмысленный, а главное, последовательный порядок действий. В точном соответствии с приказом жены.

А это значит: умыться, но не бриться – раз! Ничего страшного: почти все телевизионные джентльмены щеголяют кто недельной, кто месячной поросычьей щетиной, подавая пример для подражания многомиллионной армии мужчин-телезрителей.

Жевнуть? Хватит вчерашней плюшки с йогуртом. Ничего, что черствая. Кстати, этот сплюснутый пластмассовый стакашок уже давно просится в мусорное ведро. Ути-ути, ныряй в цибарку, миленький! Это два-с.

Таблетки? Некогда, пусть полежат. И так наглотался их за последние полгода пригоршни... Это три-с.

Что еще? Джинсы – вжик! Ботинки – вжуххх! Свитер – втюх! Куртка, шарфик, шапка – всё на месте. Аллес гут! Кент готов на баррикады!

Ужом скользнув по коридору в тамбур, не встретив укоризненный Тамарин взгляд, Лев Сергеевич аккуратно прокручивает за собой оба ключика в хорошо смазанных графитом замках. Еще раз, теперь уже спускаясь в лифте с девятого этажа на первый, перебирает в уме, ничего ли не забыл: газ, вода, свет, мусор? Не трогал... Перекрыл... Не включал... Пакет выбросил... Всё! Тамаре не к чему будет придраться. А для него отныне быт забыт. Свобода!

«Ихъ бин хойте орднер», – на ужасном немецком сипло сообщает беглец заспанной вахтерше-узбечке или таджичке – обладательнице раскосых глаз и плоского, как блин, смуглого личика. От его «шрэклихъ дойч» напуганная консьержка немедленно задерживает тюлевую шторку на окошке, по-утиному ныряет ниже подоконника и, силой воли усмиряя учащенное биение сердца, ждет не дождется пения домофона при выходе какого-то странного «немца» из подъезда. О аллах, наконец-то!

С детских лет зная назубок все проходные дворы, проулки и закоулки родной своей Зацепы, где, по Михалкову, водит мама два прицепа, Лев Сергеевич, ловко скользя по

ледянкам, легко преодолевает заснеженные тропки-«укоротки», почти вдвое сокращая расстояние на пути к станции метро «Павелецкая». Шальная предновогодняя пятница, щедрая на крепкий морозец с едким ветерком и хвостатую поземку, за одну ночь превратила вчерашние рыхлые от дождя ватные ветки на деревьях и кустарниках в ледяные люстры, звонкий хрустальный стеклярус, мелодично исполняющий перестуком кастаньет некую зимнюю сказку, похожую на вступление оркестра народных инструментов к бесмертному балету «Баядерка».

«Кенту» любая непогода нипочем, коль упакован он в финский зимний наряд из трех составляющих: куртка, шапка, капюшон. Тишком-нишком, где вжимаясь бочком в перила, где орудуя бедром, локотком или плечиком, оттирая медлительных приезжих, нерешительно толпящихся у касс и турникетов, Лев Сергеевич быстро достигает поношенной лестницы эскалатора, с которой грех, пока ноги несут, не промчаться, как бывалоча, минув одну-две ступеньки, вниз. И этаким шнырем, штырем, штопором ввинтиться в узкую полосу смыкающихся было дверей последнего вагона, получив на прощанье тяжкий вздох и безмолвное порицание всех поколений метростроевцев, проложивших подземные дороги вовсе не для того, чтобы здесь лихачили вот такие престарелые сорванцы, которые и в шестьдесят с гаком все еще ведут себя, как мальчишки.

«Кент» – действительно парень прыткий, не любящий никуда опаздывать. И на искомую «Беговую» примчался – хоть сверяй по нему швейцарский хронометр – тютелька в тютельку. Точно по графику отправления в нужный микрорайон букашки-маршрутки со светящейся трафареткой на лбу. Название конечного пункта «Автобаза» – мало что говорит людям непосвященным и много чего – таким же, как Лев, заядлым автолюбителям, знающим о машинах и их производителях всё плюс единицу, в том числе и википедию лающего названия вот этого европейского концерна, простершего свои могущественные... руки? Нет. Лапы? Грубо... Присоски, вот. Или, если хотите, шупальцы, во множество стран и пяток континентов. Гигантский автомобиль-

ный осьминог запросто позволяет себе совершенно детский для него каприз: бесплатную доставку от близлежащих станций метро к заветным салонам потенциальных покупателей. А вместе с ними и праздных зевак, способных потом донести малой ли, большой аудитории все ахи-охи-ухи-вздохи об увиденном-узнанном-услышанном на УКВ, КВ, средней и длинной волнах сарафанного радио. «Ты плыви, моя лодка, плыви...» Что и требовалось доказать.

Ушлые менеджеры со стародавних времен знают и поощряют такие маркетинговые ходы – приглашение в салоны людей имущих и неимущих, как некогда римляне приглашали в Колизей на бой гладиаторов бедных и богатых, только предоставляя места ближе к арене богачам, а те, что подальше, – как раз неимущим, женщинам и детям (что с них возьмешь?)... Коллега Льва Сергеевича, патриарх конструкторского бюро, работавший еще в Наркомате путей сообщения на строительстве Московского метрополитена имени Лазаря Моисеевича Кагановича и приобщивший юного тогда Леву к автоспорту, частенько говорил молодежи: «Дети, живите шире. Человеку с кругозором курицы интересны только его корм и насест. Но мы же не курицы...» Точно! А расширяет кругозор многое, в том числе и залитые светом неоновых ламп огромные, как самолетные ангары, автомобильные салоны, где на любой вкус и цвет предлагаются машинки, за которые жители разных стран и континентов платят солидные баксы, евро, фунты, тугрики, пиастры... Или рубли. Одни – пропитанные трудовым потом, другие – пахнущие легким одеколоном с двусмысленным названием «Может быть»...

Седоусый, аккуратно подстриженный, опрятно одетый господин с едва заметной белесой порослью на щеках, имеющий честь состоять в тесках со знаменитым автором «Войны и мира», молниеносно и в то же время как бы вскользь окидывает соколиным взором то одного, то другого соседа по маршрутке, пытаясь быстренько вычислить, кто из них – сидящих справа и слева от него – есть кто и что

собой представляет. Наиболее импонирует сейчас Льву Сергеевичу вон тот нахохлившийся молчун, задумчивый мужичок, занявший место в полутемном салоне у заиндеветшего окошка справа. Как цадик, увиденный Львом однажды в синагоге, пассажир молитвенно шевелит губами, устремив взор бирюзовых глаз к небу, точнее, на откидной люк маршрутки, задумчиво шкрябает хрящеватый нос. И в сотый, пожалуй, раз просчитывает в уме доход от сданной по системе «трейд-ин» старой машины и вычисляет предстоящую доплату за новый автомобиль.

Тяжелые руки конопатого молчуна поочередно ощупывают карманы брюк, где, как безошибочно определяет Лев Сергеевич, греют дядьке ляжки пухлые пачки крупных наличных, завернутые в целлофановые пакеты и для надежности прихваченные еще, как резиновым жгутом поверх раны, разноцветными банковскими резинками.

Чудик заметно нервничает: он то покусывает губы, то ожесточенно гоняет желваки, то недовольно крутит головой, как потный конь, отгоняющий гривой оводов или слепней. Время от времени, оставляя в покое нос, он яростно потирает сильными, темными от солнца и земли пальцами остро выдающийся крепкий подбородок, словно желая сделать его еще острее, сильнее и закаленнее. Так ведет себя типичный футбольный болельщик, яростно егозящий на трибуне, когда до конца игры остается с гулькин нос, на табло «ноль-один» в чужую пользу и совершенно непонятно, забьют ли эти наши пьяницы-нападающие ответный гол, чтобы хоть сравнять счет и не покидать расстроенным фанатам спортивную арену с понурым видом.

В такие минуты нельзя трогать незнакомого, да и знакомого гражданина: огрызнется, накуксится, а то и пошлет... Что правильно сделает. Нечего лезть, когда не просят. Есть старое врачебное правило: не чешется – не чеши. То есть не зовут – не суйся. Но... Все равно интересно бы узнать, откуда этого малого в наш Пекин занесло? Как в том анекдоте: «Откедова будешь?»

Лев Сергеевич, давно привыкший в своем конструкторском бюро косить с неподвижным видом глаза на сорок румбов в сто-

рону, пытаюсь боковым зрением разглядеть, что же там под легкой юбкой у молоденькой копировщицы за соседним кульманом, изучает и сейчас, не поворачивая головы, одеяние своего соседа. Как говорится, скажи, во что ты одет, и я скажу, кто ты. На дядьке добротный зимний зипун с подкладкой из трех бездомных тузиков – хищный мурманский ветер такой не прошибет, стой ты хоть лоцманом, хоть боцманом на бушприте в открытом море. Поверх тулупа – вылинявший до безликого цвета цементного раствора меховой воротник и такого же колера малахай, не из кроличьего, а из заячьего меха – тоже верная преграда, допустим, архангельскому сиверко: свисти себе, ветрище, во всю широтищу, а «нам не страшен серый волк, нас у мамы целый полк!» – непременно сострила бы хохотунья Томочка... Значит, гость столыцы – северянин. Норильск? Иркутск? Холмогоры – земляк Ломоносова? А если он из Коми – тогда как звать, комяк? Вот тебе и Маяковский: «Я русский бы выучил только за то...»

– Здравствуйте! Здравствуйте! – будто встречая долгожданных сватов, заученно улыбаются во всю ширь жемчужных зубиков две птички-синички в белых блузах и синей униформе, занимающие стеклянную выгородку в пяти шагах от входа в салон. – Мы можем вам в чем-то помочь? Ах, у вас уже назначено время... Кто, простите, ваш продавец-консультант? Понятно. Отдыхайте пока, он обслуживает сейчас очередного клиента, потом сразу к вам подойдет. Журналы, буклеты, чай? Перекусить? Наверху действует прекрасное кафе...

Михаил Алексеевич (так зовут северного викинга), сняв малахай, ошалело крутит лысеющей головой, насмерть сраженный невиданной в его суровых краях обходительностью. А Лев Сергеевич, хорошо знакомый с правильным подходом младшего административного персонала к посетителям, вежливо выставляет перед собой ладошку:

– Нон-стоп, разберемся. А скажите-ка, барышни, какие сегодня у вас пряники?

Мгновенно признав в седоусом аристократе своего – будь он из Красной Пресни или Ховрино – птички-синички доверительно щебечут:

– Если вы нацелены вот на такие модели, – ложится перед Львом Сергеевичем шикарный альбом блескучих шведских и французских новинок, – то классные скидки сегодня на утилизацию, плюс повышенный бонус от руководства фирмы за «трейд-ин» и комплект зимней резины в подарок...

– Слышь, дочка, а если я, это, вчера сдал «Приору», а сегодня покупаю у вас «Ниву-Шевроле», так она сегодня почему? – заметно портит тонкое общение на возвышенных тонах поторопившийся встрять в элитный разговор северный житель.

Окинув бесстрастным взором поверх его плеча окружающее пространство, одна из синичек негромко цедит:

– Вы дождитесь, пожалуйста, своего продавца-консультанта, он конкретно ответит на все ваши вопросы.

Барышни деловито утыкаются в экраны ноутбуков, на одном из которых красуется старинный французский пасьянс Жозефины Богарне, на другом – примитивное приглашение сыграть в подкидного дурака, где для выяснения очевидного как раз не хватает одного партнера...

Сунув под обеденный стол в кафе потрепанный портфель, помнящий эпоху послевоенного маршала Булганина («Баба завернула на дорожку свойский хлеб, сыр, колбасу»), скинув на свободный стул зипун, малахай и свитер, «ослобонившийся» Михаил Алексеевич – фермерские очки на самой пипочке носа – внимательно вчитывается в меню, медленно шевеля губами и честно пытаюсь понять, что же такое стоит за этими таинственными названиями: фондю, стейк, фрикасе... А вон, блин, вообще какая-то же... жо... жюльена... Или жюльен? Фермер беспомощно поднимает глаза на иронично улыбающегося москвича, вызвавшего, дай ему Бог здоровья, помочь простому крестьянину в трудном «ресторанском» деле.

– Что-нибудь поняли?

– Ни хрена! – как на духу признается покоритель Арктики. – Слышь, Сергеич, ты это, ты, как говорится, сам тут покумекай, что к чему, я заплачу, не переживай. Бери на двоих, ну, там, первое, чтоб горяченькое, второе, чтоб с котлеткой, и компот. А я пока схожу отолью: от самой Беговой терплю, представляешь? Уборная где тут у них, под лестницей? Ну, давай, действуй.

Близорукость не помешала Льву Сергеевичу разглядеть на бейджике имя полненькой официантки, в одиночку обслуживающей длинный ряд столиков, – Юля. Ага, Юлечка. Уверенно обозначая указательным пальцем нужные строчки на карте порционных блюд, тезка великого писателя подтвердил свое знание русской кухни, от которой, впрочем, сегодня осталось одно лишь название с акцентом на второе слово.

Умеет Лев завоевывать сердца женщин! Вот и Юлечка очень уж расстаралась угодить импозантному гостю. За непродолжительное время мраморную столешницу украсили тарелочки-кокили с овощными салатиками, увенчанные поверх хрусткой капусточки, крохотных, маникюрного цвета помидорок и таких же лилипотов корншончиков алыми клюковками. Рядом на скатерти-самобранке появились менажницы и фондюшницы с загадочным для комяка (гы-гы) или холмогорца (?) шоколадным фондю. К ним притулились креманочки с горячими – с пылу-жару – сырниками в сопровождении маленьких соусниц, наполненных неправдоподобно белой, как алебастр, сметанкой... А вот «горячее», столь желанное для северянина, Юлечка попросила немножко обождать: обычно супы-щи-борщи салонная публика не заказывает, по-европейски предпочитая на обед только вторые блюда...

«Всё так, Европа ши не знает», – разминая, но не закуривая (нельзя!) сигаретку, задумчиво рассматривал большую витрину с выставленной в ней красавицей-елочкой Лев Сергеевич. Всего лишь в прошлом году, примерно в такое же время, он с Тамарой выбрался благодаря подаренным сыном и дочерью путевкам в благословенную Швейцарию, страну-праздник, обладательницу дивных природных красот и безумных шо-

пинговых цен... Оторвавшись от назиданий экскурсовода и осточертевших за неделю таких же, как они, экскурсантов-соотечественников, супруги попали в маленький ресторанчик самого северного кантона, с трех сторон окруженного границей с Германией. Кажется, Шаффенхаузен называлось то место? И русскоговорящий хозяин горного кабачка Андрей, сын полячки и русака, благополучно бежавших сюда в самом конце войны из гитлеровского концентрационного лагеря, благожелательно рассказывал им, какие именно швейцарские сыры идут на приготовление фирменного фондю («Чтобы вы знали, в Швейцарии никого никогда не обманывают, здесь с этим строго!»), в какой пропорции добавляется для вкуса мускатный орех, совсем уж неожиданно – чесночок («Да, господа, да, нам нормально, а для немцев чеснок – «кноблех» – фи! – моветон, дурной вкус, как для нас горох, да? Но это для немцев»). Притащив мензурки и аптечные весы, Андрей наглядно показывал, сколько на одну порцию идет кирша («Совершенно справедливо, это для приправы! – благосклонно кивал в сторону догадливой Тамары светлой, как овчинное руно, бородкой очень похожий на молодого Достоевского Анджей – Андрей. – Кирш это всего лишь крепкая черешневая настоечка. Мадам не возражает попробовать ее отдельно? Дегустация – за счет заведения. Можно, я принесу?»)...

С улыбкой пребывая в подернутых дымкой времени воспоминаниях, Лев Сергеевич не сразу оторвал затуманенный взгляд от переливающейся огнями гирлянд новогодней елочки. А когда растаяло гипнотическое видение и жизнь стала на свои места, глазам своим не поверил. Будто алый сполох северного сияния возник рядом с облегченно вздыхающим Михаилом Алексеевичем. То была... Раиса Матвейчук. Утреннее видение из сна собственной персоной!

– Левка! Кентяра! Ты куда пропал? Полгода тебя найти не могу.

– Я пропал? Ну ты даешь... От самой ни слуху ни духу, а я пропал...

– Ладно, Левчик, не будем считаться, что было вчера, то вчера, главное – сегодня на-шлись.

Не обращая никакого внимания на застывшего в позе истукана северянина, Раиса махом длинной ноги отодвинула подальше превращенный в гардероб стул с наваленной верхней одеждой гостя Москвы, по-хозяйски скинула на спинку свободного стула отливающее темно-ореховым ворсом норковое манто и, кокетливо поправляя прическу, продолжила лопотать о радости встречи, о том, как сумела разглядеть Левона (теперь он уже был в ее устах Левон) «в шумном зале ресторана», о своих делах...

– Левочка, но ты уж прости меня, что я тогда не смогла выбраться из своей Рублевки... кхм... к вам на проводы, – виновато заглядывала в глаза Льву Сергеевичу Раиса. – Как раз попала на развод с тем, бывшим. А это же суды, приставы, иски, дележка, его противная рожа. Ой, я не могу...

Выплескивая горечь и прежнюю боль свою, Раиса не забывала деловым взглядом обшаривать яства на столе, выбирая из поданных Юлечкой блюд самое вкусное – румяные сырники. И с аппетитом приступила к их истреблению, щедро поливая каждый кусочек добрым сметанным соусом.

– Михаил Алексеевич, прошу прощения, это вот Раиса, друг семьи, понимаете, – смущенный суворовским натиском глубоко декольтированной дамы с разметающимися по лбу рыжими кудряшками, резво ухмetyвающей не предназначенное ей второе, и чувствующий глубокую неловкость перед гостем, оправдывался Лев Сергеевич. – Да вы берите вон еще один стульчик, садитесь, мы сейчас Юлечке повтор закажем...

Пропустив мимо ушей мало ее касающийся мужской разговор, Раиса доверительно, как к самой близкой подруге, приблизилась заметно наштукатуренное свое личико к небритым щекам старого друга.

– Слышь, Левчик! Я после развода мотнулась в Сочи, кадра там себе отхватила, это нечто. Нет, зачем мне молодой? Ровесник. Бабла – море, он то ли полковник, то ли генерал в отставке, я в их погонах не тумкаю, говорит, всю жизнь на Колыме в каких-то кандалных войсках протрубил. Вдовец. Сразу «двушку» нам купил на Остоженке. Представляешь? Дурак, конечно, гольный, двух слов связать не

может, а на третьем – мат. И ревнивый, как бес, к каждому столбу цепляется. Зато, эх-эхм, по ночам это просто секс-машина. Детей нет, и с моим Вадькой отношения не строит, отчим хренов... Зато гляди, какую машиненку берет, «Рено-Каптур». Я видела, как ты и дверки мацал, и сидел в нем. Скажи, канделябр!

– Лев! – чуть помолчав, подняла лужавые глазенки на молчащего друга Раиса. – Слышь? – Она строго повела головой в сторону зло пощипывающего подбородок северянина: не прислушивайся, мол! (А он, ожидая подхода Юлечки с дубликатом сырников, и не думал прислушиваться к словам этой ведьмы крашеной.)

– Ты мужчина, я понимаю... Но не спеши искать постоянную подругу, улавливаешь? Кандальщик мой на одних ингаляторах сидит, астма страшная, секешь, да? Тогда на «Каптуре» ух как покатаемся, отвечаю!

Когда-то Левкина одноклассница, красотка-девочка с Зацепы Раиска Матвейчук, впоследствии так и не поменявшая свою фамилию ни при одном из мужей, шикарно танцевала в созданном при местном Доме культуры железнодорожников хореографическом ансамбле «Калинка». И старые, искушенные зрители-балетоманы, подрагивая в такт музыке артритными ногами, чуть ли не пускали слюну от сладострастия, еле удерживая в мучнистых руках театральные бинокли и жадно всматриваясь в порхающие ножки, в то, как эта юная звездочка, прима районной сцены, абсолютно профессионально, в стиле Майи Плисецкой, крутит с левой ноги одно за другим обворожительные фуэте, «летя, как пух Эола»... Ей, поцелованной в темечко богиней Терпсихорой, и дальше бы двигаться по танцевальной дорожке, но тут хлынули на созревшую барышню, на это смачное яблочко, любви за любовями... Браки, романы, разводы, не понять от кого рожденный хороший парень Вадим...

Требовательный писк мобильного телефона из кармана норкового манто Раисы прервал воцарившееся за столом молчание. Генеральский бас, с акцентом на глухие согласные, слушая который Раиса как можно плотнее прижимала трубку ладошкой, говорил сам за себя. Без перевода.

– Ну все, Левушка, я помчалась, Магадан меня уже ищет, – не понять, то ли с удовольствием от проявленной ревности колымского Отелло, то ли с осуждением к его низменным страстям – снизошла, сделала наконец ручкой незнакомцу – объединенному ею Михаилу Алексеевичу – и дважды обцеловала воздух вокруг щетинистых щек Льва Сергеевича баламутная Раиска, по-прежнему сохраняющая классную, ничуть не тронутую годами и разводами, рюмочную фигурку.

Выждав, пока протопают вниз по лестнице дразнящие тусклой натуральной кожей высокие сапожки (модель «Франческо Руссо») незваной гостьи, Михаил Алексеевич повернулся к своему товарищу, понимающе усмехнулся и подмигнул: «Як кажуть в нас, на Украины, не бачились давно и побачились – говно?»

Посмеявшись точности оценки, они с интересом наблюдали сверху за тем, как по-мальчишески сердито выговаривал что-то за опоздание Раисе старый муж, грозный муж, незаметно, из-под полы, грозя ей кулаком, а она отвечала ему искусно свернутой фигурой.

«Рено-Каптур», цвет комбинированный, прошу на выезд!» – отщелкало с запинками объявление одной из птичек-синичек по внутреннему динамику.

– «Каптур», «Каптур», – сыто щурился северянин, вынужденный довольствоваться на десерт «американой» вместо отсутствующего в меню компота, – звучит почти как «Капур». А помнишь, Сергеич, мы пацанами пели песни Радж Капура?

– Хо! Еще бы! – оживился приунывший было москвич. – Весь Союз «Бродягу» тогда пел. Отвечаю! А после «Господина 420» что творилось... Ни в один кинотеатр было не попасть, билеты только по блату.

*Разодет я, как картинка,
Я в японских ботинках,
В шапке русской большой
И с индийской душой...*

Официантка Юлечка, намеревавшаяся подать клиентам счет, остановилась на полпути, с удивлением вслушиваясь в согласный дуэт тенора и баритона, без спевки и репе-

тиций так дружно исполняющих неведомые ей очень интересные куплеты – хорошо, что веселые и без мата... А то здесь порой такая публика бывает – лучше не подходи...

«Легкий снег летит с утра, дуют синие ветра, стынет лес на озябшей заре», – уютно мурлычет нежным голосом дорожное радио в кабине новенькой «Нивы», благоприобретенной Михаилом Алексеевичем, любезно согласившимся подбросить славного своего друга-москвича прямо к его дому, на Зацепу. Но решительно отказавшимся заночевать там...

– Не, не, еще чего, Сергеич. Спасибо, конечно, только у меня и так душа вся изболелась, как там баба моя одна со всем хозяйством справляется. Попросил я перед отъездом на пару-тройку дней соседку помочь, дак та робить не дюже, больше бы ей телевизор смотреть, тля ледащая... Так что погоню я свою «Шевроле» без остановок до самой хаты. Завтра к обедам как раз буду, а вечером со сватом обмоем новинку-то. Да как же, если мы личное подсобное держим? Куры, гуси, поросята. Сад, огород. И свое всё, и на продажу есть чего – мясо, молочко, творожок, сметанка, на рынке влет всё уходит. Сыроварню хочу открыть. Полтора десятка коров у нас – одни симменталки, дойные, вымя у каждой – с ведро, ей-ей, не брешу. А еще ж телятки, нетели, всех поить-кормить три раза в день надо, назем убирать... Труд, блин, не то что у этой, звезды крашеной. Из резиновых сапог не вылазим, гнемся без выходов – без проходных... А иначе где взять денег на машинку? Да и детям, внучатам, нет-нет, подкидывать надо. А как же, чай, не англичане. Ничего! Силенки еще есть, погоди, пару-тройку лет – мы и «Каптур» себе купим! – братски похлопав друга по плечу и обменявшись с ним номерами телефонов, прощается со Львом Сергеевичем у его девятиэтажного дома Михаил Алексеевич.

«Поплавский-буги, Зиганшин-рок, Федотов съел сырой сапог. Пока Зиганшин рок

лабал, гармонь Поплавский доедал!» – ух как закатывается в хриплом смехе от разухабистой песенки радиощансонье уверенно правящий рулем кроссовера отставной генерал кандалных войск. Тот самый желтолицый друг степей Константин Лаврентьевич, одно имя-отчество которого во время инспекционных поездок наводило ужас и на отбывающих длительные сроки уркаганов, и на сторожевой персонал всех раскиданных по необозримым просторам колымского края исправительных лагерей грозной системы УФСИН.

Искоса поглядывая на Раису, явно раздосадованную громогласно вставленным ей генеральским «пистоном» за опоздание всего-то на пять минут, Лаврентьевич благодушно хмурит брови, исподволь размышляя: «Ништяк, сойдет! А то расфуфырилась, мочалка. К кому в кафе бегала? Небось, к тому, с кем до меня шпокалась? Ща, на хазу прикатим, вкачу тебе стаканище хеннеси с мартини, под один лимончик, сразу голубкой станешь...»

«Господи, скорее бы тебя Всевышний прибрал, астматик чертов! – как бы роясь в дамской сумочке в поисках карандашика помады, не поднимает глаз на довольно мурчащего супруга Раиса. – Томочку вон во цвете лет Левка потерял, – скорбно складывает колечком не раз подкачанные ботоксом губы бывшая одноклассница Льва Сергеевича, – а тебя никакая хвороба не берет, Аника-воин. Небось, только и мыслей сейчас, как бы поскорее меня напоить, да это... Хотя бы! Пусть. Кайфануть в отключку, чтоб губы твои слюнявые ко мне не прикасались... А откинешься – сразу Левку у себя пропишу!» – повеселев, делает мужу глазками «Ну-у, если ты так хочешь, я не против» верная ему жена. Так и не станцевавшая в «Лебедином озере» прекрасную принцессу Одетту, превращенную проклятием злого колдуна Ротберга в лебедя... Всё теперь. Едет несостоявшаяся балерина Большого театра Раиса Матвейчук на генеральскую хазу наемным пассажиром «Каптура». И сидит за рулем крючконосый хозяин золотой клетки с канарейкой. Он. Тот самый Ротберг... Как там пела в студенческих компаниях вечная заводила общежитских вечеринок одесситка Томочка: «А кто затронет

нашу Навердыче, тому холера пусть сядет на живот!» Не гневя Бога, хоть бы ему и села...

По-холостяцки, на скорую руку отварив в кастрюльке полпачки пельменей – памятник надо поставить тому, кто придумал эту универсальную еду, годную всем и вся утром, днем и вечером, – Лев Сергеевич, сидя в спортивных штанах и футболке напротив строгого портрета чем-то сегодня огорченной Тамары (ему ли, прожившему с ней сорок лет и три года, не знать выражения лица жены!), тихо пересказывает все события прошедшего дня, начав с трудяги-фермера, не забыв упомянуть перемены в жизни Раисы, а заодно изложить свое впечатление от мельком, но всё же увиденного ее мужа – кандалного и скандального генерала... Какой это он у нее? Уж и со счета сбился...

Тамара неодобрительно хмыкает. Как обычно, стоя вполоборота у плиты с кухонным полотенцем через плечо, назидательно роняет чересчур уж что-то разговорившемся сегодня супругу:

– Ты, Ландау, чужих мужей не считай, понял? Раиска нормальная баба и друг настоящий. Кто мне передачи в онкологию таскал из бывших друзей, тех, кто пил-ел, не вылезал из-за стола у нас? Только Раиса. Кто мне после химиотерапии французские и израильские таблетки доставал через своих ханыг рублевских? Раиса. А что на похороны не попала, так она же объяснила причину, я не в обиде на нее...

Лев Сергеевич согласно кивает головой, опрокидывает одним большим глотком чарку холодной водки, закусывая горячими пельмешками, обмакнутыми в горчичку, мелкую сольцу и черный молотый перчик. Но разговор не окончен. Отложи вилку, дослушай жену.

– Теперь вот что. Ты когда прекратишь по автомобильным салонам шляться? Мне от людей стыдно, сколько раз уж знакомые говорили, что это ваш муж там делает? И машину, вроде бы не покупает, и на работе там не состоит... Консультирует кого-то? Да, говорю, консультирует. Ну, что скажешь? У тебя же ни машины, ни гаража, ни прав водитель-

ских нет и никогда не было, рос в нищете, я же помню вашу заводскую семью, где шесть ртов... Да? Ты о машине мечтал? С детства мечтал? Я понимаю, что ты мечтал в той нищете и о лыжах, и о коньках, и о гоночном велосипеде... Да мало ли кто о чем мечтал! Я вот тоже мечтала, – утирает кончиком кухонного полотенца краешек глаз Тамара, – мечтала дожить с тобой до глубокой старости, наших внуков, детишек Димкиных и Олеськиных, понянчить. И что? Вы вот на Новый год соберетесь, встречать праздник будете, а я где встречу его? С кем? Одна под землей?

Чувствуя непреходящую дрожь в голосе Тамары и весьма ощутимое тремоло в своих руках, Лев Сергеевич торопится поскорее налить еще одну чарку спасительной горилки. Хлопает ее, не ощущая ни жара, ни вкуса, как воду... И примирительно бормочет малость заплетающимся языком: «Ну, Томуль, разве Новый год я без тебя встречать буду, где-то веселиться? Куда я один пойду? И кто ко мне придет? Ты путаешь, детка. Димка наш до марта в экспедиции, его друг-геолог недавно звонил, вышли они на хорошую кладовую марганца, до весны теперь оттуда никуда. Олеська со своим Аликом тоже годик еще отпашут в Анголе, врачи в Африке на вес золота. Кстати, Алик меня и попросил по скайпу прицениться к машинкам... Не ругайся, солнышко. Мне и так без тебя горе...

Лев Сергеевич хочет еще что-то сказать, но не договаривает, сокрушенно машет рукой, гоняя комок в горле...

– Ну, всё, всё, Левушка, успокойся, расстроила я тебя, – тает, тихнет, испаряется, улетающая опять в космическое далеко-далеко родной голос жены. – Доедай свои пельмешки, мойся, ложись спать. И не питайся ты всухомятку, я тебя умоляю! Ну рядом же это кафе «Му-Му», лень готовить – ходи туда, хотя бы в обед...

Чудится или в самом деле звучит из прихожей телефонный звонок? Ах да, мобильник остался в куртке, в шкафу...

– Але? Я слушаю.

– Сергеич, это ты? Але! Ты слышишь меня? Это я, Михаил, ну ты со мной сегодня машину брал. Я че звоню? Я это, с дороги тебе звоню. Чтой-то сейчас раздумался, грустный ты какой-то был сегодня, нет? Сергеич, ты это, ты давай, безо всякого, приезжай ко мне, а? Сыроварню поможешь наладить, голова-то у тебя конструкторская. Подышишь нашим чистым воздухом, на лыжах побегаешь. А у моей хозяйки в погребе грибки маринованные, яблочки моченые, есть и окорочок копченый под самогоночку, ты такое фондю нигде в мире не едал... Заметано?... Э... Э... Ты что это завсхлипывал, Лев Сергеевич? Ну, ну, прекрати, брат... Давай я тебе утречком еще разок перезвоню? Слышь, Радж Капур? Смеешься, бродяга? Вот, теперь другое дело! Пока-пока! Отдыхай, Лев Сергеевич. До завтра! А

«СТЕКЛЯННЫЙ ЗВЕРИНЕЦ»

в Москве

2017 ГОД ПРИНЕС С СОБОЙ СРАЗУ НЕСКОЛЬКО ЮБИЛЕЕВ ДЛЯ ТЕАТРАЛЬНОЙ ТАМБОВЩИНЫ. КРУГЛЫЕ ДАТЫ ОТМЕТЯТ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ, ТАМБОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ТЕАТР И МИЧУРИНСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР, КОТОРЫЙ ОСЕНЬЮ ОТКРОЕТ 120-Й ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН.

Юбилеи принято широко отмечать. Что планируется, пока для зрителя остается загадкой, но артисты – народ творческий, обязательно придумают много сюрпризов.

Пока же сюрпризом стал трехдневный Фестиваль театров Тамбовской области, который прошел в конце января в Москве по инициативе Союза театральных деятелей. Председатель Тамбовского отделения СТД Сергей Левандовский предложил идею проведения такого мероприятия в юбилейный год своим московским коллегам. Итог – тамбовские театры снова предстали на суд искушенного и капризного столичного зрителя.

Фестиваль радушно принял Центральный дом актера имени А.А. Яблочкиной, что на Арбате. Тамбовские слуги Мельпомены отправили в Первопрестольную Молодежный театр с постановкой «От красной крысы до зе-

ленной звезды» и Тамбовский драматический театр со «Скамейкой».

Мичуринский драмтеатр после некоторых размышлений решил показать москвичам пьесу-воспоминание «Стеклянный зверинец». Почему «воспоминание»? А потому, что одноименная пьеса Теннесси Уильямса дополнена биографией автора. Артисты проводят параллели между изначально биографичными героями пьесы и фактами реальной жизни драматурга. Такая идея совмещения двух плоскостей – художественной и биографической – пришла в голову режиссеру Гульнаре Галавинской, которая хорошо известна мичуринскому зрителю. Госпожа Галавинская в городе по-новому открыла «Грозу» Островского, подарила зрителю «Безумный день, или Женитьба Фигаро» по комедии Бомарше и некоторое время даже была

главным режиссером МДТ. Ее постановки с успехом идут на сцене театра, часто бывают в гастрольных программах и участвуют в фестивалях. Режиссер работает и в столичных театрах, но это, как говорится, тема для отдельной беседы. Возвращаясь же к «Стеклянному зверинцу», сразу стоит отметить, что Гульнара Галавинская не только выступила как режиссер-постановщик, но и взяла в свои руки и сценографию, и музыкальное оформление. Премьера постановки состоялась еще в конце 2015 года, потому городские театралы уже наверняка видели и полюбили спектакль. Но всё же дерзну порассуждать об увиденном. Вдруг кто-то, как и я, упустил из своего внимания пьесу-воспоминание.

Откровенно говоря, я очень рад, что смог впервые увидеть спектакль на малой сцене Центрального дома актера. Почему? А потому, что зал очень маленький, зрители, без преувеличения, сидят на сцене. А зрителей было много. Студенты театральных вузов даже стояли. Предваряя возможное недоумение, мол, теснота, а автор радуется, скажу, что, во-первых, здесь зритель поневоле становится соучастником действия, а во-вторых, обмануть зрителя в таких условиях практически невозможно. Хотя могу представить, как постановка зрелищна «на базе», на привычной малой сцене нашего драмтеатра. Но знакомство, случившееся в Москве, смогло доставить определенное удовольствие.

Спектакль оказался очень энергетически плотным. Оторваться от действия практически невозможно. С первых аккордов режиссер удивляет зрителя спецэффектами. История Уильямса американская, а куда же в Америке без Голливуда? Поэтому спектакль начинается с титров, в которых вспомнили всех, кто трудился над сегодняшним приятным вечером для зрителя.

В любом спектакле с первых же минут пытливый зритель начинает думать, а о чем же эта история? Но здесь нас режиссер пытается отвлечь от мысли монологом автора пьесы, который в исполнении артиста Сергея Холкина вроде бы очевидно повествует, о чем его воспоминания. Но по ходу действия первый вопрос еще не один раз

вернется. И, наверное, единого верного ответа найти просто нельзя. Этот спектакль – жизнь, а в жизни зачастую всё очень сложно. Но смотрим далее...

Мы попадаем в дом Тома, где он живет вместе с матерью Амандой и сестрой Лаурой. И уже как будто не герои, а зрители восстанавливают картину прошлого. В самой первой сцене на глазах восстанавливаются детали быта – старые фотографии, граммофон и пластинки, оставшиеся от отца. На мебели мы видим символичную метель из листов отрывного календаря.

Сцены в спектакле – вспышки памяти. О чем вспоминают герои? Каждый о своем.

Аманда – актриса Татьяна Рогачева – живет прошлым, своими визитерами, своей молодостью. Кажется, она не согласна мириться с тем, что ее дети уже выросли. Актрисе удается ухватить образ несколько деспотичной, волевой, но всё-таки любящей матери, которая хочет только лучшего для своих чад. Однако эта самая любовь и приводит к далеко не благополучному финалу. Но об этом позже...

Всё сложнее с Лаурой. Играть этот образ, на мой взгляд, героический поступок. И с этим справляется тонкая, легкая и почти кукольной внешности артистка Евгения Воронова. Эта героиня живет в своем мире, в мире стекла. У нее вся комната увешана стеклянными игрушками-фигурками, которые она позже важно назовет коллекцией, ну а мать привыкла именовать увлечение дочери стеклянным зверинцем.

О ЧЕМ ЖЕ ЭТА ИСТОРИЯ?

О ПОИСКЕ СЧАСТЬЯ? ДА. О ЛЮБВИ ИЛИ, ТОЧНЕЕ, ЕЕ НЕДОСТАТКЕ В ЭТОМ МИРЕ? КОНЕЧНО! ОБ ИСКРЕННЕМ ОДИНОЧЕСТВЕ И ДУШЕВНОЙ БОЛИ? И ЗДЕСЬ ОТВЕТ УТВЕРДИТЕЛЬНЫЙ. О БЕЗУМИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА? О НЕПРАВИЛЬНОСТИ ЖИЗНИ? О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ? ДА, ДА И ДА! И КАЖДЫЙ МОЖЕТ ВЫНЕСТИ ИЗ ЗАЛА СВОЙ УРОК, ВОЗМОЖНО, ПРИМЕНИМЫЙ ТОЛЬКО К НЕМУ ОДНОМУ.

Этот зверинец режиссер выносит на авансцену. И зритель имеет полное право не понимать, то ли это стеклянный зверинец, то ли зверинец за стеклом, за которым мы так пристально наблюдаем, как зоологи наблюдают за вымирающими видами животных.

По действию мы понимаем, что Лаура – калека, однако об этом в их доме говорить не принято, но время от времени эта тема всплывает наружу. Из-за физического недостатка, кажется, и не складывается ее жизнь, точнее, она прячется от этой жизни в своей так называемой коллекции. Но до конца пьесы, о котором в свое время тоже будет что сказать, всё же непонятно, что же страшнее, дефект тела или души? В моменты, когда героиня выходит из своего стеклянного мира, кажется, что и ее хромота куда-то пропадает. Мышление и стремление жить преобразуют Лауру. Но мать и другие обстоятельства, о которых я умышленно говорить не буду, иначе смотреть будет не так интересно, снова загоняют ее в угол. Блестяще отработает Е. Воронова переход героини от безумия к счастью, от одиночества к любви и обратно.

В этом переходе будет замешан сыгранный Эльдаром Касумовым Джим. Тоже, кстати, гармонично вписавшийся в «зверинец за стеклом». Он так же безумен, так же несчастен и так же хочет любить. Но он, в отличие от остальных героев, хватается за нормы и предрассудки общества, пытается быть как все нормальные люди. Поэтому он не может остаться здесь и подарить счастье Лауре. И он уходит, хотя, мне кажется, герой Эльдара еще не раз об этом пожалеет.

Что касается Тома, то и он ищет свое счастье и тоже скрывается от реальности, то в кино, то в своих стихах, то вовсе бежит из дома, оставляя близких. Но сделают ли эти метания героя счастливее? Ответить на этот вопрос сможет только зритель, вниматель-

но проследив за жизнью Тома. Одно сказать можно с полной уверенностью – в каждом моменте герой, благодаря С. Холкину, разный. От чего история становится только удивительнее.

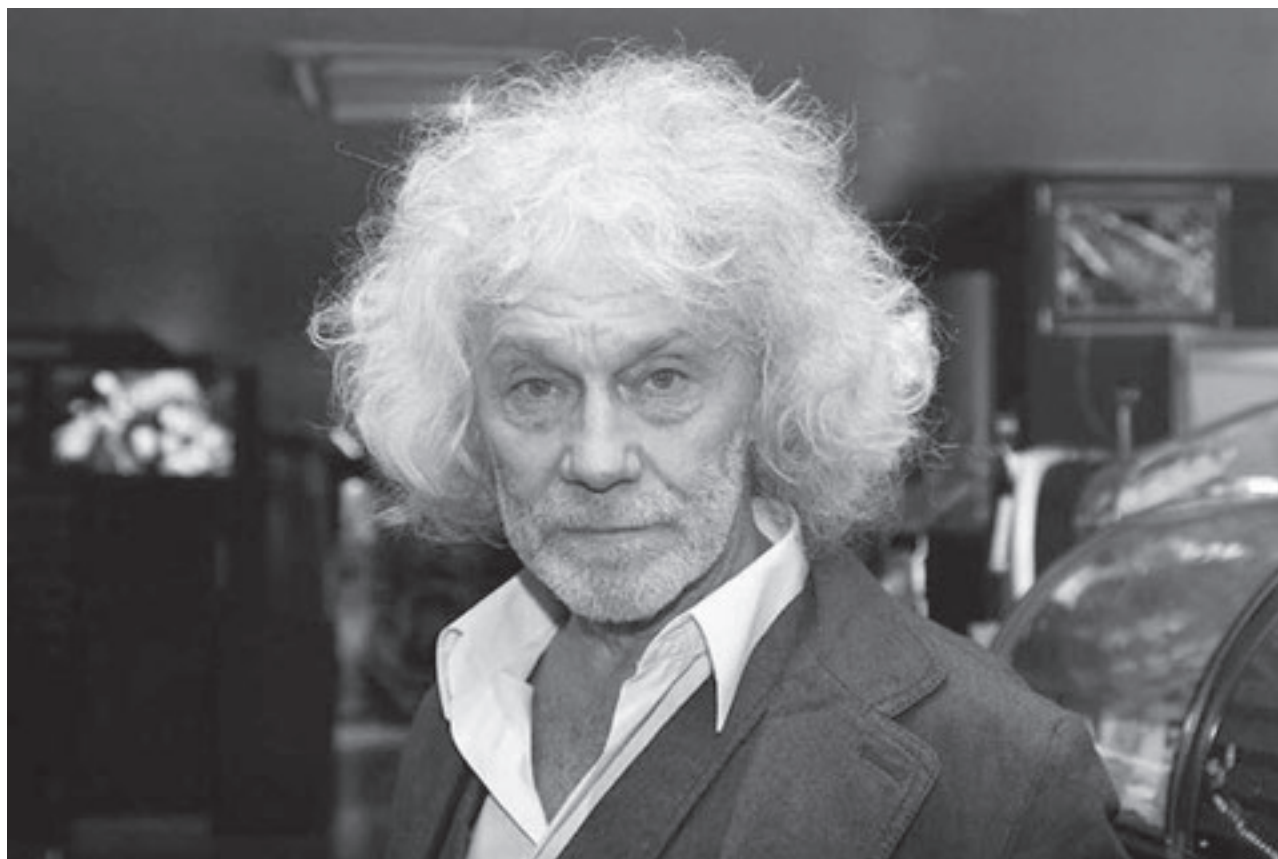
Но снова возникает тот же, что и в самом начале, вопрос – о чем же эта история?

О поиске счастья? Да. О любви или, точнее, ее недостатке в этом мире? Конечно! Об искреннем одиночестве и душевной боли? И здесь ответ утвердительный. О безумии современного мира? О неправильности жизни? О прошлом и настоящем? Да, да и да! И каждый может вынести из зала свой урок, возможно, применимый только к нему одному.

Обещал еще рассказать о финале. Исполняю. Финала у спектакля не получилось. Центральный дом актера не выдержал напора и энергии Мичуринского театра, и на сцене выбило пробки. Зал погрузился в темноту и тишину. В рабочем состоянии остался лишь проектор, который в ключевые моменты спектакля показывал кино и, видимо, был подключен к другой линии. Да и тишина оказалась недолгой, зрители благодарно приветствовали аплодисментами артистов. Выходя из зала, московские зрители живо обсуждали увиденное. Уверен, что это – успех.

Вот так, не без происшествий, прошло представление Мичуринского театра в Москве. Однако «Стеклянный зверинец» – спектакль не одноразовый. Чтобы осознать его, нужна еще как минимум одна встреча. Поэтому, прощаясь с артистами, я сказал: «До новых встреч, но теперь уже на родных подмостках». И читателя приглашаю посетить «Стеклянный зверинец», даже если вы его уже видели.

Роман ЛЕОНОВ,
член Союза журналистов России

РУССКИЙ ЧАПЛИН

ТАК ЖУРНАЛИСТЫ И КРИТИКИ ЧАСТО НАЗЫВАЮТ НАШЕГО ЗЕМЛЯКА НАРОДНОГО АРТИСТА РФ АЛЕКСАНДРА ЛЕНЬКОВА. (ПРАВДА, САМ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ СРАВНЕНИЕ С ВЕЛИКИМ КОМИКОМ НЕ ПРИВЕТСТВОВАЛ.) ВЛАДИМИР ПУТИН НАЗВАЛ ЕГО «АРТИСТОМ САМОБЫТНОГО И ЯРКОГО ДАРОВАНИЯ», А ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ ОТМЕТИЛ ЕГО «МНОГОГРАННЫЙ ТАЛАНТ, АКТЕРСКОЕ ОБАЯНИЕ И БЕЗУПРЕЧНОЕ ВЛАДЕНИЕ ПРОФЕССИЕЙ», КОТОРЫЕ ПОМОГАЛИ ИГРАТЬ ИНТЕРЕСНЫЕ РОЛИ, ПРИНОСИТЬ ЗРИТЕЛЯМ НАСТОЯЩУЮ РАДОСТЬ. НЕМНОГИЕ ЗНАЮТ, ЧТО РОДИЛСЯ АКТЕР НА ТАМБОВЩИНЕ, В НЕБОЛЬШОМ ГОРОДКЕ РАССКАЗОВО.

ТАМБОВСКИЙ ВОЛК

С известным земляком я познакомилась в 2010-м – разыскать его удалось в родном Театре им. Моссовета, где он работал более 40 лет. Артист был удивлен, что его помнят на малой родине. Он с интересом расспрашивал, как сегодня живет провинциальный городок Рассказово и его жители. Рассказовцы отправили артисту подарки – краеведческие фотографии и знаменитые рассказовские носки. С тех пор он постоянно был на связи: звонил, писал, освоил интернет, скайп...

Александр Леньков родился 17 мая 1943 года на родине своей матери. С отцом актера

Ольга Дмитриевна Казакова познакомилась в Москве, куда оба приехали учиться. Несмотря на то, что шла война, решились на рождение ребенка. «Мама, в то время студентка Московского педагогического института, задумала родить меня в Рассказове – мол, там спокойнее, подальше от войны... – говорил актер. – А через месяц мы вернулись в столицу. Когда подрос, приезжал на рассказовские каникулы – гостил у бабушки...» Кстати, по каким-то причинам в биографию Ленькова, внесенную во многие киносправочники советского периода, вкралась ошибка. Там местом рождения артиста значится «город Рассказово Таганрогской области». Этот «факт» перекочевал

Наталья Федоровна Казакова – бабушка артиста

Наталья Федоровна Казакова – бабушка артиста – с родными около своего дома

и в некоторые современные издания. Узнав об этом, Александр Сергеевич улыбнулся и с гордостью продемонстрировал свой паспорт, сказав, что он «настоящий тамбовский волк».

Детство актера прошло в послевоенные годы. Из неперменных воспоминаний того времени – коммунальная квартира, в которой жили семь семей: общая кухня и общая жизнь... Соседка – актриса миманса Полина Бибикина – предрекла Леньковым, что их сын станет артистом: мальчик любил вставать на табуретку и исполнять какие-нибудь «па». Никто в предсказание не верил, ведь актеров в семье не было: папа Александра – инже-

нер-ракетчик, засекреченный работник, мама преподавала в школе высшую математику.

То, что в детские и юношеские годы Александр часто приезжал на Тамбовщину – навестить рассказовских родных и друзей, хорошо помнит и жительница Рассказова Зинаида Бахтиярова. Она не только поделилась своими воспоминаниями об известном земляке, но и продемонстрировала уникальные фотографии, связанные с Леньковым.

РАССКАЗОВО

Рассказовскую ветвь генеалогического древа Александра Ленькова удалось восстановить с бабушки и дедушка артиста – Натальи Федоровны и Дмитрия Абрамовича Казаковых, которые в 1924 году купили в Рассказове дом – на улице Пушкина (правда, в документах указано «улица Пушкинская»). Наталья Федоровна занималась домашним хозяйством, воспитывала детей, которых в семье было пятеро – Ольга, Вера, Евгений, Виталий и Борис. Дмитрий Абрамович работал ключником на спиртзаводе, умер в 1954 году. А Наталья Федоровна прожила долгие годы в том самом доме на улице Пушкина (ныне на этом месте многоквартирный дом № 12). Зинаида Бахтиярова хорошо знала ее, отзывалась о ней с теплотой и добротой. В архиве нашей собеседницы сохранились фотографии бабушки артиста.

В Рассказове Леньков проводил летние каникулы. В разговорах с Александром Сергеевичем в последние годы его жизни и мне посчастливилось услышать его рассказовские воспоминания: площадь Ленина, речка Арженка, ст. Платоновка, серые вязаные носки... Но чаще всего артист вспоминал бабушкин дом, в котором вместе с местными ребятами он давал спектакли:

– Мы разыгрывали разные сценки (я ведь свою первую роль на сцене профессионального театра сыграл, будучи учеником 4-го класса, – в Театре им. Моссовета вначале роль сына уборщицы в спектакле «Студент третьего курса», потом – роль сына миллионера в «Краже»). Несколько дней репетировали, – с улыбкой рассказывал актер. – Потом ночами рисовали билеты на спектакль,

которые раздавали местным. На бельевой веревке развешивали одеяла – подобие занавеса. Вечером во дворе бабушкиного дома собиралась родня и соседи. И мы играли спектакль...

Бабушка Наталья Федоровна скончалась в 1980 году. Ее могила находится на Центральном кладбище в Рассказове (Зинаида Бахтиарова сегодня ухаживает за захоронением). Вера живет в Москве. Евгений уехал в Симферополь, где и похоронен. Виталий и Борис (работал на кирпичном заводе) жили в Рассказове, похоронены также на Центральном кладбище.

Ольга Дмитриевна в последний раз приезжала в Рассказово в 1987 году, когда умер ее брат Борис. Она скончалась в возрасте 97 лет 28 ноября 2015 года, всего на немного пережив своего известного сына. Кстати, Александр Сергеевич всегда рассказывал маме о нашем общении и передавал привет от нее. Мама артиста внимательно рассматривала фотографии, открытки из Рассказова и всё пыталась угадать, в каком уголке края они сделаны – воспоминания о малой родине были четкими.

БИОГРАФИЯ

Становиться актером Леньков никогда не думал – видел себя сначала архитектором, потом оператором документального кино (профессия казалась ему самой мужественной, романтической). Но судьба вновь привела его на театральную сцену. Когда Леньков учился в четвертом классе, к ним в школу пришла режиссер Театра им. Моссовета Инна Данкман, чтобы найти мальчика для роли в спектакле. Ее выбор пал на Сашу Ленькова. Еще одно воспоминание детства – это двор. У мальчишек 50-х годов самым популярным занятием являлся футбол. Леньков в этом смысле не был исключением, больше всего ему нравилось стоять на воротах. Еще играли в прятки, в «казаков-разбойников». Увлечение театром мальчик перенес и во двор (там его называли «Сашка-артист»).

После окончания школы Леньков задумал поступать на операторский факультет. Перед вступительными экзаменами вместе

с приятелем отправился отдыхать в Крым, к дяде. И вдруг приходит письмо от отца, в котором тот сообщает о наборе в студию Юрия Завадского – народного артиста СССР и главного режиссера Государственного академического театра имени Моссовета, отец рекомендует подать документы в театральное училище. Надо заметить, что Александру Сергеевичу тогда выпал счастливый случай, ведь сам Завадский набирал курс молодых артистов раз в 10–15 лет, когда театру требовалось пополнение. Именно в студии Завадского Леньков понял, насколько интересна профессия актера. Вместе с ним учились ставшие именитыми Маргарита Терехова, Юрий Кузьменков, Елена Козелькова и др. На втором курсе студент Леньков женился (со своей женой Еленой был знаком с пятого класса). У них родилась дочь Катя, которая с ранних лет познала актерскую жизнь изнутри: бывала на съемках и даже снялась вместе с отцом в фильме Е. Гальперина «Сэнит Зон» (1990 г.). Но актрисой дочь не стала, избрав для себя профессию художника-дизайнера. Внука Филиппа кинематограф тоже не привлек.

В 1964 году наш земляк окончил театральное училище и был принят в труппу Театра им. Моссовета – одного из старейших театров Москвы, на его сцене блистали Фаина Раневская, Любовь Орлова, Ростислав Плятт и др.

«Талантливый человек талантлив в разных областях!» – это как раз про Ленькова. Он не только великолепный актер театра и кино, но и танцор: еще в студенческие годы на него обратила внимание Евгения Фарман – педагог Большого театра. Она была восхищена уникальной пластикой Александра, способностью выполнить сложный прыжок с зависанием и всерьез предложила ему поменять профессию – уйти в балет. Затем последовало еще одно предложение – работа в цирке в жанре театрально-драматической клоунады. Безусловно, Леньков и в этих видах искусств добился бы высот. Однако на все предложения отвечал отказом, поскольку уже по-настоящему был «болен» театром. А еще актер прекрасно готовил (любил простую пищу), водил автомобиль (истории на эту тему он рассказал в передаче «Авто звезды»), шил (в эпоху дефицита на маминой машинке Minerva сшил себе джин-

сы), кроме того, он был парашютист-разрядник, сам делал мебель, рисовал. «Надо уметь всё!» – говорил Александр Сергеевич.

На театральной сцене он сыграл множество разных ролей: Жак («Эдит Пиаф»), сэр Тоби («Двенадцатая ночь»), мадам Плюш («Любовью не шутят»), Лок («Пчелка»), Дорн («Чайка»), Зюзюкин («Мужчины по выходным») и др. Помимо родного театра, принимал участие в спектаклях Конфедерации театральных союзов, Центра драматургии и режиссуры. В кино Александр Сергеевич снимался чаще в эпизодах, но именно киноработы (а их больше 100) принесли ему славу. Режиссеры, называвшие его «мастером, умеющим из любой мелочи сделать шедевр», с удовольствием использовали комедийный талант актера, способного рассмешить и взрослых, и детей. Дебют Ленкова в кино состоялся в 1963 году, тогда на экраны вышла картина «Непридуманная история», затем – «Весенние хлопоты», «Дайте жалобную книгу», «Ключи от неба»... Миллионы зрителей помнят и любят актера за роли в таких картинах, как «По секрету всему свету» (папа Дениса Кораблева), «Зимняя вишня» (Вениамин), «Маленькая Вера» (Михаил Петрович), в сериалах «Провинциалы» (Волгин), «Бункер» (Доктор), «Ермоловы» (смотритель в замке), в телеспектаклях «Джентльмены, которым не повезло» (Ковбой Вейзи), «Село Степанчиково и его обитатели» (Ежевикин) и др.

Отдельная история – детское кино. Ленков никогда не отказывался от ролей в фильмах для маленьких, ставил на одну ступеньку «серьезные» и «несерьезные» работы, одинаково выкладывался на съемочных площадках. Оттого юному зрителю и полюбили персонажи Ленкова в фильмах «Приключения Петрова и Васечкина», «Отроки во Вселенной», «Тайна Снежной королевы», «Книга мастеров»... Сыграть Александр Сергеевич мог кого угодно: и изобретателя машин, и Снеговика, и бомжа, и Бабу-ягу – они странные, чудаковатые, их поступки не всегда понятны окружающим, но так привлекают внимание. Кстати, критики называют леньковскую Ягу одной из лучших в кино. Этот персонаж актеру приходилось играть не раз. Например, в фильме «Остров ржавого генерала» главную героиню Алису, неожиданным образом попавшую на таинственный остров, где злобные старые и ржавые роботы пытаются ее уничтожить, выручает милая, современная Баба-яга – Ленков.

В 1980 году Александру Ленкову было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР, а в 1997 году он стал народным артистом России. Вел собственный курс во ВГИКе. С молодежью быстро нашел общий язык – помог многолетний опыт работы с детской аудиторией (частенько ездил на гастроли со специальной программой для школьников), а еще – его необыкновенный, неповторимый голос... Ленков – рассказчик великолепный! Его студентам позавидуешь! Слушать актера

можно было часами, и все эти часы он не давал собеседнику заскучать – и забавный случай из жизни вспоминал, и мигом перевоплощался в одного из сыгранных героев...

Александр Сергеевич много лет был связан с радио, телевидением и мультипликацией. Только там он появлялся за кадром – озвучивал разных персонажей. Например, голосом Ленкова говорил Пятачок в диснеевском сериале «Винни-Пух», герои компьютерной игры «Кузя», Степан Капуста в телепередачах «Тушите свет!» и «Красная стрела». В родном театре Александр Ленков был в линейке лучших, задействован в десятке спектаклей, выступал он и как режиссер – поставил комедию «Шум за сценой».

НЕ УСПЕЛ...

Зинаида Бахтиарова показала еще несколько фотографий – на этот раз сделанных самим Ленковым, среди них фото Зинаиды Петровны и ее родных. Фотографией Ленков увлекался с детских лет: на накопленные от выступлений деньги сначала купил киноаппарат, а потом и фотоаппарат своей мечты – заветный «Зоркий-С». Снимал всех и всё (его творчество выходило под маркой студии «Ленфильм»). Нашлись у Зинаиды Петровны и фотографии самого артиста – в юности, снимок его дочери Кати, а еще открытка, которую А. Ленков присылал своей бабушке, поздравляя с Новым годом.

Общаться с ним было удивительно! Даже самый простой «разговор в сети» мог превратиться в настоящий спектакль. Он выходил на связь из закулисья театра, показывал, как накладывает грим перед выходом на сцену, рассказывал, как своими руками делает маски для новой роли, знакомил с домашней библиотекой, любимыми книгами... И вспоминал время, проведенное на Тамбовщине... Все эти четыре года общения и дружбы Александр Сергеевич помнил о земляках: присылал фотографии с гастрольных поездок, со съемочных площадок... А в конце 2011-го через местную и областную газеты «Трудовая новь» и «Тамбовская жизнь» поздравил рассказовцев с новогодними праздниками. Артист тогда написал: *«Дорогие земляки! Сложно выразить словами все чувства, которые возникают в душе, когда я думаю о своей малой родине – о Рассказове. Часто вспоминаю речку Арженку, в которой мне запрещала купаться бабушка (вода была кирпичного цвета, говорили из-за грязи, которую сливает Арженская фабрика, но, несмотря на это, в ней водились раки!), гремевший на всю страну Суконный комбинат, улицу Пушкина и еще много всяких картинок из прошлого...»*

А еще из воспоминаний детства актера – вязаные платки (их продавали на станции Платоновка) и носки (почему-то всегда серого цвета)... *«Однажды я шел по подземному переходу недалеко от Павелецкого вокзала в Москве, – вспоминал Ленков, – и увидел*

На фото:

З. Бахтиyarова
А. Леньков в юности
А. Леньков вместе с сестрой
Открытка бабушке
Дочь А. Ленькова Катя

знакомые сердцу носочки – поинтересовался у продавщицы, откуда она. Оказалось – из Рассказова. С тех пор по дороге в театр, проходя мимо рассказовских носков, бывает, останавлиюсь, посмотрю на них – и кажется, вернулся на родину...» На миг вернуться на родину народному артисту помогали и местные сувениры, которые студенты Державинского университета и сотрудники Рассказовского представительства вуза отправляли ему к разным праздникам... Посетить малую родину Александр Леньков собирался, строил планы и мечтал, как пройдет по здешним улочкам, выступит перед местным зрителем. После обращения в областное управление культуры была достигнута договоренность, что в 2014 году Леньков приедет в Тамбов – на Рыбаковский фестиваль в качестве члена жюри, тогда-то и посетит Рассказово.

Не успел...

21 апреля 2014 года после продолжительной болезни артист скончался в одной из московских больниц. Последний привет на малую родину Александр Сергеевич прислал за полгода до смерти – это фотографии из гастрольной поездки в Черногорию.

Марина ЕЛЮТИНА

ПО СЛЕДАМ ПУБЛИКАЦИИ
О ТАМБОВСКОЙ ХУДОЖНИЦЕ
ТАТЬЯНЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ЛЕБЕДЕВОЙ

ИСКАТЬ, ВСЕГДА ИСКАТЬ!

*Художница Т.А. Лебедева. 1930-е гг. (?)
Фото из архива С.Н. Денисова, Тамбов.
(Ранее в архиве Н.А. Никифорова, Тамбов)*

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЕ, КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРОДНИ РАССЛЕДОВАНИЮ ДЕТЕКТИВНОМУ, ТУТ ТАК ЖЕ МНОГО НЕПОЯТНОГО И ЗАГАДОЧНОГО. ЗАНИМАТЬСЯ ПОДОБНЫМ ИССЛЕДОВАНИЕМ ТАК ЖЕ СЛОЖНО И ТАК ЖЕ ИНТЕРЕСНО. НО КРИМИНАЛИСТ ОГРАНИЧЕН ВО ВРЕМЕНИ – ИНАЧЕ БУДУТ ПОТЕРЯНЫ СЛЕДЫ И УЛИКИ. А ИССЛЕДОВАТЕЛЬ-ИСКУССТВОВЕД ПОРОЙ НА СВОЮ РАБОТУ ТРАТИТ НЕМАЛО ВРЕМЕНИ, ПЫТАЯСЬ НАЙТИ ТО, ЧТО ЕГО ИНТЕРЕСУЕТ, И ДЛЯ ЭТОГО РАБОТАЕТ В АРХИВАХ, БИБЛИОТЕКАХ, ИНТЕРНЕТЕ, А ТАКЖЕ ОБЩАЕТСЯ С РАЗНЫМИ ЛЮДЬМИ. БЫВАЕТ И ТАК, ЧТО ПОИСКИ ОСТАЮТСЯ БЕЗРЕЗУЛЬТАТНЫМИ. ТАМБОВСКАЯ ХУДОЖНИЦА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ЛЕБЕДЕВА ДО СИХ ПОР НЕИЗВЕСТНА ДАЖЕ МНОГИМ СПЕЦИАЛИСТАМ, НЕ ГОВОРЯ УЖЕ О ШИРОКОМ КРУГЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА, И ЛИШЬ СЕЙЧАС ОТКРЫВАЮТСЯ НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЕЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ.

Меня давно интересует история тамбовского изобразительного искусства, изучению этой темы я посвятил не одно десятилетие.

Однажды, просматривая подшивки газеты «Тамбовская правда», я остановился на статье Н. Андреева «Ученица Фаворского». Это был номер от 8 февраля 1978 г. Там была и фотография – портрет красивой молодой женщины с правильными чертами лица. Ав-

тор статьи, член Союза журналистов СССР, общал о Т.А. Лебедевой, которая училась в одной из тамбовских школ, а в конце 1920-х гг. окончила графический факультет ВХУТЕИНа, где училась у выдающегося художника В.А. Фаворского.

Как писал Андреев, после окончания образования художница успешно занималась гравюрой и живописью, но больше всего ей удавались портреты.

Отец художницы – врач Александр Васильевич Лебедев

Художник и журналист Н.А. Андреев

В 1940-е гг. Татьяна Александровна была членом Тамбовского отделения Союза художников. В эти годы она выполнила серию портретов наших земляков – рабочих завода «Комсомолец», а также написала портреты врача А.В. Быстрова, директора музыкального училища М.Н. Реентовича, революционера В.Д. Андреева и др.

Лебедева писала и жанровые картины: «Сбор подарков Красной Армии», «Снова в родной школе». В годы Великой Отечественной войны она работала над плакатами. После войны художница вернулась в столицу, где занималась книжной графикой, в частности, иллюстрировала произведения любимого ею Достоевского.

Осенью 1965 г. правление МОСХа (Московского союза художников) провело ее творческий вечер. Завершалась статья так: «До конца своих дней ученица Фаворского не выпускала кисти из рук».

Публикация заинтересовала, хотя сведений о незнакомой для меня художнице в статье было мало.

В 1978 году Т. Лебедевой уже не было в живых. А в каком году она родилась?

Упоминание о Лебедевой встречается в знаменитой книге тамбовского искусствоведа В.И. Михайлова «Художники Тамбовского края» (Л., 1976): «В состав творческой группы местного отделения Союза художников входили живописцы В.Н. Кожухов, А.Н. Нестеров, П.И. Дмитриев, Т.Н. Емельянова, Н.И. Фрейман, Т.А. Лебедева». Михайлов пишет, что эти художники в годы Великой Отечественной войны работали над «Окнами ТАСС», где требовалось в короткий срок откликнуться на очередную злободневную тему. В среднем одному художнику приходилось размножить на дому до 200 экземпляров каждого нового выпуска. За годы войны тамбовские художники изготовили сотни номеров «Окон ТАСС», вывешивавшихся как в самом городе, так и в районах области, написали десятки панно, а также большое количество портретов героев-фронтовиков.

Пишет Михайлов и о том, что в 1940-е гг. в советском искусстве появляются картины, посвященные теме возвращения демобилизо-

ванных воинов в родные места: «Так Т. Лебедева написала картину “Снова в родной школе” (местонахождение неизвестно)».

У Михайлова те же сведения, что и в статье Андреева. Но сам факт, что Михайлов дважды упоминает Лебедеву в своей книге, сжатой рамками монографии, говорит о том, что он не мог обойти ее, освещая деятельность Тамбовского союза художников в 1940-е годы.

Кто такой этот Андреев? Почему он так много знает про Лебедеву? Почему о ней ничего не известно сегодня? Где работы Лебедевой? Текст в газете хоть и был короткий, но не оставлял сомнений, что автор не только лично знаком с Лебедевой, но и пишет обо всём со знанием дела – он может быть или художником, или искусствоведам.

Начались поиски Андреева. В каталогах тамбовских выставок 1940–1950-х гг. был экспонентом Н.А. Андреев. Не тот ли это человек? Расспросы старых журналистов, работавших когда-то в тамбовской печати, мало что дали, ведь с той публикации прошло более 35 лет. Правда, тамбовский журналист и краевед А.С. Чернов знал художника по фамилии Андреев, но сообщил о нем так мало, что трудно было сказать, тот ли это был человек, которого я искал. Ничего не знает про Андреева и «Тамбовская энциклопедия».

Ни к чему не привела попытка узнать, есть ли работы Н.А. Андреева и Т.А. Лебедевой в Тамбовском краеведческом музее, фонды этого музея для исследователя недоступны.

Немногом лучше были результаты, когда я попробовал найти что-то об Андрееве в Тамбовской областной картинной галерее. Несколько его живописных работ там, впрочем, есть, но это известно лишь по учетным карточкам, а вот фотографии этих работ в документах отсутствуют! Видимо, это дело далекого будущего. А доступ в фонды там такой же, как и в краеведческом музее. И биографическими сведениями о художнике в галерее со мной не смогли поделиться по причине отсутствия такой информации.

Где искать? Нужно обратиться к Денисову.

У тамбовского «собирателя», как он предпочитает себя называть, С.Н. Денисова есть много чего. В том числе теперь ему принад-

Дом в Тамбове на улице Августа Бебеля, 28, где жила художница Т.А. Лебедева

лежит и часть архива знаменитого когда-то тамбовского коллекционера Н.А. Никифорова. Справедливости ради нужно сказать, что Денисов, в отличие от музейных работников, старается не отказывать в помощи и готов поделиться тем, чем владеет (если, конечно, найдет, где это лежит у него).

У Денисова оказались два пейзажа кисти Н.А. Андреева, изображающие места Тамбова и выполненные в экспрессионистической манере. И эти работы ранее были в коллекции Никифорова. Ничего о самом художнике и о его творчестве Денисов не знал.

Снова просматриваю каталоги художественных выставок, читаю названия андреевских работ на них. Несколько пейзажей Андреева в каталогах имеют названия, связанные с Усманью. Значит, и Андреева что-то связывает с этим городом...

В 2008 г. я принимал участие в IV Липецком пленэре, и проходил он как раз в г. Усмани. Прекрасно помню этот пленэр и художников, которые работали рядом со мной.

Там у меня появился приятель, местный краевед. Он давал мне тогда свой телефон, и хотя его номер где-то затерялся, сегодня в социальных сетях найти кого угодно можно за пару минут. Связываюсь с усманским коллегой по скайпу!

Он сообщает мне, что Николай Александрович Андреев – очень известный в их городе человек. Он был художником и журналистом, о нем много информации и в местном музее. Знает об Андрееве и усманская энциклопедия. Сохранились живописные работы художника. Но в родном городе он известен прежде всего как журналист, потому что в начале 1920-х гг. был одним из первых редакторов местной газеты. В течение своей жизни Андреев публиковал свои статьи – и в местной усманской прессе, и в прессе тамбовской, и липецкой.

Про этого человека стоит писать отдельно. Он принадлежит в равной степени и тамбовскому, и липецкому изобразительному искусству. Андреев учился в тамбовской гимназии, между прочим, вместе с В.Г. Белоцветовым, ставшим впоследствии известным тамбовским художником. Позже вместе с Белоцветовым они учились у знаменитого живописца А.В. Фонвизина в художественной студии тамбовского Пролеткульта. Андреев и Белоцветов были затем активными членами АХРР, а их старший товарищ и наставник в искусстве – руководителем Тамбовского отделения Ассоциации художников революционной России.

Андреева всю жизнь связывали дружеские отношения с этим большим мастером, и когда Фонвизин жил уже в Москве, Николай Александрович посещал его там.

Среди фотографий, сохранившихся в архиве Андреева, есть одна, на которой он запечатлен вместе с Н.А. Никифоровым.

Все пути опять ведут к Денисову. Наверняка Никифоров с Андреевым были хорошо знакомы и их совместная фотография не случайна, а в архиве коллекционера должно быть еще что-то андреевское, кроме нескольких его этюдов, которые я уже видел.

И Денисов находит! Нет, это, к сожалению, не работы Лебедевой. Но тоже очень интересно!

Это конверт, на котором написано: «Татьяна Лебедева художница» и цифры – «8.11.76». В конверте две фотографии и письмо Н.А. Андреева к Н.А. Никифорову. Одна фотография – оригинал той, что опубликована в материале Андреева «Ученица Фаворского», другая фо-

*Ольга Ильинична Подобедова,
доктор исторических наук*

тография с открытия выставки Лебедевой, о которой упоминал Андреев в своей статье. На обороте текст: «Творческий вечер 1965 г. Общий вид зала. Выступает доктор искусствоведческих наук Подобедова О.И. Очень высоко оценила работы». Фотография нерезкая, но на ней можно разглядеть сидящих перед зрителями: саму Лебедеву, мужчину, очень похожего на нее (скорее всего, ее брата), Андреева, а также выступающую Подобедову.

Письмо тоже интересное. Оно датировано 9 февраля 1978 г. Текст такой: «Дорогой Николай Алексеевич! Не считите за труд – пришлите мне 3 экз. газеты «Тамбовской правды» с моей корреспонденцией о Т.А. Лебедевой. Вы мне писали, что Перекальский обещал напечатать. Мне хотелось послать ее Борису Александровичу (брат Т.А.)... Я жду приезда Владимира Ивановича Михайлова... Ваш Н. Андреев».

Всё становится понятно: Андреев присылает Никифорову свою, как он пишет, «корреспонденцию о Лебедевой», чтобы Никифоров помог напечатать ее в «Тамбовской правде», так как он знаком и, видимо, в хороших отношениях с

Творческий вечер художницы Т.А. Лебедевой. Выставочный зал МОСХ. Осень 1965 г.

редактором газеты Перекальским. Никифоров просьбу исполнил. Правда, фотографию Перекальский напечатал только одну – портрет художницы, а вторую не стал публиковать по причине ее недостаточной резкости.

Узнав в общих чертах, кто такая Ольга Ильинична Подобедова, посмотрев список ее опубликованных трудов, я убедился, что Андреев был прав, когда с гордостью писал на обороте фотографии, что выступает доктор искусствоведческих наук, которая высоко оценила работы Лебедевой на той выставке.

О.И. Подобедова (1912–1999) действительно очень авторитетный специалист в искусствоведении. Она из окружения И.Э. Грабаря, очень много занималась древнерусским искусством, русскими историческими рукописями, миниатюрами и тому подобным. Она доктор наук (правда, исторических) с 1961 г. и еще профессор-консультант Института искусствознания и т.д. Правда, иногда она отвлекалась от основной своей темы, и у нее изредка появлялись работы и статьи о русских и советских графиках – Д.Н. Кардовском, Д.А. Шмаринове. Еще реже ее интересовала

живопись, но иногда она писала о пейзажной живописи И.Э. Грабаря или о творчестве Е.Е. Лансере.

Почему пересеклись пути О.И. Подобедовой с Т.А. Лебедевой, непонятно.

Если Лебедева была членом Тамбовского союза художников, значит, нужно посмотреть, какие сведения о ней сохранились в архиве ТОСХ.

Личная карточка ее здесь есть! Очень интересно!

На месте фотографии, к моему большому разочарованию, – пусто! Или отклеил кто-то, или отклеилась эта фотография сама когда-то давным-давно, а потом и затерялась. Жалко!

Личную карточку художница заполняла собственноручно в 1951 г.

Дата рождения – март 1903 г. (точное число не указано). Место рождения – Сумской завод Сумского района Харьковской области. Отец – врач. Мать – учитель музыки.

Далее она пишет о себе так: «Окончила ВХУТЕИН, Полиграфический факультет, Москва. Годы учебы – 1922–1929. Получила

специальность график-оригиналист». Вот это да! Как она называет свою специальность!

Сегодня даже не знаешь, как это прокомментировать.

Из личной карточки мы узнаем еще и то, что в 1929–1932 гг. она работала художником в издательствах: ГИЗе, ОГИЗе, ИЗОГИЗе, «Молодой гвардии» в Москве.

С 1930 г. стала участвовать в художественных выставках.

Серия гравюр «Завод» (1930) хранится в кабинете гравюр и рисунков в ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Вот еще сведения очень важные – в 1944 г. художница награждена медалью «За доблестный труд» и грамотой ЦК РАБИС (Союз работников искусств) за шефскую работу в госпиталях.

На вопрос в личной карточке, в каких выставках участвовала, Лебедева отвечает так: в 1933–1941 гг. – на Парижской выставке, на Нью-Йоркской выставке!

В личной карточке сохранилась и информация о владении художницей французским языком, и даже ее адрес в Тамбове: ул. Августа Бебеля, 28.

В ГАТО (Государственном архиве Тамбовской области) удалось тоже найти кое-что.

Из протокола заседания правления Тамбовской организации ССХ от 14 ноября 1955 г.: «Ввиду выбытия из Тамбова чл. ССХ т. Лебедевой Т.А. считать выбывшей из состава Тамб. ССХ».

Не сразу, и не в ГАТО, и не в архиве ТОСХ, но удалось найти и год смерти художницы. Ее не стало в 1977 г., скорее всего, это было в Москве.

Архиепископ Лука – в миру, выдающийся врач-хирург Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, в свои молодые годы, до того как поступить в университет на медицинский факультет, учился на художника в Киевской рисовальной школе, а затем в частной художественной студии в Мюнхене, у художника Генриха Книрра. Священнический сан он принял, уже будучи врачом.

В 1944–1946 гг., как известно, архиепископ Лука возглавлял Тамбовскую епархию. В сорок шестом году к В.Ф. Войно-Ясенецкому пришла заслуженная слава. За опубли-

кованные труды по медицине, и в частности за книгу «Очерки гнойной хирургии», он был удостоен Сталинской премии первой степени. Случай беспримерный! Широкая общественность нашей страны, и не только нашей, заинтересовалась его личностью. Тут же архиепископа Луку стали донимать журналисты всех мастей, фотографы и даже художники.

В письме из Тамбова своему сыну Валентин Феликсович писал в те дни: «Сегодня подтвердилось мое мнение, что я немалый козырь для нашего правительства. Приехал специально посланный корреспондент ТАСС, чтобы сделать с меня портреты для заграничной печати. А раньше из Патриархии просили прислать биографию для журнала Патриархии и для Информбюро. Два здешних художника пишут мои портреты. Только что вернувшийся из Америки Ярославский архиепископ уже читал там, в газетах сообщения обо мне как об архиепископе – лауреате Сталинской премии... Завтра приедет из Москвы скульптор лепить мой бюст...»

Бюст сегодня находится, скорее всего, в Институте скорой помощи им. Н.В. Склифосовского в Москве, куда он был помещен сразу после создания его скульптором Михаилом Петровичем Олениным.

А вот о каких двух художниках писал архиепископ – до сих пор неясно!

Сегодня об архиепископе Луке пишут много, появляются интересные книги о нем. Меня заинтересовала одна из них. Это книга М.А. Поповского «Жизнь и житие Святителя Луки Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» (СПб., 2013).

В этой книге автор, между прочим, сообщает следующее. В 1946 г. незадолго до отъезда из Тамбова к Луке зашла местная художница, пожелавшая написать его портрет. Он спросил ее: «У кого учились?» Художница училась у Фаворского. Лука быстро отреагировал: «Я бы у Фаворского учиться не стал. Его стиль мне чужд. Я бы учился у Лансере».

Сомнений нет, Поповский пишет о Лебедевой, но откуда он почерпнул эту информацию?

Был ли написан Т.А. Лебедевой портрет архиепископа Луки – неизвестно, а если и был этот портрет сделан тогда, то где он сейчас? И еще интересный вопрос: была ли Лебедева

одной из тех двух художников, о которых архиепископ писал сыну и которые, нужно полагать, писали его портрет по заказу, или это уже третья художница, действовавшая сама, по велению собственной души?

Моя попытка поискать в художественных или околохудожественных кругах Тамбова тех, кто когда-либо знал художницу Лебедеву, казалось, была обречена на неудачу: столько времени прошло.

Но такие люди нашлись.

Одна из них – Тамара Алексеевна, дочь известного живописца Алексея Николаевича Нестерова. Тамара Алексеевна была детским врачом. Сегодня ей 95 лет, но память ее прекрасно сохранила воспоминания о художнице. Александр Васильевич, отец Лебедевой, лечил Тамару Алексеевну в начале 1940-х гг., когда она была девочкой. А сама Татьяна Александровна дружила с ее отцом, бывала в доме у Нестеровых на ул. Карла Маркса. Как-то они даже вместе – Нестеров и Татьяна Лебедева – писали чей-то портрет в доме Лебедевых. Помнит Тамара Алексеевна и Бориса, брата художницы.

Вторая современница Лебедевой – Наталия Владимировна Насильникова, искусствовед, много лет проработавшая научным сотрудником в Тамбовской областной картинной галерее. Она тоже хорошо помнит, что в детские годы посещала дом Лебедевых на ул. А. Бебеля – мама художницы Мария Владимировна учила ее игре на фортепиано. Тогда Наташа и познакомилась с самой Татьяной Александровной. Но это было несколько позднее, в начале 1960-х гг., когда Лебедева уже жила в Москве и иногда, видимо, приезжала в Тамбов проводить мать.

И Тамара Алексеевна, и Наталия Владимировна одинаково описывают облик художницы: высокая, стройная, волосы на прямой рядок, сзади пучок, красивая, эффектная, смешливая.

На тамбовской земле жила и работала Т.А. Лебедева, живописец и график с выдающейся творческой биографией. Такой биографии, пожалуй, нет больше ни у кого из тамбовских художников.

Сохранился ее портрет. Мы знаем про ее отца и мать, про то, что у нее был брат Борис (по-видимому, младший). Сохранился дом, в котором она жила в Тамбове. Есть фото с открытия ее выставки в Москве в 1965 г.

Стас и Ольга Волостных

Мы знаем о трех высокопрофессиональных в своей области специалистах – это искусствоведы О.И. Подобедова и В.И. Михайлов, это художник и журналист Н.А. Андреев, – которые писали о ней и оценивали ее как художницу положительно.

Она была членом Тамбовского отделения Союза художников в 1940 – начале 1950-х гг. Есть серия ее гравюр «Завод», которую у художницы в 1930 г. приобрел Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина – один из самых крупных музеев Европы и один из главных художественных музеев в нашей стране! Получить более подробную информацию об этих работах или их фотографии, правда, пока не получилось, доступа в фонды музея пока найти не удастся, но наверняка это дело будущего.

Мы знаем, наконец, что она участвовала в выставках в Москве, Париже и Нью-Йорке!

Мы уже много знаем про этого человека и художницу, но у нас нет главного – нет ее работ! Где же они? Поиски продолжаются. **А**

Стас ВОЛОСТНЫХ,
Тамбов

ПАМЯТИ СХИМОНАХИНИ СЕРАФИМЫ (БЕЛОУСОВОЙ)

В 2016 ГОДУ В ГОРОДЕ МИЧУРИНСКЕ ПРОШЛИ ТОРЖЕСТВА В ЧЕСТЬ 50-ЛЕТИЯ БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЫ МИЧУРИНСКОЙ ПОДВИЖНИЦЫ БЛАГОЧЕСТИЯ, СТАРИЦЫ-СХИМОНАХИНИ СЕРАФИМЫ (БЕЛОУСОВОЙ).

Жизнь схимонахини Серафимы (Белоусовой) удивительна и, без сомнения, являет собой образец христианского подвижничества в сложные богоборческие советские годы. Матушка прожила многотрудную жизнь, которую она всецело посвятила служению Богу и людям.

14 (1) ноября 1890 года в благочестивой многодетной крестьянской семье, проживавшей в г. Лебедянь Липецкого уезда Тамбовской губернии, родилась девочка, которую окрестили Матроной. Родители привезли девятимесячную дочку в Шамордино под благословение к преподобному Амвросию, и старец предсказал, что сначала она поживет в браке, а затем примет монашество, и вся Оптина с ней будет. Пророчество подразумевало, что Матрона станет духовной дочерью последних оптинских старцев, глубоко впитает в себя их заветы и преемственно сложившуюся в Оптиной благодатную старческую

Накануне 1917 года семья переехала в г. Козлов. В их хлебосольном доме часто останавливались дорогие их сердцу монахи Оптиной пустыни, привозившие на продажу в Козлов труды своих рук. Любовь матушки к Оптиной была так велика, что однажды она отправилась туда и пробыла там длительное время, исполняя различные послушания. Именно в Оптинской обители сподобилась матушка продолжительного чудесного видения и таинственного духовного рождения. Она удостоилась особого посещения Богородицы, после чего на долгое время стала младенцем по духу и несла продолжительные тяжелые монастырские послушания под духовным попечением преподобного старца Нектария. Многому матушка научилась у оптинских старцев, с которыми вела беседы и потом подражала их жизни. Ее духовным отцом был великий оптинский старец Анатолий.

МАТУШКА МНОГО И УСЕРДНО МОЛИЛАСЬ. ВЕЛИКА БЫЛА СИЛА ЕЕ МОЛИТВЫ, КОТОРАЯ ВСЕГДА БЫЛА ДЕЙСТВЕННОЙ. ПО СЛОВАМ МАТУШКИ, «МОЛИТВА, ПРИНОСИМАЯ ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА, ПРОХОДИТ СКВОЗЬ НЕБЕСА ПРЯМО К ПРЕСТОЛУ БОЖИЕМУ». ОНА ОСОБЕННО ЧАСТО ЧИТАЛА МОЛИТВУ: «ВСЁ УПОВАНИЕ МОЕ НА ТЯ ВОЗЛАГАЮ, МАТИ БОЖИЯ, СОХРАНИ МЯ ПОД КРОВОМ ТВОИМ».

традицию. Прошло время, и духовным отцом будущей схимонахини стал ученик святого Амвросия, преподобный оптинский старец, иеросхимонах Анатолий (Потапов). Под его мудрым отеческим руководством и возрастала будущая схимница.

С раннего детства довелось Матронушке много и тяжело трудиться, чтобы чем-нибудь помочь своим родителям: вставала ни свет ни заря, отправляясь на работу к богатым людям. Ее радостью и утешением были посещения Оптиной пустыни, постоянные горячие молитвы.

В 19-летнем возрасте Матрона Поликарповна вышла замуж за глубоко верующего крестьянина Кирилла Петровича Белоусова. В этом браке родилось трое детей: дочь и два сына. Матрона Поликарповна стала матерью большого семейства, но не прерывала общения с оптинскими старцами и исполняла одно из самых нелегких послушаний – послушание семье.

В 1934 году матушка с семьей переехала в Воронеж. Годы ее духовного возрастания пришлось на страшное время безверия и богоборчества. Глубокая и беззаветная вера в Господа помогала матушке выстоять в самых тяжелых жизненных ситуациях. Пришлось пережить оккупацию в годы Великой Отечественной войны, восстанавливать разрушенный храм во имя святителя Николая в Воронеже, собирать пожертвования на вооружение Советской армии, а после войны строить жилье себе. Сыновья Александр и Михаил воевали на фронте. На долю матушки выпало много испытаний, и она, как истинная христианка, несла со смирением свой крест, да еще подкрепляла духовно других. По свидетельству очевидцев, однажды, когда нигде не было воды, матушка из одного чайника чудесно напоила множество наших воинов.

Матушка много и усердно молилась. Велика была сила ее молитвы, которая всегда была действенной. По словам матушки, «мо-

МАТУШКА СЕРАФИМА БЫЛА НЕЗАУРЯДНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ. ВСЕГДА ОНА ГОВОРИЛА ЖИТИЙНЫМ ЯЗЫКОМ, ЦИТИРОВАЛА СВЯТЫХ ОТЦОВ, ХОТЯ ТОЛКОМ И НЕ УЧИЛАСЬ. ВСЕ ОТКРЫВАЛОСЬ ЕЙ ПО БЛАГОДАТИ БОЖИЕЙ. СВОЮ БЕСЕДУ С ЛЮДЬМИ ОНА НАПОЛНЯЛА СЛОВАМИ ЛЮБВИ И МИРА.

литва, приносимая от чистого сердца, проходит сквозь небеса прямо к престолу Божию». Она особенно часто читала молитву: «Всё упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим». Когда не было средств на восстановление Свято-Никольского храма, матушка стояла на молитве всю ночь, пол делался мокрым от слез. И уже на следующий день самые разные люди предлагали ей свою посильную помощь. И помощь эта по ее святым молитвам всегда приходила вовремя.

В 1946 году матушка вместе с семьей возвратилась в Мичуринск. Поселившись там, жила она незаметно. Неопустительно ходила в церковь. Непрестанно молилась и дома. Никогда не видели, чтобы она отдыхала. Любовь и молитва – вот чем служила матушка

Богу и ближним. Всё, что она говорила, звучало очень просто и убедительно, с ней можно было молча побыть рядом и уйти потом будто бы окрыленным. Она простирала свою любовь не только к духовным чадам, но и ко всему миру. За всех плакала, плакала непрестанно, молясь за весь мир.

Приняв тайный иноческий постриг с именем Мария, а позднее и схиму с именем Серафима, матушка стала теплой молитвенницей и настоящей печальницей нашей земли, дни и ночи проводила в непрестанных слезных молитвах перед своей келейной иконой Пресвятой Богородицы «Взыскание Погибших». Никогда не стремившаяся к богатству, живя в браке, она, и приняв монашество, в совершенстве исполняла заповедь нестяжания. Схиархимандрит Макарий (Болотов) вспоминал: «Бывало так, что, идя в храм, матушка брала с собой четыре подрясника и по дороге все раздавала нищим».

К благодатным дарам молитвы, смирения и любви Господь присовокупил дар прозорливости. Задолго предсказала матушка

Серафима открытие Тамбовского Преображенского и Мичуринского Боголюбского соборов, Задонского Богородицкого монастыря. Заранее ей был известен и день окончания Великой Отечественной войны. Всегда предвидя приезд в Мичуринск своего духовного чада – будущего схиархимандрита Макария, матушка посылала встречать его, точно указывая номер поезда и вагона.

Матушка Серафима была незаурядным человеком. Всегда она говорила житийным языком, цитировала святых отцов, хотя толком и не училась. Всё открывалось ей по благодати Божией. Свою беседу с людьми она наполняла словами любви и мира. Невзирая на сложное время, к матушке шли и ехали из разных городов и весей люди со своими житейскими и духовными нуждами. Всех умела

матушка утешить, всем давала добрые и полезные советы. Она встречала людей с такой любовью и милостью, что от нее выходили духовно обновленными. По дару прозорливости матушка Серафима порой обличала тайные греховные мысли.

К чужой помощи старица прибегала редко и больше старалась сама услужить всем – подать, поднести, накормить. И делала это с неизменным смирением и любовью. Те, кто знал матушку Серафиму при жизни, помнят, как горячо и слезно она молилась за семью, духовных чад и за весь мир. Известны многочисленные случаи, когда по святым молитвам матушки люди получали исцеление от тяжелейших недугов.

Матушка Серафима несла молитвенный подвиг, много постилась, подавала неимущим. Она предсказала прославление новых святых, возвращение мощей святителя Питирима, пророчествовала, что «Боголюбский собор будет славиться на всю Россию».

Преставилась матушка Серафима 5 октября 1966 года. В самый момент ее упокоения некоторые люди видели необыкновенный ог-

ненный столп, исходящий из дома старицы. Господь показал, что праведная душа схимонахини Серафимы, всегда стремившаяся к Богу, вознеслась к своему Творцу. Матушка обещала, что она и после смерти не забудет нас, если мы будем к ней обращаться, и это вселяет в наши сердца надежду. Многочисленные чудеса, совершаемые на ее могилке после усердной молитвы, подтверждают обещание старицы. Ведь на этой схимнице ответ оптинской святости: и благословение преподобного Амвросия, и наставления преподобного Никона, и духовное руководство преподобного Анатолия. Она донесла их благословение до наших дней, не расплескав чаши.

Матушку просят о помощи и те, кто лично не знал ее во время земной жизни. Тропа к могиле старицы Серафимы не зарастает, и многие, приходя сюда, получают по ее молитвам благодатную помощь и исцеление. Мы, православные христиане, должны знать и чтить своих подвижников. Они наши молитвенники, заступники и помощники, принимающие живое участие в нашей судьбе, ограждая от искушений и бед своим молитвенным заступлением. Жизнь схимонахини Серафимы – пример для нас в наших странствиях к Небесному Отечеству.

При храме в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» г. Мичуринска, в котором любила молиться матушка Серафима и рядом с которым покоятся ее честные останки, продолжается сбор свидетельств о чудесах и исцелениях по молитвам старицы.

И ведь действительно, спустя 50 лет после блаженной кончины старицы Серафимы люди приходят на ее могилку и по вере своей получают от нее помощь. Всегда в часовне на могиле схимонахини горят свечи, почти никогда не переводятся живые цветы. И это, несомненно, свидетельствует о том, что матушка Серафима горячо любима и почитаема в народе. **А**

Роман ЛЕОНОВ,
председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии, член Союза журналистов России

МЫ РУССКИЕ – И ЭТИМ ВСЁ СКАЗАНО!

Широки луганские просторы. Широка русская душа!

Наш луганский край – это часть много-страдального, героического Донбасса.

Южная окраина земли русской: Дикое поле, Новороссия – знавала много бед. Наша земля с древних времен щедро полита кровью предков. Эта земля – своеобразный форпост Русского Мира – это бастион, вставший на пути мирового зла, что, как и сотни лет назад, ползет с Запада. Это крепость на пути воскресшего фашизма и бандеровского национализма. Донбасс стал четвертым Ратным Полем, после поля Куликова, Бородинского и Прохоровского поля.

Здесь в праведных муках рождается Новая Русь!

Сегодня на этой земле льется кровь, льется русская, славянская кровь в священной войне с мракобесием и адовым мраком.

Здесь живут люди с открытой душой и горячим сердцем, трудовые люди: шахтеры, металлурги, крестьяне, талантливые врачи и учителя, писатели. Мы есть, мы были и мы будем всегда на своей земле хозяевами, с нашими героями, с нашими обычаями и традициями, с нашей культурой, с нашим великим русским языком!

Гул разрывов, гул войны ворвался в души миллионов людей, ворвался в мирные дома. Но мы выстоим – «всем смертям назло» вы-

стоим и победим! Так было всегда и так будет!

Писатели Луганщины на протяжении всего постсоветского времени вели непримиримую борьбу с насильственной украинизацией нашей родной земли – эта борьба шла в быту и на страницах периодической печати, в учебных заведениях, шла на конференциях и других различных форумах.

Гром этой борьбы звучал в наших художественных, документальных, научных и публицистических произведениях. Мы не отдадим землю предков на поругание врагам, тем паче врагам-перевертышам, врагам-предателям в бандеровском обличии...

МЫ РУССКИЕ – И ЭТИМ ВСЕ СКАЗАНО!

В этой подборке стихотворений представлены три автора Луганской писательской организации, чуткое женское сердце болью страданий выкрикнуло эти пронзительные строки. Стихи написаны под кровавую мелодию разрывов снарядов и бомб, выпущенных по Донбассу в 2014 году украинскими карателями, такое выдумать невозможно – это нужно было пережить!

Владимир КАЗМИН,
председатель Луганской
писательской организации им.
В.И. Даля Союза писателей России

АННА ВЕЧКАСОВА

Родилась в г. Ростове-на-Дону. Фельдшер по образованию. Участник Первого открытого республиканского фестиваля «Муза Новороссии». Печаталась в альманахе «Радуга», сборниках «Час мужества», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса».

* * *

А «скорая» меня не довезла,
Напрасно била об асфальт колеса.
В единый миг я стала безголоса
Среди руин и битого стекла.
Подумайте: молчать! А что осталось?!
Не видеть мир, не трогать и не слышать,
Как бисер-дождь рассыпался по крышам...
Опять не повезло – какая жалость.

* * *

Она близка и набирает силы,
Нешадно рушит семьи и дома.
Она копает свежие могилы,
Землею засыпает их сама.
Имен ей много на планете дали.
Невежество мое прошу простить,
Одно я имя четко знаю – Кали.
Его навряд ли можно позабыть.
Но как ее вы там ни назовете,
Страшна была в любые времена
В своей простой чудовищной работе
Безжалостная женщина – Война.

* * *

Мне всё казалось, вечность не придет –
Она блуждает в переулках света,
По ниточке с планеты на планету
Опасный совершая переход.
Я думала, что наконец везет,
Что впереди умеренные годы.
Но, то ли под влияньем непогоды,
Вдруг осознала: всё наоборот.
Что все слова невыжженных страниц
Подобраны заботливой рукою,
А вечность за соседнюю стеною
Зовет меня в примерочную лиц.

* * *

Открой, умоляю, глаза!
Услышь меня! Я же Твой раб,
По образу создан, но слаб.
А слабого трогать нельзя.
Как хочется жить и любить!
Да в небе летит самолет.
Гадаю – в кого попадет?
С тоской понимаю: бомбить...
И взрыв отдается в ногах!
Молю, посмотри на меня!
В осколках и смерче огня,
О Господи, Яхве, Аллах!

Рисунок юной донецкой художницы Ани Казанцевой.

* * *

Грохот! Страшный, дикий, злой!
Вспышки, блики, чей-то вой!
Навзничь, на пол! Тру глаза –
Август, ночь... Идет гроза...

* * *

Твой город больше не бомбят.
Работать, как и прежде, рад.
А что касается зарплат,
Так то не мы – ОНИ чудят.
«Укропам» не кричишь «виват!»,
Не беженец и не солдат.
Ты – мирный, в этом виноват.
Скажи, кому ты нужен, брат?

* * *

До боли сжимаю руки.
В окно проревел раскат.
Сканирую кожей звуки:
Гроза, «ураганы», «град»?..
И вновь задрожали стены.
Диспетчер дает добро.
Летим, не включив сирены,
Там – раненная в бедро.
Она родилась в рубашке.
Везем ее через дым
С бессменным водителем Сашкой,
Что стал мне почти родным.

* * *

Возможно, забуду не скоро я:
Смертельной объят пеленой
Мой город. Осталась «скорая»
У края передовой.
В застывшем безводном мареве
Работали за троих.
Смотрели ночами в зарево,
Не ведая: кто и чьих...

* * *

Те, кто вращает глобус голубой,
Пожалуйста, верните мир домой,
А все, что бьет прицельно по мечтам, –
В болота, в топи, в гиблые места.
И чтобы войн жестоких не велось,
Из памяти врагов сотрите злость,
Оставьте нам, живым, любовь и хлеб,
Верните мир израненной земле.

Людмила ГОНТАРЕВА

Родилась в г. Краснодон. Филолог по образованию. Член Союза писателей России. Печаталась в альманахах ТО «СТАН» и «Свой вариант» (Луганск); журналах «Склянка Часу» (Канев), «Российский колокол» (Москва), «Родная Ладога» и «Невский альманах» (Санкт-Петербург); коллективных сборниках «Час мужества», «За други своя», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса» и др. Лауреат премии им. «Молодой гвардии» (2011 г.). Лауреат литературной премии имени Владимира Гринчукова (2015 г.).

* * *

Когда закончится война,
Я упаду ничком на землю.
Пусть зарыдают в проводах
Ветра – я больше не приемлю
Испуга в солнечных глазах
Бинтованных крест-накрест окон.
Теперь пусть радуется гроза
Оранжевым разрядом тока.
Пускай тяжелые идут
Машины по вечерней трассе.
Мы забываем про войну –
Их гул не страшен, не опасен..
Мы забываем о войне,
Мы забываем, забываем..
О жесткой танковой броне,
О беженцах в июне-мае,
О развороченных телах
На площади кровавом блюде
И о безжалостных словах
Должны забыть... но не забудем.

* * *

Лечь в траву и закрыть глаза.
Вжаться раной открытой в почву.
Снились алые паруса.
Оказалось – земля кровоточит.
Тих Господь... Только он с креста
Видел мир без прикрас и фальши.
Ветер уксусом жег уста,
Шли иуды победным маршем.
Сквозь меня прорастет трава.
Мир с войною в хмельном застолье.
Мы теряем в бою слова,
Чтоб разлиться немой болью...

* * *

Ветер рвет провода,
С крыш летит черепица,
И скрывает вода
Наших улиц границы.
Над степным городком
Собирается лихо.
В зазеркалье окон
Напряженно и тихо.
Надвигается сушь,
Невзирая на грозы.
Мясорубка из душ
На пределе угрозы.
На прицеле – покой,
Не задавшийся, в общем.
Мы уходим в запой,
Не куем и не ропщем,
И не мелем зерно,
Не читаем молитвы...
Мы попали в сезон
Мировой шоу-битвы.

* * *

Подворотня слепа, как выстрел, –
Оседаю бескрыло в снег:
Меня из мгновения выстриг
Безжалостный стрелок бег.
Теряю воздух руками,
Простуда в моей крови.
Уже расплескалось знамя
Небес над лицом земли.
Уже недоступны крыши:
На лезвие забытья
Я падаю медленной тишью,
Над пеплом воды летя.
Но океаном звуков
Взрежу угрюмость туч,
Чтоб украшением луга
Вызрел пшеничный луч,
Чтобы забиться птицей
В глобуса пестрой груди
(Пусть не дано проститься
С теми, кто впереди),
Чтоб превратить в осколки
Серого быта объем,
Где вечер на вечной полке
Ютится с квадратным днем.

...Но падаю призрачной датой
На лезвие забытья,
И безымянность солдата
Заключает в объятья меня.

* * *

Мы войну объявим только завтра,
На рассвете, когда солнце всходит.
...На муку талоны, спички, сахар
И моя записка на комод.
Добровольцем ухажу – смотрите –
В регулярные войска санчасти.
Занимай места в партере, зритель:
Я спасаю раненое счастье,
Извлекаю день из-под обломков.
...Красный мак и белые одежды...
Бинтовать разлуку так неловко,
Так туга повязка – струны режет.
Приручив дыханье теплых пальцев,
Ощущаю боль как неизбежность.
В организме убывает кальций.
В перестрелке убивают нежность.
После взрыва – гулкое затишье,
Крика своего уже не слышу.
Вспоминаю лето: вишни, вишни,
И закат багровым соком вышит.
Пусть зима забьет крест-накрест ставни,
Осень взглядом мой состав проводит.
Я уйду внезапно, но оставляю
Для тебя записку на комод.

* * *

Кто-то новые с радостью носит ботинки,
Кто-то упорно копит на пальто...
У Донбасса в сердце сегодня льдинки,
Наш Донбасс уютный уже не тот.
От ночного бденья устали веки.
Мы теряем в спорах своих друзей.
Если это истории новой вехи,
Значит, каждое утро – большой музей,
Где еще находим по телефону
Самые близкие голоса,
Где молиться нужно родному дому,
Что от слез вытирает тебе глаза...
Кто-то очень жестоко размазал кашу
По тарелке времени и в умах.

Наш донбасский уголь – это не сажа.
Здесь – суров характер и велик размах!
Здесь степное поле и свободный ветер.
Здесь крепка и водка, и надежды нить...
Мы с тобой, товарищ, за беду в ответе,
И за счастье тоже по счетам платить...
Только будет утро, и наступит вечер.
Сосчитает небо всех своих бойцов.
Но уже не верим фразе «время лечит»,
Ведь над степью радуга ранена свинцом...

* * *

Нас расстреляют уже на рассвете.
Волосы треплет слепящий ветер.
День будет тих и пронзительно светел
В этом квадрате, на этой планете.

Вдруг на осколки порвутся струны,
На серых скалах проступят руны,
И поспешим мы по рельсам чугунным
В край, где ацтеки, древляне, гунны.

Алые маки покроют футболки.
Холод почуяв, завоюют волки.
Киллер ружье зачехлит втихомолку
И поспешит на свою остановку.

Эти мгновенья взорвут экраны.
Мы растревожим квартиры, как раны,
Где-то меж роликами рекламы
В рамках программы, не очень рано.

Зритель безмолвный за все в ответе,
Крика молчанья, увы, не заметит,
Качество съемки, сюжет отметит,
Сетуя вслух – у экранов дети.

И не поверив, что все случилось,
Что бесконечность в зрачок просочилась,
Примем объятья листвы, словно милость,
Падая в осень, что детству снилась.

Крылья к вискам тишиной прикоснутся,
Звоном тяжелым разбитого блюдца.
...Надо успеть на шаги обернуться,
Чтобы проснуться, проснуться, проснуться...

* * *

Это словно кино, как в больном сне –
Опоили дурманом нас по весне.
Ну а летом кровавые звезды в ряд
В карауле над городом нашим стоят.
А в полях окопы – шрамом на лицо...
Не послать любимому письмецо.
Сколько километров путь из рая в ад?..
Во степи солдаты без имен лежат.
Танки в интернете, танки за окном.
Как конструктор «Лего», вдруг сложился дом.
По подвалу ходит старый мудрый кот:
В самом безопасном месте он живет.
Город мой контужен, город мой устал...
Кто бы нам страницы эти пролистал...
Но писать спокойно мы обречены
Хронику ненужной непростой войны.

* * *

Припорошило землю суетой.
В кармане Вечности тревожный холод.
В зрачках столетий заплутал покой,
На афоризмы мир людей расколот.
Бессмысленны и мудрость, и тоска,
Что с неба градом-листопадом льется.
Останется ли время для броска,
Чтобы спасти наш мир от миротворцев?

МОЛИТВА

Услышь нас, Господи, мы – живы,
Пошли на землю свой конвой
Гуманитарный. Тянет жилы
Сирены вой и ветра вой...
Поверь нам, Господи, мы – люди.
В братоубийственной войне
За всех солдат молиться будем,
На той и этой стороне.
Прости нас, Господи, мы серы
И сиры в глупости своей.
В родной земле греша без меры,
Мы просим процветанья ей...
Спаси нас, Господи, мы слабы:
От минометного огня,
Стрельбы и ненасытных «градов»
Мы сами не спасем себя...

Спасибо, Господи, мы живы...

Ирина ЧЕРНИЧЕНКО

Родилась в городе Краснодар. Руководитель литературного объединения «Радуга» (Краснодон). Организатор I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты – 2009». Печаталась в альманахах ТО «СТАН» и «Радуга», сборниках «Час мужества», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса».

КАКАЯ СТРАННАЯ ВОЙНА...

Какая странная война:
Бедою брат пошел на брата,
Была страна на всех одна
И вдруг исчезла безвозвратно
Под чьим прицелом тишина?
Свои, чужие где границы?
Кому предъявлена вина?!
Где ложь?
Где правда?
Маски, лица...
Земля распахана войной,
А вместо зерен... трупы, трупы...
Неужто нет судьбы иной?
На межстолетьях – время смуты!
Игра продавшихся «богов»
За все же взыщется, и строго,
И за своих, и за врагов.
Побойтесь Бога! Бойтесь Бога!
...Какая странная война.
И в длинный перечень трагедий,
Утрат, разрух внесет она
Междоусобицу соседей,
Развал семей и крах надежд,
И нескончаемость разлуки,
На черном трауре одежд
В молитве сложенные руки...
...И будет боль, и будет стон
Из пепла жизни подниматься,
И страшным сном будет казаться
Провал зияющих окон.
Ну не поднимется ж рука
Запечатлеть сюжет кровавый,
А начинать издалека:
«О господи, да вы не правы...» –
Я не хочу и не могу!!!
...Автобус, люди, жертвы, мина... –
Цивилизации картина?!
Смерть не останется в долгу,
И будет боль, и будет стон,

И, гневом праведным наполнясь,
Поднимет колокольный звон
Славянскую святую совесть...

* * *

Я против войны, ссор и разборок,
И месть не самый лучший советчик,
Но если над домом осколки и порох,
А в погребке ладан, иконы и свечи,
И рядом развалины вместо соседей
(Их дом был примером на улице нашей) –
Я против, я против!
И пусть, отобедав
Сегодня пустой недосоленной кашей,
Я против войны безрассудной, разрухи
И, может, прощу за сожженное поле
И слезы уставшей голодной старухи,
Разъевшие щеки избыточной солью...
Я против войны, но под шелест снарядов
(Прости меня, Боже, за речи такие)
Как я бы хотела, чтоб был сейчас рядом
Со мною майдан –
Да что там! –
Весь Киев,
Чтоб не на словах, а на шкуре любимой
Смог каждый почувствовать страх за детей,
Да вдох облегчения, когда взрывы мимо,
Да выдох отчаянья: «Непоправимо!!!»,
Где «грады», как снайперы, бьют по судьбе.

Я к Миру взываю! Но, если быть честной,
Молюсь за солдат, что поднялись щитом
От своры жестокой, бесчеловечной
Спасти, сохранить Нашу Землю, Наш Дом.

НЕНАПИСАННОЕ ПИСЬМО

Здравствуй, мама! Как тебе живется?
Дров в достатке? В доме ли тепло?
Попроси соседа – из колодца
Принесет тебе воды ведро.
Навари борща, как ты умеешь,
Помнишь, со сметаной я любил.
Угости Пирата, не жалея,
Чтобы, горемыка, он не выл.
И сама снеси мобильник в сени,
А уж лучше выброси в чулан...

Я, как в детстве, обнял бы колени,
 Чтоб ты не молилась на обман.
 Я бы небо упросил до срока
 Удержать губительную весть...
 Заманили в преисподнюю Бога,
 Повезло ж в АТО мне, дурню, влезть.
 Ты прости меня, моя родная,
 Что не выполню сыновний долг,
 Не придется, с внуками играя,
 Рассказать про мудрость всех дорог,
 Не тебе... А мне всего осталось –
 Ковылем донбасским прорасти...
 Ни за что душа моя пропала...
 Если сможешь, мамочка, прости.
 Не печалься, мне не одиноко.
 Здесь, в воронках, – сотни полегло.
 Отпевал нас «града» жаркий грохот,
 А ведь по-другому быть могло.
 Да уж что там говорить об этом,
 Постарайся рассказать друзьям:
 «Террористов на Донбассе нету,
 Я проверил ценой жизни, сам!»
 Вот и всё. Прощай, моя родная,

Не ищи меня среди полей.
 Для земли донецкой и бескрайней
 Грешник я великий средь людей.

P.S.

По весне, когда ты сеешь мальву
 Под моим зашторенным окном,
 Я шепчу сквозь все преграды-дали:
 «Я люблю тебя и отчий дом!»

**Рисунок юной донецкой
художницы Ани Казанцевой:**

– Юноша – это Донецк, девушка – Луганск.
 Хотела показать, что война касается всех:
 и мужчин, и женщин. У них нет оружия в ру-
 ках, только домна и кирка. Кирка, верней ее
 рукоятка – еще и как символ донецкой досто-
 примечательности – парка кованых фигур.
 Вепрь – это тот, кто их обижает, во что пре-
 вратилась еще недавно хорошая страна. Разо-
 рванная цепь – как символ, что хотели просто
 отсоединиться и что из этого вышло. Колючая
 проводка и розы – это блокада Донбасса.

ЖЕНЩИНА-КАЗАЧКА

«ЖЕНЫ ИХ ЛИЦА КРУГЛОГО И РУМЯНОГО, ГЛАЗА ТЕМНЫЕ, БОЛЬШИЕ, СОБОЮ ПЛОТНЫЕ И ЧЕРНОВОЛОСЫЕ, К ЧУЖЕСТРАНЦАМ НЕПРИВЕТЛИВЫ» – ТАК ОПИСЫВАЛ ЖЕНЩИН, ЖИВШИХ НА ДОНУ В XVIII ВЕКЕ, ПЕРВЫЙ ИСТОРИК КАЗАЧЕСТВА А. РИГЕЛЬМАН. КТО ЖЕ БЫЛА КАЗАЧКА И КАКОЕ МЕСТО ОНА ЗАНИМАЛА В КАЗАЧЬЕМ ОБЩЕСТВЕ? КЕМ ОНА БЫЛА И КАК К НЕЙ ОТНОСИЛИСЬ КАЗАКИ? ОТВЕТЫ НА ЭТИ ВОПРОСЫ ДАСТ НАМ ИСТОРИЯ И СОХРАНИВШИЕСЯ КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ КАЗАЧЕСТВА.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЖЕНЩИНЫ-КАЗАЧКИ

В казачьем обществе у женщины всегда была своя, особая роль – матери, жены, сестры. Казачка соединяла в себе неукротимый нрав и преданность семейному очагу, была верной женой, заботливой матерью, хорошей хозяйкой и образцом женственности. В то же время она могла встать рядом с казаками с оружием в руках на защиту своей общины и семьи. По поведению женщины судили о том, что из себя представляет ее муж, брат или отец.

В «Статистическом описании Области Войска Донского», изданном в 1884 году, говорилось: «В силу особенностей военного быта на Дону исторически вырабатывался особенный тип женщины – неустанной труженицы,

смело и энергичически принимающей на себя все труды мужчины, всюду поспевающей и всё делать успевающей. Забота молодой, жившей у бабушки с матушкой без горя и нужды, в том и состоит, чтобы не с голыми руками встретить мужа по его возвращении со службы. Уронивши хозяйство, она роняет свое человеческое достоинство в глазах честной станицы и своих собственных».

Кто бы ни была женщина, к ней надо было относиться уважительно и защищать ее, ибо женщина – будущее твоего народа. Характерный пример защиты женщины описан в повести казачьего писателя Гария Немченко:

«В 1914 году утром по станице Отрадной проскакал казак с красным флагом, оповещающий войну. К вечеру Хоперский полк уже двигался в походной колонне к месту сбора. Вместе с полком, естественно, ехали провожающие –

старики и женщины. Одна из женщин управляла лошадью, запряженной в бричку, и проехала одной стороной колес по помещичьему полю. Один из офицеров, известный на весь полк по фамилии Эрдели, подъехал к женщине и хлестнул ее за это плетью. Из колонны выехал казак и срубил его».

Особую роль в жизни казачки играла вера. Духовным идеалом для казачки был Бог и помощницей в жизни – Богородица. Наряду с верой в Бога казачка идеализировала семью и подворье. Важным фактором в жизни казачки была ответственность перед Богом за семью, правильное воспитание детей, отношение к родителям и исправное содержание подворья. Казак верил в то, что его грехи замолят родительницы, к которым относились жена и мать. Родительницами называли даже девочек, будущих жен и матерей.

КАЗАЧКА И СЕМЬЯ

В своих воспоминаниях о казачьем быте И.И. Георги писал: «У казаков мужья обходятся с женами ласковее, чем обыкновенно в России, и поэтому они веселее, живее, благоумнее и пригожее».

Женщина в казачьей семье всегда играла важную роль в воспитании детей, а также сохранении семейных (родовых) ценностей. С малых лет дети впитывали от матери любовь к родной земле, к своему народу, чувство национальной гордости и душевной, кровной близости к казачьему роду. В воспитание в своих детях чувства собственного достоинства, любви к казачьему братству мать-казачка вкладывала много сил, так как будущий казак должен быть воином, а будущая жена казака – хранительницей семейного очага и защитницей рода. Таким образом, с малолетства казачонок или девочка-казачка с уверенностью и гордостью осознавали, что они относятся к казачьему народу. Казачка не подражала кому-либо, а всегда подчеркивала свою принадлежность к казачьему народу, к его традиции и культуре. Это выражалось не только в ношении одежды, но и в разговоре, поступках и действиях.

Мать-казачка несла ответственность перед Богом за воспитание в своих детях рели-

гиозного и нравственного состояния души. Молитвенные правила, регулярные посещения богослужений, воспитание в традициях казачьего народа, семейного уклада и передача родовых знаний становились основной жизненной практикой, которая укрепляла важнейшие черты характера будущей казачки-матери.

Женщина – продолжательница рода, за женщиной-казачкой будущее всего народа, и она должна пользоваться уважением и быть под защитой не только мужа-казака, но и всего хутора или станицы. Хоть казачка и осознавала это, но она знала и то, что слово мужа-казака или отца было непререкаемо. Жена-казачка не вмешивалась в дела мужа, в то же время казак не интересовался женскими делами. Мужчина-казак был защитником и добытчиком, строго поддерживал порядок семейного казачьего быта. Женщина-казачка понимала, что мужчине принадлежала главенствующая роль, и эталоном взаимоотношений мужа и жены были слова Священного Писания, которые произносятся при венчании

в церкви: «Да убьется жена мужа», «Не муж для жены, а жена для мужа». Пререканий по этому поводу не было, так как это традиция казачьего народа и ей надо следовать. Когда женщина воспитана в духе казачьего народа, она всем сердцем и душой любит семью и стремится сохранить семейные родовые традиции, не подражая модным нововведениям.

КАЗАЧКА В ОБЩЕСТВЕ

Особое отношение к женщине было и в казачьем обществе. Существовали свои правила и нормы поведения по отношению к казачкам, у них были свои права и обязанности. Установленные нормы и правила были обязательными, что сохраняло культуру и традиции не только казачьей общины в целом, но и отдельной семьи.

Женщина-казачка не должна была находиться с непокрытой головой на людях, это считалось грехом и позором. К такому отношению и ношение мужской одежды, и стрижка волос. В наше время часто можно увидеть,

как девушки и женщины носят одежду мужского типа, и не только мирскую, но и казачьей справы. За такое поведение в прошлые времена казаки строго наказали бы женщину или девушку.

Умение вести себя «по-казацки» у девушек воспитывали с малых лет. Казачка к мужчине, которого не знает, обращалась используя слово «мужчина», т.к. слово «мужик» для казаков было очень оскорбительным. В наше время можно услышать обращение типа «Здорово дневали, мужики!», что является оскорблением для казаков, знающих и чувствующих в душе зов казачьего рода. Казак к незнакомой девушке или женщине обращался в зависимости от возраста. К старшей по возрасту казак обращался со словом «мамаша», а если девушка или женщина одного с ним возраста, то словом «сестра». По-особому обращались к младшим по возрасту, что подчеркивало ответственность казаков в воспитании подрастающего поколения. К примеру, к младшей по возрасту обращался казак со словом «дочка», а если разрыв в возрасте большой – «внучка». Разговаривая с женщиной, казак вставал, а если перед ним была пожилая женщина, снимал свой головной убор как перед старшей.

Мы, таким образом, видим, что понятие «семьи» перешло и на общину, где все друг другу «брат и сестра», «мать и отец». Хорошо всему миру известно о «казачьем братстве», отличающемся сплоченностью во время многочисленных войн и иных испытаний в истории казачьего народа. Казачьим братством и сейчас казаки гордятся и воспитывают в таких традициях.

Общение между собой «при народе» подчинялось строго установленным правилам. Муж и жена на людях всегда были сдержанны и не выясняли отношений, особенно в присут-

ствии детей. Обращаясь к жене, казак называл ее по имени, в пожилом возрасте – по имени и отчеству. Обращаясь к мужу, жена называла его только по имени и отчеству, тем самым выражая почтение его родителям. В казачьей

семье отношение к свекрови, свекру, теще и теще должно быть «божеским» и «добрым», так как они являются Богоданными родителями.

В заключение хочется сказать, что женщина в казачестве имела, имеет и будет иметь великую ценность! И важную роль в этом играет сама женщина, когда она несет в себе образ Богородицы, Матери и Сестры.

P.S.

Писать о значении женщины в казачестве можно много и долго, отталкиваясь не только от традиций и культуры самого казачества, но и от литературных произведений русских и советских писателей, не говоря уже и о зарубежных. Смысл ознакомления с женскими традициями казачества заключается в том, что много было утеряно в наших семьях вследствие различных исторических событий, повлиявших на русское общество. Поэтому современная семья больше придерживается морально-этических норм, а не правил, исходящих из глубин нашего рода, переданных нам нашими предками и ярко выраженных в семейных преданиях.

Я надеюсь, что данная статья станет не только ознакомительной, но и принесет старые и добрые традиции в наши семьи, обогатив их «божьиими» красотами семейной казачьей жизни.

Игорь МАРТЫНОВ,

войсковой старшина, заместитель атамана Тамбовского отдельского казачьего общества

11 ФЕВРАЛЯ ИСПОЛНИЛОСЬ 115 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ АКТРИСЫ СОВЕТСКОГО ТЕАТРА И КИНО, КУМИРА МИЛЛИОНОВ И МИЛЛИОНОВ ЕЕ ПОКЛОННИКОВ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ СССР ЛЮБОВИ ПЕТРОВНЫ ОРЛОВОЙ. КОГДА РЕЧЬ ИДЕТ О ЛЮДЯХ ТАКОГО МАСШТАБА И ТАЛАНТА – ДОРОГ КАЖДЫЙ ШТРИХ, КАЖДОЕ ВОСПОМИНАНИЕ, СВЯЗАННОЕ С ИХ ЛИЧНОСТЯМИ. ЛЮБОВЬ ОРЛОВУ СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ, КОНЕЧНО ЖЕ, ПОМНИТ ПО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ФИЛЬМАМ, ВОШЕДШИМ В ЗОЛОТОЙ АРХИВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНО, «ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА», «ЦИРК», «ВОЛГА, ВОЛГА», «ВЕСНА», ДО СИХ ПОР ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ ВСЕНАРОДНОЙ ЛЮБОВЬЮ. И ДЛЯ НАС ПРОСТО ПОДАРОК ЖИВОЙ РАССКАЗ ЗЕМЛЯКА, ВЕТЕРАНА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА, БЫВШЕГО ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРА МИЧУРИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЮВЖД, ПОЧЕТНОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА М.И. БЕНДЕРСКОГО О – ПУСТЬ МИМОЛЕТНОЙ – ВСТРЕЧЕ С АКТРИСОЙ, БЕЗ КОТОРОЙ БЫЛ ПРОСТО НЕМЫСЛИМ В СВОЕ ВРЕМЯ НЕБЫВАЛЫЙ ПОДЪЕМ СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА...

Любовь Орлова

Как давно это было... Середина XX века. Я уже несколько лет студент МЭМИИТа. Да, был тогда такой институт в Москве. В то время в столице насчитывалось три транспортных вуза: МИИТ (Московский институт инженеров транспорта), МЭМИИТ (Московский электромеханический институт инженеров транспорта) и МТЭИ (Московский транспортно-экономический институт). Потом их постепенно сливали, сливали, сливали, сливали и наконец слили в один большой МИИТ. А тогда студентов трех институтов объединял один общий Дом культуры транспортных вузов. Так был назван дворец, построенный в 1936 году архитектором С.М. Горельским в Новосущевском переулке.

В этом солидном трехэтажном здании было всё: большой вместительный концертный зал, зал для проведения танцевальных студенческих вечеров, красивое фойе с гардеробными, спортивный зал, зал для танцевальной секции, удобные гримерные для артистов. Сейчас это юридическое лицо – государственное культурно-просветительное учреждение «Дворец культуры Московского государственного университета путей сообщения», которое сохранило старую аббревиатуру «ДК МИИТа». Нам, студентам МЭМИИТа, повезло. Мы жили в четырехэтажном общежитии, которое находилось во дворе Дома культуры. Мы не пропускали ни одного мероприятия, ни одного концерта, нам даже не надо было надевать пальто, перебегая зимой из общежития. А посмотреть было на что.

Министерство путей сообщения – в то время одно из самых богатых учреждений страны – не жалело средств на повышение нашего «культурного уровня», приглашая для выступлений самых знаменитых «звезд» того времени. Выступали эстрадные оркестры Леонида Утесова и Эдди Рознера, актеры театра и кино Петр Алейников, Николай Крючков, Любовь Орлова, танцевали Ольга Лепешинская и Галина Уланова, читали стихи молодые поэты Роберт Рождественский и Евгений Евтушенко, приезжал из Ленинграда театр миниатюр Аркадия Райкина, показывал свои «фокусы» Вольф Мессинг. Смотреть выступление Мессинга было очень интересно, но я никак не могу связать спокойного и уверен-

ного Мессинга из популярного телефильма с тем нервным пожилым человеком, который бегал по залу Дома культуры в поисках якобы спрятанной авторучки, держал за руку девушку, которая ее прятала, и громко кричал:

– Думайте, пожалуйста, думайте! Что вы со мной делаете? Думайте, я вас плохо слышу.

К общей радости, авторучку он всё же нашёл.

А Эдди Рознер, этот «белый Армстронг», как его у нас называли, он вообще был наш, институтский. Когда в 1954 году оркестр Рознера получил официальный статус эстрадного оркестра при Мосэстраде, база оркестра первое время и довольно долго была в нашем Доме культуры. Мы бегали на репетиции и, притаившись, с замиранием сердца слушали, как импровизировал Рознер-трубач и как оркестр мастерски ему помогал. На концертах, когда весь оркестр уже был на сцене, всегда под гром аплодисментов сначала из-за кулис показывалась «золотая труба» Рознера и лишь потом выходил маэстро.

Некоторые ребята из оркестра подрабатывали у нас на студенческих вечерах, играя на танцах. Играть им приходилось в основном бальные танцы и вальсы. Танцы быстрые и «в обнимку» в то время не поощрялись. Партия и комсомол тщательно берегли нашу нравственность. Но в конце каждого танцевального вечера музыканты на свой страх и риск по нашей просьбе играли танго и фокстрот. Это привлекало на вечера стилижную тусовку Москвы и хулиганов из Марьиной Рощи, где, собственно, и находились наш Дом культуры и общежитие. Стилиги часто приходили к концу танцевального вечера. Стояли кучкой. Выделялись юноши: полуботинки на толстой белой каучуковой подошве, цветной пиджак с широкими плечами, брюки дудочкой, узкий галстук с маленьким узелком и на голове взбитый кок. Они терпеливо ждали конца вечера и, когда оркестр начинал играть фокстрот, отрывались по полной.

Когда была соответствующая установка, «активисты» и милиция стилиг отлавливали, стригли кок и отпускали. С обитателями Рощи было сложнее. Большинство жило в разваливающихся бараках, жили бедно, молодежь росла в нищете и была озлоблена на всех и вся. На

вечерах они пытались устанавливать свои порядки, задирались, затевали драки, особенно доставалось стилигам. Интересно то, что блатные Рощи пытались одеваться, не очень умело подражая стилигам. Были случаи, когда нападению подвергались наши студенты, которых нередко избивали, когда они гуляли с местными девушками. Но когда в Роще произошло убийство студента, которое так и не раскрыли, за дело взялись наши «старики».

Стариками мы называли студентов, которые успели повоевать, окончить вечерние школы и на льготных условиях поступить в институт. Они были намного старше нас и пользовались непререкаемым авторитетом. Ветераны договорились, организовали при Доме культуры бригаду содействия милиции и стали наводить порядок. В один из дней, когда около Дома культуры собралась довольно большая компания местной агрессивной молодежи, состоялся очень серьезный «разговор». Старики не дрогнули. Приехавшая на шум милиция собрала брошенные ножи, задержала и увезла около десятка хулиганов. Стариков не тронули, кажется, их действия даже нашли у «органов» одобрение. В Роще стариков стали побаиваться, они на студенческие вечера местную молодежь долго не пускали. Через какое-то время обитателям Рощи по их просьбе вновь разрешили посещать Дом культуры, но драк больше никогда не было. И студентов перестали избивать, иногда блуждающая группа скучающих подростков подходила к гуляющим, спрашивали, откуда они, и, если узнавали, что «свой», расстраивались и молча уходили.

Чтобы мы не теряли бдительность и постоянно были в курсе того, чем занимаются коварные капиталисты, в Доме культуры регулярно проводились лекции о международном положении. Грозные дяди с кафедры марксизма-ленинизма настойчиво требовали от нас посещения таких лекций, которые читали члены лекторских групп ЦК партии и Московского горкома. Часто о международном положении нам рассказывал Герман Михайлович Свердлов, родной брат Якова Михайловича Свердлова, того самого друга Ленина и первого председателя ЦИК нового Советского государства, которое потом

успешно развалил другой наш «выдающийся» партийный деятель.

Заканчивая лекцию, он всегда говорил одну и ту же фразу: «А сейчас я вам расскажу о том, что будет напечатано в завтрашних газетах».

Это почему-то всегда приводило нас в восторг. Мы уходили с лекции уверенные в знании того, что никто в Советском Союзе пока не знает.

Конечно, концерты и лекции проводились не каждый день, но культурно-просветительная работа в Доме культуры не останавливалась ни на минуту. Постоянно работали многочисленные секции, драматический и танцевальный кружки. Я записался в танцевальный кружок, так как еще в школе мы с друзьями самостоятельно ставили танцы и выступали на школьных вечерах.

Руководителем нашего кружка была балетмейстер-репетитор музыкального театра Станиславского и Немировича-Данченко. Фамилию ее я не помню, да, мне кажется, мы ее и не знали, так как она просила нас называть ее только по имени, как принято в театре. Я пытался вспомнить имя, но в голове постоянно крутилось два: Люба и Люда. Я буду называть ее Людой, хотя имя могло быть и совершенно другим. Это была энергичная, необычайно подвижная невысокая худенькая молодая женщина. Нам она нравилась, и мы относились к ней с уважением и любовью. Люда ставила в основном народные танцы, но ей очень хотелось сделать классический номер. Для этой цели она почему-то выбрала меня и часто говорила, что у меня хороший «подъем» для классического танцора. Люда даже привела ученицу выпускного класса Московского хореографического училища, чтобы поставить в упрощенном варианте «па-де-де» из какого-то балета. Девочку иногда надо было поднимать, делать простенькие поддержки, а у меня это никак не получалось. Убедившись, что сил у «солиста балета» в ближайшей перспективе не прибавится, Люда расстроилась, назвала меня слабаком и от затеи отказалась.

Зал, где мы репетировали, находился на первом этаже со стороны черного входа. Однажды во время вечерней репетиции кто-то постучал в дверь, и в зал вошла модно одетая

женщина. Мы застыли с открытыми ртами, так как в шоке сразу узнали популярную киноактрису Любовь Орлову. Она молча смотрела на нас.

Люда подошла к Орловой:

– Любовь Петровна, здравствуйте, что случилось? Чем мы можем вам помочь?

– Я выступаю сегодня в концерте у вас в Доме культуры. Меня должны были встретить. Я подъехала к главному входу, никто не подошел, у входа много людей, я не хотела

руку, и мы вместе вошли в грим-уборную. Актриса села перед зеркалом, мужчина виновато суеился вокруг нее.

– Молодой человек, – обратилась Любовь Петровна ко мне, – я могу вас попросить подождать, пока я выступлю, и проводить меня до машины? Это недолго.

Я молча кивнул. Когда Орлова выступала, я стоял за кулисами. Нервный мужчина оказался ее аккомпаниатором. Любовь Петровна спела песню Анюты из «Веселых ре-

НА МЕНЯ СМОТРЕЛА МОЛОДЯЩАЯСЯ ПОЖИЛАЯ АКТРИСА, КОТОРОЙ ОЧЕНЬ НЕ ХОТЕЛОСЬ СТАРЕТЬ. ОНА ПРОИЗНЕСЛА ЭТО ТАК, ЧТО МНЕ ВДРУГ СТАЛО ЕЕ ОЧЕНЬ И ОЧЕНЬ ЖАЛЬ. ЖАЛЬ ДО СЛЕЗ...

выходить и попросила подвезти меня к черному входу. Но я совсем не знаю, куда мне теперь идти.

Люда на минуту задумалась. Но только на минуту.

– Марик, – обратилась она ко мне, – закрой рот и помоги Любове Петровне.

Мы с Орловой вышли из зала. Чтобы попасть на сцену, надо было по лестнице подняться на третий этаж. На лестничной клетке было темно.

– Мальчик, вы где? Я ничего не вижу, дайте мне руку.

И она судорожно, сильно ухватила меня за запястье. Так, держась за руки, мы молча поднялись по лестнице на третий этаж, затем прошли узкими коридорами и оказались наконец за кулисами главной сцены. Орлова не отпустила мою руку, а я не решался как-то ее высвободить. К нам подбежал нервный мужчина во фраке.

– Любовь Петровна, что вы делаете? Так нельзя. Я уже начал волноваться. Нам скоро выходить на сцену.

– Вы бы лучше встретили меня у входа, а не волновались, – зло выпалила Орлова. – Где я могу привести себя в порядок?

– Вот ваша примерная, Любовь Петровна, ключи у меня, – виноватым голосом произнес нервный мужчина и открыл дверь, около которой мы стояли.

Орлова продолжала держать меня за

бят», насколько я помню, «Марш энтузиастов» из кинофильма «Светлый путь», еще что-то...

Одеваясь, она спросила:

– Я видела, молодой человек, вы стояли за кулисами, вам понравилось?

– Мне понравилось, мне очень понравилось, но в кинофильмах вы поете лучше, – ляпнул я и покраснел, поняв, что сморозил бестактность...

Орлова повернулась и очень внимательно посмотрела на меня. Мне стало совсем стыдно. Она долго молчала.

– Да, вы, наверное, правы, – медленно произнесла потом Орлова. – Но я, как говорила пушкинская Татьяна, тогда моложе и лучше, кажется, была.

После небольшой паузы Любовь Петровна с грустью в голосе добавила: – Как давно это было...

На меня смотрела молодая женщина, которой очень не хотелось стареть. Она произнесла это так, что мне вдруг стало ее очень и очень жаль. Жаль до слез... Назад мы шли, как и раньше, Орлова крепко держала меня за руку. У выхода стояла большая черная машина (не то легковой «ЗИЛ», не то «Чайка», не помню).

Шофер предусмотрительно открыл дверцу автомобиля. Орлова отпустила мою руку, поцеловала меня в лоб, молча села в машину и уехала... **А**

Марат БЕНДЕРСКИЙ

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВНА ЛУЦЕНКО
(ЕПИШКИНА)

Родилась 13 октября 1960 г. в г. Орджоникидзе Днепропетровской области.

Окончила Одесский гидрометеорологический институт, распределилась в Архангельск, и вот уже 32 года добровольной ссылки на Севере. 17 лет – в Северном УГМС инженером-океанологом, 15 лет – ведущий эксперт в отделении соцзащиты одного из округов города. Член Российского союза писателей.

Номинация в конкурсе «Народный писатель» в 2013–2014 гг. Автор произведений: «Сказка дальних странствий», «Легенда старой крепости», «Ледоход», «За семью печатями», «Полчаса для мамы», «Про бабу Ягу».

2014 г. – номинация на премию «Писатель года».

Мы, да я, да мы с тобой!

Жил да был на свете Мух. Красивый Мух, с сиреневыми переливающимися на солнце перьями, с белоснежными крыльями, с мягкими лапками и теплыми ладошками. Мух держал путь в Дальние края, прямо туда, откуда каждое утро поднимается солнце! Каждый день Мух смотрел, как солнечный диск выныривал из морских волн и пена бурлила у самой его кромки! Тогда Мух расправлял свои белые, как горный снег, крылья и летел навстречу солнцу. «Это так здорово, когда ты можешь летать!» – думал восторженный Мух.

Дальние края казались всё ближе и ближе, и Мух улыбался счастливой улыб-

кой. Но однажды, когда он летел над Густым лесом, откуда-то снизу послышался странный звук. Звук был надрывным, всхлипывающим и таким жалобным, что Мух прервал свой полет в Дальние края и опустился вниз, на землю.

Там, внизу, под колючими ветками можжевельника сидел совсем маленький Нюх. Он был мокрым и беспомощным. Его малиновые перья вымокли, то ли от дождя, то ли от росы, и скатались в трубочки. Лапы были исцарапаны в кровь от долгого скитания по лесу, из синих с радужной поволокой глаз капали хрустально-прозрачные слезинки.

– Почему ты плачешь, маленький Нюх? – спросил Мух, усевшись на пенек.

– Мне очень страшно, – всхлипнул Нюх, робко взглянув на незнакомого Муха. – Я вымок и замерз, я хочу есть, и я совсем один здесь, в лесу...

Мух задумался.

– Знаешь, такие маленькие Нюхи, как ты, не должны гулять по лесу в одиночку! – Мух обнял Нюха и вытер теплой ладонью его слезы. – Мы с тобой построим дом! Теплый и уютный! Вот увидишь! А сейчас тебя надо накормить.

Мух принес хворосту и разжег костер. А потом насобирал полную шляпу грибов и аккуратно нанизал их на прутья. «Ничего, – думал Мух. – Дальние края могут немного подождать! А этот маленький Нюх пропадет в лесу! Его нельзя оставлять здесь одного! Я побуду тут с ним немножко. Зато, когда у него вырастут крылья, мы сможем вместе полететь в Дальние края!»

Мух ловко соорудил небольшой шалаш, устал в нем пол еловым лапником. А Нюх согрелся у костра и улыбался, робко поглядывая на хлопчущего Муха. Потом они уселись рядом, уплетая за обе щеки аппетитно прожарившиеся грибы и запивая их ароматным чаем из малиновых и земляничных листьев.

Огромная капля упала Нюху на нос. А за ней еще и еще! Мух вскочил и, смешно семеня короткими мягкими лапами, собрал вокруг ветки и соорудил навес над костром.

– Забирайся скорее в шалаш! – крикнул он Нюху. – А я сейчас воды в озере зачерпну, еще чаю заварим! Смородинового!

А потом они сидели вдвоем под еловой крышей шалаша и слушали, как дождь шуршит по ней, перебирая каждую иголочку.

– Как хорошо, когда есть дом, – Нюх прерывисто вздохнул. – И как здорово, что ты меня нашел! А куда ты летел, когда увидел меня?

– Я летел в Дальние края, туда, откуда каждое утро поднимается солнце, – задумчиво проговорил Мух, вглядываясь в темноту.

– Я помешал тебе?

– Нет! Что ты! Главное, чтобы ты смог летать, тогда мы полетим туда вместе! – Мух тихонечко погладил Нюха по малиновым перьям.

– Мух, а ты правда возьмешь меня с собой? – Глаза маленького Нюха были широко открыты, а на лице вдруг засияла улыбка. – Правда, возьмешь?

– Конечно! – Мух тоже улыбнулся в ответ. – Вдвоем всегда веселее! Надо только подождать, когда у тебя вырастут крылья.

...К первому снегу сооруженный наспех шалашик потихонечку превратился в маленький уютный домик, в котором была печка, теплая постель, два круглых окошка, осиновый столик и черный сверчок за карнизом.

Всю зиму домик спал под снегом. Мух варил суп из сушеных грибов, заваривал терпкий чай с брусничным листом. И, сидя у теплой печки, они вдвоем слушали, как скрипит снег под ногами у серого разбойника волка, как роняет шишки попрыгунья белка, как взлетает из сугроба тетерев. А еще Мух любил рассказывать сказки, а Нюх заслушивался и не замечал, как сладко засыпал. Тогда Мух укрывал его теплым пледом и, бормоча себе под нос: «Ничего, мы подождем, когда у тебя вырастут крылья...», тоже забирался в постель.

За зимой наступила весна, а за ней – лето. Мух и Нюх жили дружно. Мух подолгу пропадал в лесу, собирая мед и пыльцу, а Нюх сушил на солнышке землянику и собирал грибы. Они любили свой маленький домик, любили сидеть вечерами у костра и слушать комариный хор над озером.

– Мух, а правда, хорошо, что нас комары не кусают?

– Еще бы! Где это видано, чтобы они кусали Мухов и Нюхов?

Однажды, гуляя по лесу, они забрались на высокую гору. Мух встал на самом краю, закрыл глаза и расправил крылья.

– Мух! – испугался вдруг Нюх. – Ты улетаешь? В Дальние края, да?

Мух открыл глаза и улыбнулся:

– Нет, что ты! Я не брошу тебя одного. Я просто хочу хоть немного полетать здесь, над горой.

И Мух взмыл в воздух. Ах, как чудесно было снова очутиться в небе! Ощутить прикосновение ветра, окунуться в золотисто-солнечные облака! Однако Мух вдруг понял, что летает он уже не так легко, как раньше... Кры-

ля, все еще сильные и снежно-белые, стремительно поднимали его в воздух, но скоро Мух стал уставать. «Ничего, – подумал он. – Это потому, что я мало летаю! Скорее бы у Нюха выросли крылья! Тогда мы полетим вместе!»

– Уже совсем скоро мы отправимся с тобой в Дальние края! – уверенно сказал Мух.

– Вместе, да? – обрадовался Нюх. – Прямо туда, откуда поднимается солнце?

Домой они вернулись совсем поздно. На лиловом небосклоне золоченой россыпью зажигались звезды.

– Мух! Смотри! – насторожился Нюх. – Дверь нашего дома открыта! И свежие следы на крыльце!

– Постой здесь, – прошептал Мух. – Я взгляну, кто там. Возможно, это ёжик зашел к нам в гости!

Но вовсе не ёжик оставил незапертой дверь и сырые следы на крыльце. Крынка с молоком была почти пуста. А в дальнем углу, у самой печки, на мохнатом коврике спал совсем крошечный Ух! Он был изумрудно-зеленый, с толстыми розовыми лапками и длинными-предлинными ресницами! Выпив почти полную крынку молока, сытый и довольный, он крепко спал, положив под щеку мягкую ладошку.

– Это Ух. – Мух говорил шепотом. – Он совсем маленький и он сам пришел к нам.

– А у него тоже вырастут крылья? – так же тихо спросил Нюх.

– Обязательно вырастут!

– Тогда пусть живет с нами! – обрадовался Нюх. – Я буду с ним играть.

И снова наступила зима, а потом весна. За ними пришло лето и зашуршала дождями осень... Маленький Ух заметно подрос и смешно, словно зеленый шарик, катался по полу. Он любил играть с Нюхом, а Мух смотрел на них и думал: «Эка невидаль – Дальние края! Успею еще! Лишь бы у малышей поскорее выросли крылья!»

Однажды, когда снова наступила весна и с холмов побежали ручьи, Нюх вышел на крыльцо и радостно воскликнул:

– Мух! Смотри! Смотри, что у меня есть!

Два ослепительно-золотых крыла раскрылись за его спиной! Нюх стоял гордый и счастливый! А Мух посмотрел на него и задумчиво произнес:

– У тебя выросли прекрасные крылья, малыш! Пора!

И они снова пошли на Высокую гору.

– Вон там поднимается солнце! – сказал Мух. – Расправляй свои крылья и лети! Надо торопиться, иначе Дальние края станут еще дальше...

– А как же ты? – Нюх чуть не плакал. – Мы же хотели вместе с тобой? Ну, в Дальние края?

– Мои крылья истрепались в лесу, мне уже не подняться так высоко, – грустно сказал Мух и глубоко вздохнул. – И кроме того, я не могу оставить Уха одного, он еще совсем маленький. У каждого свои Дальние края...

– Тогда я тоже останусь здесь! – сердито сказал Нюх.

– Нет, малыш, ты должен лететь, – возразил Мух. – У тебя такие красивые и сильные крылья! Не стоит трепать их понапрасну в лесу...

– Тогда я вернусь к вам! Я только посмотрю, какие они, Дальние края?..

– Ну, конечно, мой маленький Нюх! – Мух украдкой смахнул ладошкой непрошеную слезу. – Конечно, вернешься! А мы с Ухом насушим грибов и земляники! Напечем пирогов с клюквой! Ведь ты же любишь пироги с мороженой клюквой?

– Мух... – Нюх растерянно моргнул. – Я очень люблю вас... Тебя и малыша Уха...

– Пора, Нюх, пора! – Мух встревоженно посмотрел вдаль. – Уже поднимается солнце!

Нюх встал на самый край Высокой горы и расправил свои сверкающие золотом крылья. Солнце до половины показалось из-за леса, заливая пунцовым светом макушки деревьев. Перья у Нюха тоже были алыми, как рассвет нового дня. Нюх вдохнул полной грудью свежий, пьянящий воздух и взмахнул окрепшими крыльями.

Мух стоял на краю Высокой горы и смотрел, как улетает навстречу рассвету молодой и красивый Нюх. Вдруг кто-то коснулся теплой ладошкой его руки:

– Почему ты не улетишь в Дальние края с Нюхом? – Ух с тревогой смотрел на Муха широко распахнутыми глазами. – Ведь ты всё время мечтал об этом?

Мух улыбнулся:

– Мои крылья уже ослабли и не донесут меня в Дальние края... И потом, малыш Ух, у меня есть ты! А у нас с тобой есть наш старенький домик, в котором так тепло и уютно!

– И ты не бросишь меня?

– Как же я тебя брошу? Ведь у тебя еще не выросли крылья!

– Такие же, как у Нюха?

– Не обязательно. У каждого вырастают СВОИ крылья, малыш Ух!

И они, крепко держась за руки, пошли по тропинке к своему домику.

А солнце поднималось высоко над лесом, нагревая землю, ручьи звенели всё звонче, птичий хор звучал всё громче, облака поднимались всё выше. Начинаясь новая весна, расцветал новый день, и Мух улыбнулся, глядя в глаза Уху:

– А всё не так уж плохо! Правда?

– Правда, – ответил Ух. – Только всё же жаль, что ты так и не увидишь Дальние края...

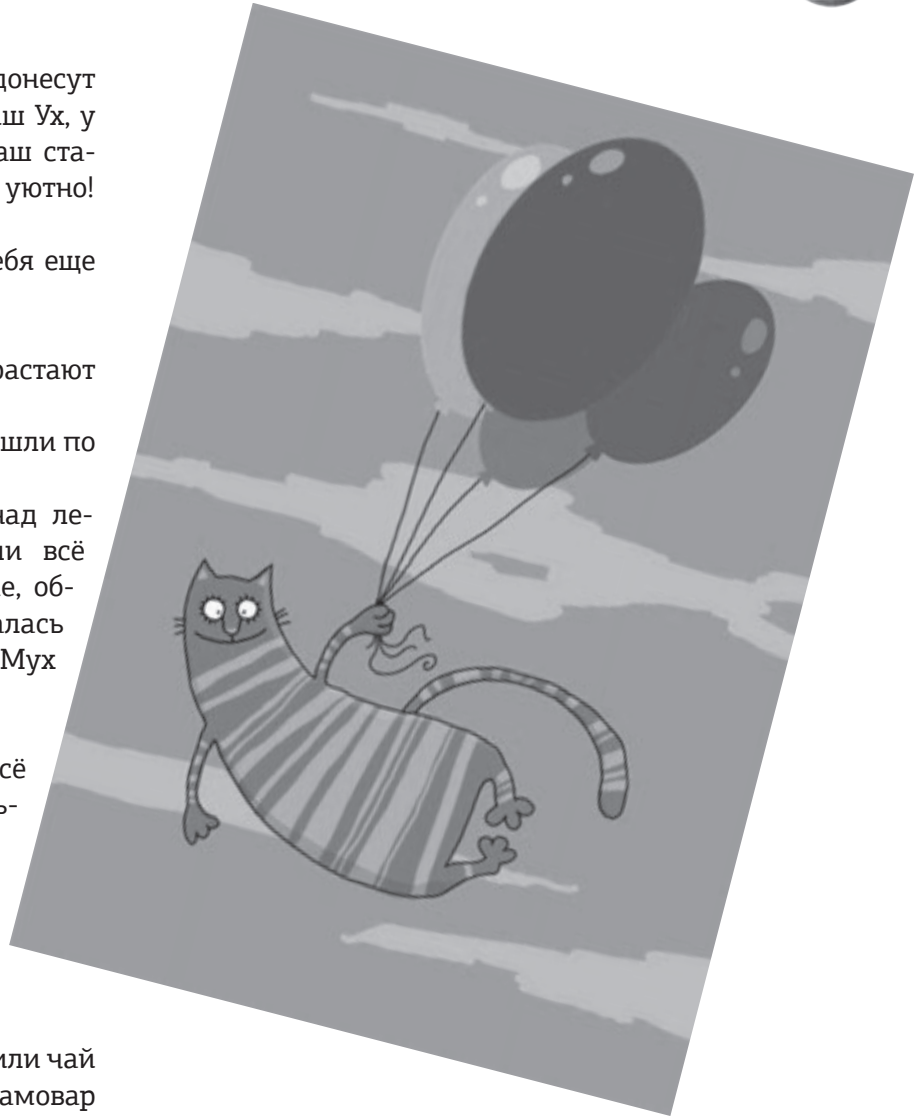
– Если бы я улетел тогда в Дальние края, вы с Нюхом замерзли бы в лесу! И у вас никогда бы не выросли крылья! А ведь это очень важно – иметь СВОИ крылья!

А потом они сидели за столом и пили чай с брусничным вареньем. Пузатый самовар пытел и отражал медным боком солнечные зайчики. А вечером Ух сладко уснул в своей постели, опустив на круглые щеки пушистые длинные ресницы. Мух укрыл его пестрым стеганым одеялом и подумал: «Дальние края, оказывается, не терпят промедления... Чуть замешкаешься – и останешься в лесу навсегда. Но ведь не это главное! Главное, чтобы у малышей вырастали крылья!»

По узкой асфальтовой дорожке в сквере шла женщина с коляской. Маленькая девочка лет пяти крепко цеплялась пальчиками за ее края.

– Нюх, не дергай коляску! Малыша разбудишь!

– Нюх? – Девочка остановилась. – Мама, почему Нюх? Какой Нюх? Это который нюхает?

Мама засмеялась:

– Вовсе нет, малыш! Ты же у меня ТаНЮХа? Значит – Нюх!

Девочка на минуту задумалась. Весеннее солнышко щекотало щеки.

– А тогда ты будешь Мух! – задорно воскликнула она.

– Мух? Почему Мух?

– Потому что маМУХа!

А потом она встала на цыпочки и заглянула в коляску:

– А он будет Ух! Потому что СашУХа!

И сияло солнце, и был новый день, и была в нем маленькая сказка!

Иллюстрация художника
Татьяны ЕМЕЛЬЯНОВОЙ

КУКУРУЗА ХРУЩЕВА И ДОЛГОЛЕТИЕ

ИНОГДА ПРОПАГАНДА В ФИЛАТЕЛИИ
ДОХОДИТ ДО КОМИЧЕСКОГО.

В 1956 году в обращение вышла почтовая марка Советского Союза, посвященная Махмуду Эйвазову, колхознику из Азербайджанской ССР. Чем примечателен этот выпуск?

Махмуд Эйвазов (1808–1960) – долгожитель села Пирасура, расположенного на высоте 2200 м над уровнем моря в Талышских горах Лерикского района Азербайджана. По официальным данным, во время всесоюзной переписи населения (начало 1959 года) Махмуду Эйвазову было сто пятьдесят лет, его трудовой стаж являлся рекордным – 135 лет. На момент выпуска марки Махмуду Эйвазову было уже сто сорок восемь лет. Однако не только этим примечательна марка. Талышский долгожитель умудрился попасть на нее дважды, с этой историей связан любопытный казус.

Первая марка была выпущена с надписью: «148-ми летний колхозник Эйвазов Мухамед Багир оглы».

После того как выяснилось, что на марке неправильно указано имя, ее срочно изъяли из употребления, поэтому среди коллекционеров это редкий экземпляр. Но оценить его можно, только положив рядом с дефектной маркой исправленный вариант, где нет наращенного «ми» и указано правильное имя седобородого старца-аксакала – Эйвазов Махмуд Багир оглы. Как пишет об этом случае коллекционер А.А. Щелоков, перепутать такие имена – это так же, как назвать Михаила Матвеем.

Такой вот вышел казус! Кстати, если внимательно рассмотреть обе марки, то слева вы увидите под номиналом «сорок копеек» кукурузный початок. Это был символ сельского хозяйства хрущевского времени. Сегодня это никого уже не удивляет, но важно другое: Эйвазов в большинстве источников указан как чабан. Он всю жизнь был пастухом, в конце жизни занимался пчеловодством. Логично было бы увидеть вместо початка кукурузы отару овец. Но, видимо, это было сделано в угоду режиму. Тогда этого никто не заметил. А сейчас становится заметным и актуальным.

Эйвазову часто задавали вопрос, что понятно, о секретах его долголетия. Так вот, Махмуд считал, что главными условиями его долголетия можно назвать закаленное тело, правильное питание, климат, здоровые нервы, хороший характер и ежедневный труд. А также, по словам долгожителя, из разных источников, он никогда не пил, не курил и не врал (!).

Часто, когда Эйвазова встречали журналисты, они замечали, что он любил посещать выставку народного хозяйства в Москве. Еще о нем рассказывали такой случай: он гулял по ВДНХ, уже в возрасте ста пятидесяти лет, и его сопровождала женщина, по виду тоже очень немолодая, и вдруг эта женщина попросила мороженого. Он возмутился, мол, можешь горло простудить, стал ее отчитывать, как маленькую девочку, оказалось, что это его дочь, которой сто двадцать лет!

Сегодня эта марка может выполнить роль агитационного плаката. Своим примером Эйвазов показывает молодому поколению, как можно прожить очень долго, но при этом не потерять дееспособность и здравый смысл. Он как будто говорит: если хотите прожить столько же, ведите здоровый образ жизни. Долгожители – это те, кто живет в экологически чистой среде, в гармонии с природой.

Любая марка – это не только визитная карточка страны, но еще и символ государства. Это пропаганда, это реклама. В советский период тоже активно занимались пропагандой здорового образа жизни. Махмуд часто встречался с пионерами, то есть, можно сказать, вел профориентационную работу с молодежью. Он показывал, как правильно ухаживать за пчелами, животными. Вот так простой чабан стал известен на весь Советский Союз.

А ведь именно долголетие стало причиной появления кукурузы на марке, это был намек на то, что кукуруза – это надолго, навсегда. Комично, но факт.

Александр Николаевич СЁМИН,
член Союза писателей России,
академик РАН

КОЗЛОВСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Расположенный на перекрестке торговых путей, Козлов вскоре после своего основания стал перевалочным пунктом разнообразных товаров. Уже в конце XVIII века современники, в частности, отмечали, что «здесь купцы и мещане торг производят сукнами, шелковыми и бумажными материями, галантерейными вещами, ситцами, кумачами, платками, золотыми, серебряными и мишурными позументами, сахаром, чаем, виноградными винами, медною, оловянною, фаянсовую, хрустальною и деревянною посудю, съестными припасами и разными мелочными товарами, а некоторые – лесными материалами, а более рогатым скотом, покупаемым в малороссийских городах, частию прогоняют на продажу в Москву, частию заготавливают в соль, а сало поставляют на свои заводы мыловаренные и свечные, а кожи – на кожевенные. Обработанное большей частию отправляют в Москву и другие города...».

В те годы в Козлове насчитывалось более 300 торговых лавок, располагавшихся в Гостином ряду, а также в домах обывателей.

К 1893 году общее число жителей города вместе с пригородными слободами достигло 34500 человек. И вновь, по оценке сотрудников губернского статистического управления, большая часть населения состояла из лиц торгового сословия, занимавшегося на постоянной основе коммерческими делами по торговле различными сельскохозяйственными продуктами, что и составляло главнейшую производственную силу Козлова.

Благодаря своему выгодному местоположению на перекрестке железнодорожных путей, соединявших Москву – Рязань, Воронеж – Ростов, Орел, Тамбов и Саратов, наш город вел не только регулярную торговлю, но и служил главным рынком для смежных уездов по сбыту производимых товаров сельскохозяйственного назначения – преимущественно хлеба

№ 16. Козловъ. Базаръ.

*Крестьянские телеги
на городском базаре*

(в том числе и на экспорт), а также мясных продуктов. Только в 1892 году на существовавших в Козлове бойнях было убито более 51

чугунолитейных завода, большой винокуренный завод, пиво- и медоваренное предприятия, паровая крупчатая мельница, соло-

В ТОМ ЖЕ ГОДУ ПО ЖЕЛЕЗНЫМ ДОРОГАМ В РАЗНЫЕ КОНЦЫ ИМПЕРИИ ИЗ ГОРОДА БЫЛО ОТПРАВЛЕНО ПОЧТИ ТРИ С ПОЛОВИНОЙ МИЛЛИОНА ПУДОВ ЗЕРНА, БОЛЕЕ 566 ТЫСЯЧ ПУДОВ МЯСА, СВЫШЕ 75 ТЫСЯЧ ПУДОВ САЛА, 43 ТЫСЯЧИ ПУДОВ КОЖ И ОКОЛО 22 МИЛЛИОНОВ КУРИНЫХ ЯИЦ, ЧТО РАВНЯЛОСЬ 149 ВАГОНАМ. КАК С ГОРДОСТЬЮ ОТМЕЧАЛИ СОВРЕМЕННОКИ, «В ГОДЫ БОЛЕЕ БЛАГОПРИЯТНЫЕ ТОРГОВЫЕ ОБОРОТЫ КОЗЛОВА БЫВАЛИ ГОРАЗДО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ И ОЖИВЛЕННЕЕ».

тысячи голов крупного рогатого скота, свыше 12 тысяч мелкого, а также 2156 свиней.

В том же году по железным дорогам в разные концы империи из города было отправлено почти три с половиной миллиона пудов зерна, более 566 тысяч пудов мяса, свыше 75 тысяч пудов сала, 43 тысячи пудов кож и около 22 миллионов куриных яиц, что равнялось 149 вагонам. Как с гордостью отмечали современники, «в годы более благоприятные торговые обороты Козлова бывали гораздо значительнее и оживленнее».

К началу XX века Козлов еще более укрепил свое торгово-промышленное значение. К этому времени здесь располагалось два

довенная, маслостоловая, табачные фабрики... Однако наибольший доход городу продолжала приносить торговля хлебом, мясом и скотом. В начале XX века на железнодорожной станции Козлова ежегодно грузилось около шести миллионов пудов различной сельскохозяйственной продукции, большая часть из которой (пять с половиной миллионов пудов) приходилась на овес, рожь и пшеницу.

Однако, преуспевая в крупных торговых операциях, ведя активную экспортную и внешнеэкономическую деятельность, Козлов имел проблемы в розничном товарообороте. Подтверждение этому мы находим в городских хрониках начала XX века. В частности, мелкие

Во дворе купцов Кожевниковых на улице Набережной

торговцы зачастую жаловались на низкую покупательную способность местного населения – никто ничего не покупает, хоть лавки закрывай!

«Вот Масленица прошла, – сетовали лавочники, – прежде, бывало, мужик накупит рыбы, масла, муки для блинов!.. Брала пудами, а не по фунтам и выбирали припас «без духа». А теперь соберутся человек десять-пятнадцать, целой ватагой ввалятся в лавку и начнут прицениваться: «Это, малый, почём? А это? Больно уж дорого? Да нет ли у тебя чего-нибудь посходнее?» – «Посходнее, – отвечаем, – есть, да уж товар не тот, немного отлежалый». – «Э, нам всё равно, мы не разборчивы, – возражают покупатели, – або рыбой звали!» Ну и купит эта артель пуд какого-нибудь сазана за два рубля. Вот тебе и торговля...»

«Тоже Пасха была, разговенье, например, – вторили мясники из гостинодворя, – а какая корысть от этого разговенья? Покупатель норовит всё или в долг, или так, кой чего собрать. Мужик в лавку, почитай, и не заходит... А если и зайдет, то лишь мослы требует. Уж на что солонина товар недорогой, а мужик и ее избегает. Она, говорит, не по карману, кушается, год, говорит, не тот...»

Неудивительно, что на рубеже веков, чтобы выжить, козловские торговцы пускались

на разного рода махинации. Подтверждением этому может служить вот такой весьма примечательный диалог.

– Бакалейная торговля теперь, конечно, в убыток, – говорил пожилой уже купчик.

– Да, ведь торгуете же, – слегка возражал ему другой, должно быть, не принадлежавший к бакалейному толку.

– Мало ли что торгуем!.. Так и торгуем...

– А как?

– А тебе рассказать? К примеру, возьмем сахар. Ценой в нем ты не получишь ничего, потому что цены сбиты везде и приведены к одной точке: и у тебя сахар 15 али 16 копеек за фунт, и у меня, и у третьего, десятого, у всех. Даже полкопейкой дороже продать нельзя, а если кому и продашь, то только раз, вдругорядь же его не заманишь калачом... Нынче покупатель язвительный – он норовит и купить, и выворотить тебя наизнанку... Что же теперь делать? Остается одно – выносить его в подвал, где прохладнее и посырее. Полежит он там несколько деньков, глядь – голова весит уже не 20 али 30 фунтов, а на два с залишками фунтика поболее... Вот и смекай, сколько это прибыли на пуд. Шесть гривен? Это и есть вся наша прибыль...

Неудивительно, что современники с грустью отмечали: «Люди минувшего были ме-

нее культурными и более патриархальными. Сколь-либо образованных было очень мало, особенно среди купечества. Несмотря на это, наши предшественники были менее эгоистичны, не так жадны, более честны, правдивы и отзывчивы к нуждам окружающих. Они считали за честь служить не из-за наград и почестей, а на пользу общественным интересам. Честь и доброе имя ценились тогда очень высоко,

вознамерилась выработать постановление о торговле, а также о праздничном отдыхе.

Согласно документу, торговый день был определен в 12 часов зимой (с 1 октября по 1 марта) – с 8 часов утра до 8 часов вечера, а летом (с 1 апреля по 1 октября) с 7 часов утра до 7 часов вечера.

Что же касается праздничного отдыха, то по местным условиям комиссия нашла нуж-

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ БЫЛИ МЕНЕЕ ЭГОИСТИЧНЫ, НЕ ТАК ЖАДНЫ, БОЛЕЕ ЧЕСТНЫ, ПРАВДИВЫ И ОТЗЫВЧИВЫ К НУЖДАМ ОКРУЖАЮЩИХ. ОНИ СЧИТАЛИ ЗА ЧЕСТЬ СЛУЖИТЬ НЕ ИЗ-ЗА НАГРАД И ПОЧЕСТЕЙ, А НА ПОЛЬЗУ ОБЩЕСТВЕННЫМ ИНТЕРЕСАМ. ЧЕСТЬ И ДОБРОЕ ИМЯ ЦЕНИЛИСЬ ТОГДА ОЧЕНЬ ВЫСОКО, ПОЭТОМУ НЕУДИВИТЕЛЬНО, ЧТО МНОГИЕ КРУПНЫЕ СДЕЛКИ СОВЕРШАЛИСЬ БЕЗ ДОКУМЕНТОВ, А НА ОДНОМ ЛИШЬ ЧЕСТНОМ СЛОВЕ И НАДО ЗАМЕТИТЬ, ЧТО ОБМАНОВ И БАНКРОТСТВ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ БЫЛО...

поэтому неудивительно, что многие крупные сделки совершались без документов, а на одном лишь честном слове, и надо заметить, что обманов и банкротств практически не было...»

Судя по публикациям прошлых веков, одной из главных бед местной торговли считались обвесы. Борьба с расточенными гириками силами базарных смотрителей и полицейских чинов, командированных городской управой на рынок, велась с переменным успехом. Однако деятельность этой комиссии всегда встречала среди покупателей симпатию и поддержку. Как правило, прибытие муниципальных контролеров в Гостиный двор сопровождалось скоплением толпы человек в тридцать. С напряженным вниманием публика следила за тем, как члены комиссии проверяли весы и гири. «А ушки-то ломать будут?» – вопрошали в толпе. «Коли потребуется, знамо – будут», – отвечали те, которые считали себя наиболее в курсе дел.

До начала XX века торговля в многочисленных городских лавках велась, судя по всему, хаотично. Лишь в начале прошлого века этот наиглавнейший местный промысел стал обретать черты организованности. Способствовала тому деятельность специальной комиссии из 18 человек, представлявших городскую Думу, купечество и служащих торгово-промышленных предприятий, которая

ным прекращать торговлю в течение двух дней Рождества, трех дней Пасхи, в Троицу и Духов день, 29 октября, пока не окончится крестный ход (в память прекращения холеры), и в день встречи иконы Вышенской Казанской Божией Матери с 4 часов вечера. Согласно опубликованным материалам, в тот раз поступали предложения о закрытии торговли в Новый год, 1 мая (праздник рабочих) и 17 октября*, но их отвергли. Зато в праздничные дни в разнос разрешили торговать газетами и журналами, а также допустили торговлю мясом и хлебом, но лишь по два часа в день. Для трактиров, где кипучая торговля наступала после закрытия лавок и магазинов, был установлен 15-часовой рабочий день. Необходимость столь продолжительного рабочего времени объяснялась совершением в них хлебных и иных сделок, а также установлением на продукты цен. Полноценная биржа появилась в Козлове лишь в 1909 году...

Михаил БЕЛЫХ,
член Союза писателей России

* До Октябрьской революции в этот день, начиная с 1888 года, в России отмечали день чудесного избавления царской фамилии во время крушения императорского поезда близ станции Борки Курско-Харьковско-Азовской железной дороги.

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Анатолий ТРУБА

ДИТЯ ПОЖАРА

Глубокая ночь. Завывание метели заглушало все звуки в округе. Снег заносил дом, расположенный в середине большого, растянувшегося вдоль речки села. Дом был добротный и выделялся на улице. В нем было тихо, слышно как посапывали дети, и только в люльке, подвешенной к потолку, тревожно вертелся младенец.

Бесшумно к дому подошел человек. Снег быстро заметал свежие следы, оставленные секунду назад на стезжке. Обойдя дом со стороны огорода, неизвестный плеснул на дверь, ведущую во двор, жидкость и, чиркнув спичкой, поджег керосин. Пламя пробежало по сухому дереву.

Человек перебрался к стоящему по соседству дому и, спрятавшись в тени дровницы, стал наблюдать за происходящим.

Метель стала сильнее, незнакомец с облегчением заметил, как исчезают его следы, оставленные на снегу.

Прошло минут двадцать. К этому времени полыхала вся пристройка к дому, выходящая во двор. Начавший замерзать человек проявлял беспокойство. Его мучили мысли: «Почему люди в доме молчат? Что происходит?» Убийство не входило в его планы. Он же оставил свободным выход на улицу.

В это время в горящем доме что-то стукнуло, раздались крики, женское причитание, и в открывшуюся на улицу дверь стали выбегать полураздетые люди. Их было много, больше десятка. Сбившись в кучу, взрослые и дети несколько минут стояли в оцепенении. В дверях показалась старая женщина, еле передвигающаяся с помощью палки.

Начала гореть основная часть дома. Заmeshательство погорельцев продолжалось недолго, и высокий седовласый мужчина, взяв руководство на себя, начал раздавать команды. Все слушались его беспрекословно.

Кто-то побежал бить в набат. Дети побежали по соседям, а взрослые принялись искать подручные средства для тушения пожара. Все были заняты делом.

В это время стоявшему в тени дровницы мужчине почудился детский плач. Он стряхнул с себя это наваждение и продолжил наблюдать за происходящим на пожаре.

Люди бегали, кричали. Выстроилась цепочка от колодца к горящему дому. Ветер повернулся от пожарища к соседнему дому, где прятался человек, и плач ребенка раздался более отчетливо.

«Нет, не почудилось, – испугался человек, – Что же они, не слышат? Грех-то какой».

Поджигатель запаниковал. Начала гореть крыша. Люди были заняты тушением пожара, и никто не слышал, как плачет ребенок.

Нервы не выдержали, и мужчина бросился к горящей избе.

– Куда, малахольный? – услышал он окрик, но был уже в охваченном огнем доме.

В это время заскрипела балка, и рухнула часть крыши.

Сквозь дым мужчина увидел, как горит люлька, подвешенная на балку в середине комнаты. Младенец кричал. На улице начала голосить женщина:

– Коленька, родимый, сынок!

Времени на размышление не было, и человек, схватив люльку за пока еще не горящий край, выкинул ее в разбитое окно. Самому идти сил уже не было, и, с трудом дойдя до двери дома, мужчина рухнул на пороге.

Сквозь помутившееся сознание поджигатель услышал:

– Вот он, тащи его быстрее, ребята!

Очнулся человек уже на снегу. Рядом с ним стояла плачущая женщина, держащая на руках ребенка, который был завернут в шерстяное стеганое одеяло, обгоревшее с концов.

– Жив? – испуганно спросила женщина. – Спасибо вам за сына, Коленьку. Сколько ругались с вами, а вы вон что для нас сделали.

Мужчина поднялся и, немного пошатываясь, молча побрел к своему дому.

А идущая за человеком женщина продолжала:

– Непутевая я, только вы да одеялко это спасли сыночка.

Махнув рукой, мужчина перелез через низкий плетень и скрылся в своей низенькой избе.

Женщина же перекрестила ушедшего соседа, перекрестилась сама и, прижав к груди чему-то улыбающегося сына, побрела к договаривающему дому.

Вокруг пожара молча стояли люди и с кротостью, покорные Божьей воле, смотрели на огонь.

* * *

По улице в сторону величественно возвышающегося над селом храма двигалась траурная процессия. Впереди шли два человека, неся гроб на головах, что считалось большим уважением к покойнику.

Вереница людей, следующая за гробом, была многочисленна. Позади всех на телеге ехал маленький Коля. Ему только исполнилось пять лет, и он с грустью смотрел по сторонам, не понимая всего происходящего, но поддавшись общему настроению.

Все шли налегке, стоял май. Месяц выдался жарким, природа буйствовала, и от этого мальчику становилось еще тоскливее, так как покойной была его прабабушка.

Мужчины, несшие гроб, были его дедушка и дядя, которого все называли Ваня Большой. Дед всегда с большим почтением и уважением относился к своей матери. Старался привезти ей каких-нибудь гостинцев. Прабабушка же прятала эти гостинцы в амбаре.

Временами она звала:

– Детки, детки, проводите меня в амбар.

Коля всегда помнил ее слепой, зрячей не видел. В амбаре она оделяла детей разными гостинцами. Чаще всего это были баранки или конфеты.

Николка был младшим, тринадцатым ребенком в семье, едва не погибшим при пожаре, и по этой причине прабабушка старалась, чтобы побольше лакомств досталось ему. Сама она никогда не ела сахара. Было ей семьдесят шесть лет, но у нее все зубы были здоровые. Она никогда не жаловалась, что они болели.

Дойдя до церкви, похоронная процессия вошла вовнутрь, где началась панихида. Пожилой священник читал молитвы.

Выйдя из церкви, люди направились в сторону кладбища, находившегося в двадцати минутах ходьбы от храма.

– Всю жизнь она трудилась, несмотря на то, что слепой была. – Услышал маленький Коля тихий голос своей тетки, переговаривающейся с идущими рядом женщинами. – Веретеном так шерсть пряла, так ровно, что вся родня просила ее натячь шерсть на варежки. Так она это могла сделать. Кажется, вроде веретено крутится медленно, а оказывается, очень быстро.

– А помнишь, как после пожара она разбирала обгоревшие холсты? – поддержала разговор другая тетка. – Сколько их было? Больше сотни, наверное. А перед смертью, как знала, всем внукам и правнукам подарила по сделанному ею самой полотенцу.

Сердце мальчика сжалось от воспоминания, как прабабушка протянула ему красиво расшитое полотенце.

Четверть века после этого Николай пользовался этим полотенцем, таким прочным был льняной материал, сделанный своими руками. В полотенце были вплетены подкрашенные нитки, образующие замысловатые кружева. Что интересно – чем изделие больше стиралось, тем оно становилось нежнее.

– Особые люди, со своим жизненным укладом, – подытожила тетка, начавшая разговор. – Всё понимали одним взглядом. Вот у кого нужно учиться, как жить и как вести себя, хотя была совершенно неграмотной, но пронизанной жизненной мудростью, что передавалась из поколения в поколение.

* * *

Спустя два года дед взял маленького Колю в поле, на работы.

– Управишься с лошадей? – с улыбкой спросил дед.

– Конечно, справлюсь, – по-деловому ответил мальчик, – дома-то верхом садился.

– Дальше двора лошадь не уйдет, – с сомнением отметил дед. – Там ей управлять не нужно, а здесь надо руководить.

– Я еще и по огороду ездил, – дерзко ответил мальчуган.

Подсадив внука верхом на лошадь, дед отошел в сторону и стал наблюдать. Коля ехал и сам управлял лошадей. Гордо смотрел он по сторонам. Эту коняшку он сильно любил. Она была очень умная и отличалась спокойным нравом.

Всего же в хозяйстве было две лошади, обе кобылицы, от которых были жеребята. С жеребятами дети были очень дружны. Они часто резвились вместе, что доставляло малышне большое удовольствие. А зимой жеребят запрягали в салазки и с большим наслаждением ехали от риги до двора. Иногда возили на них корм во двор.

Не было случая, чтобы жеребенок ударил ребенка, даже случайно. Все дети старались чем-либо угостить жеребенчиков, чаще хлебом с солью, а они так привыкли к этому, что бежали на зов.

Вот с таким «богатым» жизненным опытом общения с лошадьми и бороновал посевы на кобыле важный Коля. Проехали один круг, второй. И вдруг лошадь споткнулась, и мальчуган полетел через ее голову на землю.

– Ушибся? Или не сильно? – спросил дед, успокоившись, что мальчик не разбился.

– Не больно, – пропищал внук, хотя были ободраны локти и лицо.

Несмотря на произошедшее, дед снова посадил ребенка на лошадь и направил бороновать. Наученный горьким опытом, мальчик вцепился в гриву лошади и не отпускал ее до тех пор, пока не забороновал вверенный ему клочок земли. После этого маленький Николай каждое лето работал в поле.

* * *

Спустя полгода, сидя за ужином, отец сказал Коле:

– Пора приобщаться к серьезному делу. Поедешь со мной в Шацк, привезем с тобой, сынок, яйца.

Гордость заиграла в мальчике – его берут в настоящее путешествие!

Отец ездил по деревням и скупал куриные яйца, которые сдавал местным купцам Филатовым. Они содержали склад, расположенный в центре села, и занимались торговлей, продавая даже за границу. В селе этим промыслом

занимались многие. Работа эта была летняя, с мая по сентябрь, и являлась большим подспорьем в большой крестьянской семье.

Другим видом семейного дохода было то, что дед ездил с сыном купца Чермошенцева покупать свиней. Напротив вновь отстроенного после пожара дома жил купец Михаил Сидорович Чермошенцев, он торговал свиной. На принадлежащей ему бойне готовили различные мясные изделия, и всё это отправлялось в Москву. Сын купца любил выпить, дед же не пил, но хорошо разбирался в мясе. Купец оценил смекалку деда и спокойно доверял ему сына. Таким образом, деду перепадали заработки, а при массовом забое кое-какие отходы попадали на стол в семью.

Это была первая отлучка из дома, до восьми лет ребенок ни разу не покидал родного села, а здесь такая далекая поездка. Ехали они три дня до города Шацка и три дня обратно. Новые села, новые люди – всё откладывалось в памяти мальчика.

Коля старался запомнить всё: дома, мосты, церкви, вообще всё, что попадалось на глаза.

Когда ехали по дороге, Коля мечтал, как приедет в город и будет смотреть на его диковинные здания, людей. Но всё оказалось не так. Приехав на окраину, мальчик стал помогать отцу укладывать яйца на воз. За день уложили два воза, как подсчитал отец, это около четырнадцати тысяч яиц.

На второй день выехали домой тем же путем. Поразило Колю то, как на окраине села Сарай пьяный мужик бил свою жену и как она громко кричала. Такого в его семье никогда не было.

Вот и всё, что запомнил маленький мальчик о своем первом большом путешествии.

* * *

Через год маленький Коля отправился в свое второе путешествие. Вместе с отцом и группой мужчин с возами, полными яиц, они отправились в город Козлов.

Склад располагался на улице Набережной, и в этот раз мальчику наконец-то удалось увидеть город. К восьми годам Коля увидел в своей жизни намного больше, чем его сверстники в селе.

А запомнилась эта поездка тем, что в селе Хоботово во время ночевки на постоялом дворе мальчик потерял фуражку. Взамен ему дали красный платок, которого он стеснялся. В нем он и приехал домой.

После этого было много поездок, в которые Колю брал его дед. Он занимался мелкой покупкой свиней, коров и иногда лошадей. Через неделю, иногда больше, эти животные перепродавались с небольшой прибылью, что давало возможность семье жить более-менее сносно.

Насытившись новыми впечатлениями, мальчик обычно спал в шарабане, в котором дед ездил по торговым делам. Новые города и села уже не так интересовали Колю, как первая поездка с отцом.

* * *

В России до революции крестьянских детей принимали в школу с девяти лет. К этому времени ребенок, а скорее маленький мужичок, уже знал, что такое сельское хозяйство и крестьянский труд.

Пошел в школу и девятилетний Николка. Год пролетел очень быстро, и наступила пора экзаменов. Экзамены сдавались каждый год, учившиеся плохо оставались на второй год. Этого очень боялся ребенок, но все прошло гладко, и Коля экзамен выдержал.

Учеба во втором классе показалась мальчику более интересной, он быстро осваивал предметы и не заметил, как наступили зимние каникулы. Беда пришла неожиданно в виде эпидемии сыпного тифа. Школу закрыли, и ребенок оказался не у дел. Но положение справили с помощью многочисленной родни.

Дело в том, что два родных дяди Коли работали учителями в селе Зеленовка Подгоренской волости. Чтобы не пропадал год, отец отвез мальчика учиться в Зеленовскую земскую школу, где Николка и проучился до конца учебного года.

Шел 1914 год, дядя Никифор, работавший учителем, был призван в солдаты. Проводы в армию врезались в память мальчика. Он вернулся домой, в родное село, и пошел учиться вместе со своим классом. Обида захлестывала ребенка. Получилось

так, что, окончив второй класс, он как бы остался во втором.

Но прошло время, и мальчик понял, что учился в Зеленовке не зря. Коля был сильнее подготовлен, учился лучше других и свободно сдал экзамен в третий класс Иловой-Дмитриевской земской школы.

Влюбленными глазами смотрели дети на своего учителя Николая Леонтьевича Восстрикова. Его называли действительно народным учителем. Эрудированный и всепонимающий, он был недостижимым примером для сельских школяров.

Во время учебы сельским ребятишкам приходилось ездить на работы в поле. Вот и Коля пришел на учебу после каникул в третий класс, пропустив десять дней занятий. Он и стыдно ему было перед учителем, но Николай Леонтьевич поддержал ученика и помог наверстать пропущенное.

Незаметно пролетел и третий год учебы, и Николай поступил учиться в Иловой-Дмитриевское двухклассное училище. Так называлась школа, где были четвертый и пятый классы.

Юного ученика встретил учитель Василий Константинович Аброскин, который был к тому же заведующим школой. В рамках своего времени он был чрезвычайно образованным учителем, получившим образование в учительском институте, что довольно редко встречалось в селе. Вот такой человек провел мальчика в класс и, объяснив порядок поведения в школе, посадил Николая за парту.

Программа была довольно обширной. Изучали физику, арифметику, грамматику, естествознание, химию и биологию. Нагрузка была большой, по пять-шесть уроков в день. После каждого урока десятиминутный перерыв.

Но в школе Николаю нравилось, гораздо труднее было учить заданное на дом. Задавали много, а семья большая, помимо него в школе училось семь детей, и всем надо что-то написать, решить задачи. Да и лампа была одна на всех. В хате постоянно стояли шум и гам.

Ребятишки приходили из школы, когда на улице было уже темно. В доме же зимой было темно практически всегда, окна покрыты льдом, да еще наполовину закрыты соломой, что делалось для удержания тепла, по

этой причине и при дневном свете ничего не было видно. Всё приходилось делать при свете керосиновой лампы.

* * *

В тот день Николай пришел в школу как обычно. Разложил школьные принадлежности, стал терпеливо ждать, когда начнется урок. Вокруг бегали и играли дети. В классе стоял шум, но ему было не до игр. Вчерашним вечером он вместе с отцом вычистил коровник, убрал у лошадей, и сейчас единственным желанием мальчика было немного поспать.

Учитель задерживался, что было для него необычно. Шум в классе нарастал, юные школяры совсем расшалились.

В это время в класс влетел взволнованный учитель – это очень поразило всех, так как обычно Василий Константинович ходил очень медленно и степенно. Ученики замерли на местах и испуганно стали рассаживаться по своим местам.

Остановившись перед учительским столом, Аброскин обвел взглядом весь класс. Многие поежились под этим взглядом.

– Сегодня великий день, дети. Запомните его, – начал Василий Константинович. – В Петрограде произошла революция, и все вы теперь граждане Свободной России.

В классе стояла гробовая тишина. Все ждали, что будет дальше.

– Отныне отменяются все сословия. Все равны, – продолжил учитель. – Но самое главное – то, что нет больше царя. Сегодня все свободны и можете идти по домам.

Ученики, притихшие, стали выходить из школы. Сбивались в кучки и обсуждали новость, услышанную от учителя. Николай же шел один, ему было всё равно, что сказал Василий Константинович, он не понимал происходящего, и единственным его желанием было выспаться в этот день.

Придя домой, мальчик увидел, как взрослые собрались за столом и обсуждали новость, которую принесли из школы дети, братья, вернувшиеся раньше Коли. Родители разговаривали тихо, испуганно, и под их разговор подросток заснул, согрившись на теплой печке.

Дальше жизнь пошла как обычно – школа, помощь по дому, но постепенно политические изменения в стране дошли и до села, ввязывая в свой круговорот всё новых и новых людей.

Особенно жители села активизировались с приходом весны. Наступило смутное время. Кто был грамотный – читал газеты, священники проповедовали свое, учитель в школе провозглашал свободы и нахваливал Временное правительство, люди же слушали и разносили сплетни по домам. Власти в селе не стало, и по этой причине большинство пользовалось противоречивыми и неверными слухами.

В начале апреля в соседнем селе было организовано какое-то волостное правление, в которое вошел и учитель Василий Константинович Аброскин. Правда, оно не имело ничего, кроме стола, за которым сидели члены правления. Так образовалась первая власть. Начались новые веяния.

Николай же и другие дети учились в школе, готовились к сдаче экзаменов, приносили домой новости. На Базарной площади села стали появляться различные ораторы, собирающие толпы крестьян, а позднее представители различных партий и политических течений – кто за новую власть, кто за «подновления».

Коля успешно сдал экзамены в пятый класс, считая себя достаточно грамотным человеком, начал читать газеты. Хотя их выписывали только три человека. Несмотря на то, что в селе работало три школы, неграмотных было очень много, особенно среди женщин.

Запомнились мальчику нападки, которые были со стороны новой власти на изучение в школах Закона Божьего, но священник продолжал ходить и учить детей, хотя многие школяры перестали его слушать.

* * *

В ноябре в село пришла новость об Октябрьской революции. Это известие восприняли все спокойно. Власть в волости оставалась прежней, школы работали. В дополнение к существующей власти в селе были созданы ячейки комитетов бедноты.

Николай не понимал, в чем заключается их работа. По селу ходило много слухов о бес-

чинствах комбедовцев. Ученики же говорили о том, что члены комитетов брали баранов у тех, у кого больше десятка, варили их и ели, забирали самогонку, отчего постоянно веселились, но в добровольцы на фронт не записывались.

В школе же весной 1918 года был отменен Закон Божий, а вместо него учеников стали водить на станцию, где останавливались поезда, идущие на фронт. Коля читал различные лозунги: «Война до победного конца!», «Долой войну!», «Война за свободу!» и другие. Вообще все говорили по-разному.

Николай слушал, как выступали крестьяне, купцы, солдаты, офицеры. Он мало что понимал в этих выступлениях. С железнодорожных платформ кричали представители различных политических течений, но толком никто не знал, что из себя представляет та или иная партия.

Землю отобрали у помещиков без всякого выкупа. Вот этот лозунг принимался безоговорочно и всеми, даже теми, кто ее не пахал. Крестьянским богатством всегда считалась земля. Летом 1918 года Николай вместе со всем селом убирал помещичьи земли. После убранного урожая молотили, а зерно сдавали государству. Молотили и веяли крестьяне на своих лошадях. Всё было убрано в срок и тщательно. Крестьянин знал цену своему труду.

* * *

Уборочная страда закончилась, и Николай был отправлен в село Новобогоявленское, к своему дяде, работавшему учителем, чтобы тот подготовил юношу для поступления в гимназию. У дяди будущий гимназист прожил два месяца, за которые он кое-что повторил из того, что изучил в школе. Каждую субботу Коля уходил домой, а утром в понедельник шел в Новики, так по-народному называлось село Новобогоявленское.

В силу занятости заниматься с мальчиком дядя поручил своей жене Екатерине Ивановне, но она мало уделяла ему внимания. Возможно, она сама вряд ли знала больше, чем Коля, так как окончила епархиальное училище, а это в дореволюционной России было в пределах семилетки. В училище больше внимания уде-

лялось молитвам и различным рукоделиям, а познания в точных науках были слабыми. Выпускники таких училищ назывались «пархалками», вот они и порхали, готовясь стать женами духовных лиц. Но в то время и это образование считалось хорошим. Кто же был посостоятельнее, обучали детей в гимназиях, что давало возможность поступить в институт или другое высшее учебное заведение.

В родном селе Николая не было ни одного человека с высшим образованием. Жил один юрист – мировой судья Куликов, которого все считали за энциклопедиста. Так и говорили, что энциклопедия на ножках идет. Куликов был с гладко выбритой головой, и Колин дед говорил, что его черти облизали, и поэтому у него не растут волосы. С этим мировым судьей Николай встречался позднее, в городе Козлове в 1924 году, когда учился в школе № 3 в 9-м классе, или, как тогда называлось, в пятом классе второй ступени. Куликов же работал учителем в школе второй ступени, так назывались средние школы. Учителя же в большинстве своем были со средним образованием.

* * *

Осенью 1918 года в селе Иловай-Дмитриевское произошло страшное событие, воспоминания о котором всю жизнь сопровождали Николая и которое имело свое продолжение во время Великой Отечественной войны.

В селе была убита семья по прозвищу Зайцевы. Муж был убит сразу выстрелом в голову, а жена прожила два дня.

Зайцевы имели лавочку и вели мелочную торговлю. В то время комбедовцы искали у состоятельных людей золото. За день до ограбления у Зайцевых проводился обыск, в котором принимали участие и солдаты из заградительного отряда, стоявшего на станции Хоботово. В тот день ничего не нашли, кроме ящика серебра мелочью, а на следующий день произошел грабеж с убийством.

Умиравшая женщина рассказала, что в обыске накануне принимали участие четыре человека, и назвала людей.

Коля увидел, что такое самосуд. Обвиненных людей били всем селом. Люди стали как

звери, доведенные до отчаяния беззаконием, и ничто не могло их остановить. Не дай бог видеть это зрелище! Двое солдат были убиты на месте расправы, один остался жив, но с обезображенным лицом. Оставшийся жить истерзанный мужчина кричал, что не убивал и не причастен к убийству, но никто его не слушал и тем более не верил.

Раненая женщина умерла на другой день, а самосуды прокатились тогда по всей России. Старые законы отменили, новых еще не было, и людям ничего не оставалось, как вершить суд самим и расправляться с бандитами своими силами, зачастую несправедливо.

1944 год, Восточная Германия. В небольшом лесу скрывается группа бежавших из лагеря военнопленных. Люди измотаны, несколько человек ранено, один очень тяжело.

– Как тебя зовут, браток? – спросил раненый прислонившегося спиной к дереву солдата. – Не земляки часом? Я из-под Пензы. – Раненый тяжело задышал, каждое слово ему давалось с трудом.

– Тамбовский я, Николаем Семеновичем зовут, – ответил мужчина средних лет.

– Тамбовски-и-ий, – протянул раненый, – был я в ваших краях.

Наступила пауза, каждый думал о своем, и тут раненый задал вопрос, от которого собеседник вздрогнул:

– А не слышал ли ты о таком происшествии, когда убили мужа и жену, а после забили самосудом троих?

Николай Семенович молчал и внимательно слушал говорившего.

– Так вот, их убили совершенно напрасно, – как бы сам с собой разговаривал раненый. – В этом убийстве виноваты мы, четыре человека, в том числе и я.

– Я из этого села, – ответил Николай Петрович. – Ребенком видел, как убивают троих обвиненных в разбое.

Раненый заерзал, задышал тяжелее и направил свой взор в звездное небо. Пораженный Николай ждал, что будет дальше.

– Я дал клятву, что, если останусь жив, то покаюсь кому-нибудь, кто знает об этом, – после пятиминутной паузы начал свое показание умирающий.

– Теперь я буду спокойно умирать. Уже не ожидал я, что провидение пошлет мне того, кому смогу покаяться в своем преступлении.

Человек стал дышать спокойнее, и Николаю показалось, что умирающий улыбнулся:

– Это преступление всю жизнь тяготит меня. Я несколько раз приезжал на станцию Хоботово, но дальше поехать не мог. Я опасался, как бы со мною так же не расправились. Ведь я был участником смерти пяти человек. Часто они мне снились, и я кричал, ночью вскакивал. Иногда хотел покончить с собой, но совесть говорила, что я не раскаялся. Это меня держало. И я искал возможность кому-либо излить свою душу, этим облегчить свою кошмарную жизнь. Об этом я не говорил ни детям, ни матери.

Умирающий закончил исповедь и замолчал.

Утром Николай Петрович стоял у небольшого холмика земли и думал: «Вот такие бывают встречи через четверть века».

Долго размышлять ему не дали, и небольшой отряд направился на восток в сторону линии фронта.

* * *

Осенью 1918 года в село Иловай-Дмитриевское пришла новость о том, что в городе Козлове организована народная гимназия, куда можно было поступить из пятого класса без экзаменов.

Николай вернулся домой, помогал родителям по хозяйству. В конце сентября дядя Ваня Большой повез его в город Козлов. Он уже знал этот город. Здание гимназии располагалось рядом с железнодорожным вокзалом.

В день приезда Коля встретил Федора Гусева и Ивана Шальнева, своих односельчан, учившихся в сельской школе в старшем классе и приехавших поступать в народную гимназию. Мальчик был удивлен, как много его земляков приехало поступать в это учебное заведение.

Ждало Николая здесь и первое разочарование. Он планировал, что будет принят в первую группу второй ступени, но в сельской школе не преподавали никаких иностранных языков, а необходимо было читать и писать

по-немецки и французски. Где деревенским ребятам можно было выучить эти языки?

Было еще обиднее то, что во вторую ступень был принят Федор Гусев, тоже не знавший иностранных языков, да и в сельской школе учившийся намного хуже других ребят.

В целом же общая подготовка у Николая была хорошая и для второй ступени, но он был определен в последний класс первой ступени. Из одного села в классе училось трое: Коля, Андрей Гусев и Вася Сеславинский.

Юноша поселился на одной квартире вместе с Васей Сеславинским на улице Соборной. Каждую неделю приходилось ездить домой за продуктами, уезжали в субботу и приезжали в воскресенье. В городе было плохо с питанием, не было никакой торговли. Хлеб выдавался по карточкам, а сельские ребяташки привозили еду из дома и питались лучше городских. Ребята отдавали продукты хозяйке, и она готовила им отдельно.

В декабре к ребятам поселился еще один земляк – Григорий Филатов, учившийся в коммерческом училище, переименованном к тому времени в школу второй ступени.

Так Николай и проучился до зимних каникул, на которых приехал домой и в Козлов больше не поехал, гимназию закрыли. Это было связано с эпидемией сыпного тифа, да и отапливать здание было нечем.

Еще полгода прошли для юноша впустую, и по поводу этого он очень сильно переживал.

* * *

Наступил 1919 год, пожалуй, самый тяжелый год за всю короткую жизнь Николая. Учиться было негде, и он остался дома. По этой же причине более десятка его сверстников остались в селе.

Ребята стали собираться вечерами и совместно читать книги и газеты, часто время проводили в спорах. Сам собой организовался кружок по самообразованию. Видя рвение молодежи к учебе, к ним присоединились учителя, которые стали вести занятия по математике и русскому языку. Вначале это были учителя сельской школы: Николай Леонтьевич Востриков, Василий Константинович Аброскин, присланная из Козлова Юлия Ивановна.

Юноши и девушки из этого кружка впоследствии поступили на рабфак или же продолжили учебу в средней школе. Сам кружок сыграл большую роль в процессе образования молодежи села Иловай-Дмитриевское. Так в 1925 году из этих «кружковцев» выехали из села сразу пятнадцать человек поступать в институты и университеты, успешно учились и получили высшее образование. Многие тогда потянулись учиться.

* * *

В 1920 году Николай стал ходить на учебу в Богоявленскую школу. В это время руководил этой школой бывший директор Раненбургской гимназии. Вся школа помещалась в бывшей железнодорожной начальной школе. В здании было три классных комнаты. Ученики учились через день.

Из села Иловай-Дмитриевское Коля учился один, приходилось ходить пешком до Богоявленска, а это семь километров. Это сильно тяготило юношу, к тому же учился он неважно, для этой школы у него была слабая подготовка. Все учителя были с высшим образованием, большинство учащихся были бывшими гимназистами и знали иностранные языки, особенно хорошо владели французским.

Николаю пришлось здесь по-настоящему тяжело – с уроками он справлялся с трудом, а иностранные языки совсем ему не давались. Так с трудом и проучился он до 1922 года, в котором некоторые ученики перешли учиться в железнодорожный техникум города Саратова, называемый тогда политехникумом, но как слабо подготовленный, юноша был вынужден вновь поехать учиться в город Козлов, где был принят в школу № 2 второй ступени. Языкам здесь придавалось меньше значения, и Коля был принят сразу в четвертый класс второй ступени, который успешно окончил весной 1923 года.

* * *

Начало нового, 1923 учебного года был ознаменован открытием в городе Козлове школы № 3, куда и перевелся Николай. Большин-

ство учеников в этой школе были дети крестьян и духовенства. Обстановка была очень либеральной, и учителя были лояльно настроены по отношению к «деревенщине». Все учителя старались помочь плохо подготовленным детям освоить предмет.

Заведовал школой Александр Константинович Романовский, учитель словесности, окончивший духовную академию, но вместо пути священника выбравший путь учителя. Это был Учитель в полном смысле слова, который не только хорошо знал свой предмет, но и наставлял молодые души.

Примером же для подражания для Николая стал Петр Александрович Добронравов – народный учитель и революционер-подпольщик, эсер. Много лет провел он в ссылке. Во время революционных праздников его всё время сажали в тюрьму, у которой его поджидали его же ученики. По окончании праздников, прямо из тюрьмы, Петр Александрович шел в школу вместе со своими ребятами. Шли прямо посреди улицы, и это напоминало демонстрацию. Во время его уроков в классе стояла гробовая тишина.

Добронравов никогда не имел конспекта, так как досконально знал свой предмет, а читал он физику и математику. Разъяснял так хорошо, что всем было ясно и понятно, если же кто-то плохо усваивал, то останавливал ученика в коридоре и объяснял заново. Он никогда никому не отказывал. Многих ребят бесплатно готовил для поступления в университет, собирал группу и вел подготовку.

Тяжелое время для учебы выпало на долю Николая. Рожденный в начале века и спасенный при пожаре, он не раз попадал в этот огонь, запылавший в начале XX века и продолжавшийся всё столетие. Но это время огня характерно тем, что у большинства живших в нем тяга к знаниям была огромна, каждый как можно больше старался узнать и впитать в себя науки. Стремились развиваться, посещать кружки с одной целью – лишь бы что-нибудь приобрести, познать, и не держать в себе, а сразу же поделиться со своими товарищами. Несмотря на трудности, старались помочь, поддержать друг друга и умели радоваться успехам других. **А**

ПРЕОДОЛЕНИЕ

РАЗ СЛОВЕЧКО, ДВА СЛОВЕЧКО...

ЧЕТЫРЕХЛЕТНИЙ АРСЕНИЙ С МАМОЙ И ПЕДАГОГАМИ ЛЕКОТЕКИ УЧИТСЯ БЫТЬ КАК ВСЕ

Нередко семьи, в которых воспитываются особенные дети, замыкаются внутри себя. Поэтому поддержка детей с ограниченными возможностями здоровья и их родителей – одна из важнейших задач современного общества. Жизнь – это длинная и иногда очень крутая лестница, взбираться по которой не просто. Особенно тяжело дается этот путь людям, имеющим проблемы со здоровьем. Порой им суждено преодолевать препятствия с малых лет. В нашем районе делать первые шаги по ступеням жизни таким детям помо-

гают педагоги лекотеки филиала «Дружба» Первомайского детского сада. У воспитанника лекотеки, четырехлетнего Арсения из райцентра, эти самые шаги становятся более уверенными.

ЛЕКОТЕКА – В ПОМОЩЬ ОСОБЕННЫМ ДЕТЯМ

Для обеспечения комплексного подхода в создании благоприятных условий, направленных на улучшение жизни детей с ограниченными возможностями здоровья, в области разработана программа «Право быть равным». Возможность стать равным появилась

и у первомайских малышей, имеющих проблемы со здоровьем. В рамках программы в «Дружбе» была создана лекотека, в которой проводятся занятия с особенными детьми.

– В нашем районе это направление действует третий год, – рассказывает заведующая филиалом Л. Козлова. – Занятия с ребята-

играли, сортировали по корзинкам дары осени на борщ и компот, рассказывали стихи, а в заключение украсили разноцветными листочками коллективную поделку – осенний клен. Белочка же и Осень порадовали ребят урожаем наливных яблок. Трогательно было смотреть, как четырехлетний Арсений, взяв

ЛЕКОТЕКА – ЭТО СВОЕГО РОДА СЛУЖБА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ РОДИТЕЛЯМ, ВОСПИТЫВАЮЩИМ ДЕТЕЙ С ВЫРАЖЕННЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ЗДОРОВЬЯ. БЕСПЛАТНЫЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ КОРРЕКЦИОННЫЕ ЗАНЯТИЯ НАПРАВЛЕНЫ НА РАЗВИТИЕ СЕНСОРНЫХ НАВЫКОВ И РЕЧИ ДЕТЕЙ, ИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ. БОЛЬШИНСТВО ЗАНЯТИЙ ПРОХОДИТ В ИГРОВОЙ ФОРМЕ. МАЛЫШАМ НРАВИТСЯ ЗАНИМАТЬСЯ ИНДИВИДУАЛЬНО, НО ГРУППОВЫЕ ЗАНЯТИЯ ИМ ОСОБЕННО ИНТЕРЕСНЫ.

ми проводят социальный педагог Е. Алехина, педагог-психолог М. Антипова и дефектолог Н. Лепихова. Гибкий график позволяет работающим родителям посещать занятия в удобное время, расписание каждого малыша разрабатывается индивидуально. Регулярно проводятся праздничные мероприятия, в которых участвуют все воспитанники и их родители.

Лекотека – это своего рода служба психологической и педагогической помощи родителям, воспитывающим детей с выраженными нарушениями здоровья. Бесплатные индивидуальные коррекционные занятия направлены на развитие сенсорных навыков и речи детей, их интеллектуальных способностей. Большинство занятий проходит в игровой форме. Малышам нравится заниматься индивидуально, но групповые занятия им особенно интересны.

В ЦАРСТВЕ ОСЕНИ

Недавно для воспитанников лекотеки прошел праздник осени. Ребятишек приветствовали ведущая – педагог-психолог М. Антипова, сказочные герои, лесные зверушки и, конечно, сама Осень. На празднике звучали стихи, песни об осени, звуки ветра и дождя. Дети с удовольствием прятались от дождя под большим волшебным зонтиком, отбирали вещи на осеннюю прогулку, танцевали,

угощение из корзинки, одно из двух яблок сразу же с добродушной улыбкой протянул маме, крепко ее обняв.

ТЯНУЛСЯ К ЛЮДЯМ ЕЩЕ... ДО РОЖДЕНИЯ

С виду Арсений такой же, как и остальные ребята. Он внимательно слушает и выполняет задания педагогов, улыбчив, добродушен, отзывчив и открыт. Иногда может проявить присущую мальчишкам непоседливость и шkodливость. Арсений достиг немалых успехов: он знает алфавит, цифры, справляется с заданиями на логику, память, мышление, речь. Даже не верится, что полгода назад он отставал в развитии от сверстников.

– Все началось с родовой травмы, – рассказывает мама мальчика Наталья. – Сначала всё было нормально, беременность протекала без серьезных отклонений. Но неожиданно Арсюша решил появиться на свет на несколько недель раньше запланированного срока. Сложные преждевременные роды, реанимация, несколько недель в больнице.

Сказались и осложнения: гипоксия плода «ударила» по речевому центру малыша. Но это выяснилось позже. По основным же показателям здоровья и развития Арсений соответствовал нормам. В три года он был включен в группу детского сада «Колокольчик».

«ТАК ЖЕ, КАК ВСЕ, КАК ВСЕ, КАК ВСЕ...»

Вместе с другими ребятами Арсений посещал детский сад, участвовал в праздниках, любил играть в машинки и рисовать красками. Одна беда: разговаривать у Арсения не получалось, мальчик не мог нормально контактировать, играть с ребятами. Обследование в областной больнице выявило задержку развития речи. Диагноз невропатолога расстроил, но не сломил. Наталья не считает, что

говорила, что всё получится, мы будем стараться и добьемся результата. Надеюсь, что к школе Арсений будет готов, мы устраним задержки речи.

Всего спустя полгода занятий результаты есть, они очевидны. Мальчик проговаривает слова, звуки, отвечает на вопросы, обращается к педагогам и родителям.

– У Арсения уже получается довольно четко говорить целыми предложениями, – радуется достижениям сына мама. – Он даже

ОБСЛЕДОВАНИЕ В ОБЛАСТНОЙ БОЛЬНИЦЕ ВЫЯВИЛО ЗАДЕРЖКУ РАЗВИТИЯ РЕЧИ. ДИАГНОЗ НЕВРОПАТОЛОГА РАССТРОИЛ, НО НЕ СЛОМИЛ. НАТАЛЬЯ НЕ СЧИТАЕТ, ЧТО ЕЕ СЫН ЧЕМ-ТО ХУЖЕ, ЧЕМ ДРУГИЕ ДЕТИ, ОН ИМЕЕТ ПРАВО, ОН МОЖЕТ И ДОЛЖЕН ЖИТЬ ПОЛНОЦЕННО. ДА, ЕСТЬ ПРОБЛЕМА. НО ЭТО НЕ ПРИГОВОР, ВСЁ МОЖНО ИСПРАВИТЬ. ВМЕСТЕ ОНИ СТАЛИ БОРОТЬСЯ ЗА НОРМАЛЬНУЮ ЖИЗНЬ.

ее сын чем-то хуже, чем другие дети, он имеет право, он может и должен жить полноценно. Да, есть проблема. Но это не приговор, всё можно исправить. Вместе они стали бороться за нормальную жизнь.

С апреля Арсения включили в группу лекотеки. Наталья к тому времени вышла из декретного отпуска на работу. Сначала было не просто – приходилось балансировать между работой, детским садом и лекотекой, расположенными в разных микрорайонах поселка. Помощь предложила заведующая «Дружбой» Л. Козлова: Арсения включили в основную группу. Кроме этого, два раза в неделю мальчик посещает занятия в лекотеке.

ПО КРУПИНОЧКЕ

– Когда Арсений пришел к нам весной, он совсем не разговаривал, – рассказывает дефектолог Н. Лепихова. – С малого, по крупинке, начали работать. Проводили занятия на развитие мышления, внимания, памяти, мелкой моторики, делали артикуляционную гимнастику, специальный массаж. Раньше, когда у Арсения что-то не получалось, он мог расстроиться, даже расплакаться. Помню, как в первые дни сидел обиженный после непонятного задания, вытирал слезы, настроения заниматься не было, а я тем временем делала ему специальный массаж ручек и

иногда подшучивает над нами. К примеру, когда папа пошел мыть руки после работы, Арсенька ему четко и ясно сказал: «Там опасно! Там Водяной!»

По мнению Е. Алехиной и М. Антиповой, Арсений и его мама – большие молодцы, они регулярно приходят на занятия, стремятся выполнить все задания и преодолеть препятствия.

– Арсению очень нравится заниматься индивидуально, – рассказывает М. Антипова. – У него отличная память, мальчик спешит многому научиться. Он старается, стараемся и мы, педагоги. Видя плоды общих усилий, когда Арсений разговаривает с нами и окружающими, просто не нарадуемся.

Арсений с мамой, педагогами детского сада и группы лекотеки продолжают общий путь преодоления трудностей. Все верят, что вместе они смогут побороть недуг и помочь Арсению полноценно жить в обществе, хорошо учиться в школе, проявлять таланты. Ведь у мальчика для этого есть всё – способности, любящие родители, внимательные педагоги. **А**

Ирина ПАРИНОВА,
фото автора

Прямо в пашне прячется застенчиво,
А вспорхнет – и целых полчаса,
Вроде окрыленного бубенчика,
Медленно уходит в небеса.

Сергей Смирнов, «Жаворонок»

Первый голос весны

ПРИШЛА ВЕСНА НА ВЕЛИКУЮ РУССКУЮ РАВНИНУ. ПОРЕДЕЛИ ОБЛАКА, И ПОД ТЕПЛЫМИ ЛУЧАМИ СОЛНЦА ДРОГНУЛА ЛЕДЯНАЯ КОЛЬЧУГА ПОЛЕЙ, ПОЯВИЛИСЬ ПЕРВЫЕ ЧЕРНЫЕ ОСТРОВА ОТКРЫТОЙ ЗЕМЛИ СРЕДИ БЕСКРАЙНИХ СНЕЖНЫХ МОРЕЙ. ВЕСЬ ДЕНЬ ВЕСЕННЕЕ СОЛНЦЕ ИЗО ВСЕХ СИЛ СТАРАЕТСЯ РАСШИРИТЬ ГРАНИЦЫ ЭТИХ ОСТРОВОВ, ОТВОЕВАТЬ ЕЩЕ КУСОЧЕК У БЕЛЫХ ПРОСТОРОВ, ПОДНИМАЯ В ВОЗДУХ КЛУБЫ ПАРА. ЗЕМЛЯ СЛОВНО ДЫШИТ, ГОТОВАЯ ВОТ-ВОТ ПРОБУДИТЬСЯ ОТ ДОЛГОГО ЗИМНЕГО СНА. ЭТОТ ПАР ПОДНИМАЕТСЯ ВСЁ ВЫШЕ, А НАУТРО САДИТСЯ НА ПОЛЯ ГУСТЫМ ТЕПЛЫМ ТУМАНОМ. И ВОТ В ОДНО ТАКОЕ УТРО, ЕЩЕ В ПРЕДРАССВЕТНЫХ СУМЕРКАХ, ДОНЕСЕТСЯ НАКОНЕЦ ИЗ НЕПРОГЛЯДНОЙ БЕЛОЙ ПЕЛЕНА ЗНАКОМОЕ С ДЕТСТВА «ЧРИ-ЧРИИ-И». ЖАВОРОНКИ ПРИЛЕТЕЛИ!

Первые жаворонки появляются в средней полосе уже в начале марта, когда зачернеет в поле первая проталина. Но держатся они очень скрытно, не поют и выдают свое присутствие лишь негромкими короткими позывками. В первые дни прилета только опытный глаз приметит их появление. Но пройдет несколько дней, и начнется массовый пролет, когда птицы будут лететь с песнями. И вряд ли найдется хоть один русский

человек, который не слышал этого весеннего пения жаворонков. Ведь птицы летят не только над полями и лесами, не обходят они стороной и крупные города, продолжая петь над крышами высоток. А голос их обладает такой силой, такой чистотой и глубиной звуков, что перекрывает даже городской шум. Чудесные трели, переливы, раскаты перемежаются с заимствованными у других птиц коленами, льются из небесного марева, словно звонкий

большая проталина способна прокормить эту стойкую птицу.

Будучи столь выносливым в природе, полевой жаворонок оказывается не менее «крепкой» птицей и в домашних условиях. Он относится к тем немногим птицам, которых человек испокон веков содержал в клетках ради чудесных голосов. Звучное пение, не требовательность к уходу в сочетании с милым «полевым» обликом сделали жаворонка желанным обитателем любого зооуголка любителя птиц. Но сейчас в неволе эти птицы встречаются всё реже. И отнюдь не оттого, что пропал интерес к ним. Дело в том, что ловля их сопряжена с рядом трудностей, и многие птицеловы попросту бросают это хлопотливое дело.

ЧУДЕСНЫЕ ТРЕЛИ, ПЕРЕЛИВЫ, РАСКАТЫ ПЕРЕМЕЖАЮТСЯ С ЗАИМСТВОВАННЫМИ У ДРУГИХ ПТИЦ КОЛЕНАМИ, ЛЬЮТСЯ ИЗ НЕБЕСНОГО МАРЕВА, СЛОВНО ЗВОНКИЙ ВЕСЕННИЙ РУЧЕЕК. И КАЖЕТСЯ МНЕ, ЧТО НЕТ ДРУГОЙ ТАКОЙ ПТИЦЫ, ДРУГОЙ ПЕСНИ, КОТОРАЯ ТАК ПОДХОДИЛА БЫ ДЛЯ ВЕСНЫ, ДЛЯ ПРОБУЖДЕНИЯ ПРИРОДЫ. НЕДАРОМ ПОЛЕВОЙ ЖАВОРОНОК НАряду С ПЕВЧИМ ДРОЗДОМ И ВОСТОЧНЫМ СОЛОВЬЕМ ВХОДИТ В ТРОЙКУ ПРИЗНАННЫХ МАСТЕРОВ СРЕДИ ПЕВЧИХ ПТИЦ, А НЕКОТОРЫМИ ЛЮБИТЕЛЯМИ СТАВИТСЯ И НА ПЕРВОЕ МЕСТО.

весенний ручеек. И кажется мне, что нет другой такой птицы, другой песни, которая так подходила бы для весны, для пробуждения природы. Не даром полевой жаворонок наряду с певчим дроздом и восточным соловьем входит в тройку признанных мастеров среди певчих птиц, а некоторыми любителями ставится и на первое место.

Жаворонок – птица насекомоядная, склонная в осеннее-зимний период поедать и семена сорных растений. И, казалось бы, что ему делать здесь, среди снегов, в начале марта, когда еще не появились зерноядные птицы? Но поля в это время только кажутся пустыми и голодными. Приглядитесь хорошенько к любой проталине, к оттаявшему подножию дерева или куста. Здесь кипит жизнь. Всевозможные насекомые, пауки, личинки копошатся в прошлогодней, жухлой траве и опавших листьях. Они-то и становятся основной пищей прилетевших жаворонков, да и многих других птиц, следующих за ними. Подбирают они и уцелевшее от грызунов зерно, склевывают молодую зелень. Даже не-

Весенняя охота за жаворонками на первых проталинах может длиться не более недели, начинаясь с появления первых открытых участков в полях и заканчиваясь, когда они станут слишком большими. В это время летящие над заснеженными полями птицы неминуемо опускаются на небольшие, редкие пока клочки голой земли, чтобы отдохнуть и подкормиться. Тут их и можно накрыть тайником. Проталина может быть сделана и искусственно. Для этого на возвышенном месте в поле, недалеко от какого-либо укрытия (оврага, кустов, или посадки), которое впоследствии используется охотником во время ловли, расчищается до земли небольшой участок. Делается это так, чтобы его края не доходили до границ, покрываемых сетью, на полметра. В противном случае растущая под лучами теплого солнца проталина быстро станет слишком широкой и неудобной для ловли. Придется выжидать, пока бегающий по ней жаворонок не окажется в зоне действия снасти.

Тайник должен быть большим, не менее шести метров в длину и трех – в ширину. Не

сразу удастся научиться ловко управляться с такой громоздкой снастью. «Крест» его должен быть как можно длиннее, чтобы веревки проходили рядом с «клячами». Следует позаботиться о надежности крепления кольев под растяжки в мягкой влажной земле. Все элементы тайника, включая два-три метра веревки, приводящей снасть в действие, около точки, тщательно маскируются сухой травой. При этом следует избегать запутывания последней в сетке, что может на долю секунды затормозить срабатывание тайника, а этого порой бывает достаточно для того, чтобы проворная птица успела вылететь из-под опускающегося купола сетки.

В центре и ближе к сложенной сети насыпается немного зерна. Так жаворонки дольше задерживаются на земле и появляется возможность выждать лучшую позицию для захлопывания снасти.

Настроенный тайник еще раз проверяется, сам охотник укрывается в заранее подготовленном месте, и начинаются томительные минуты, а порой и часы, ожидания...

Охота эта требует много терпения и не всегда бывает удачной, но всё же она предпочтительнее остальных. Так ловятся самые первые жаворонки, которые, как правило, оказываются лучшими певцами, так как впереди летят старые самцы. Позднее их ряды пополнят птицы прошлогодних выводков и самки.

Но умения птицелова, его знаний и навыков не всегда бывает достаточно, чтобы добыть птицу. Часто в ход охоты вмешивается погода. Случается, что всю первую неделю пролета идут проливные дожди или дует сильный ветер, а когда выдаются наконец погожие деньки, ловля уже становится бессмысленной. На эффективности охоты всегда плохо сказывается ранняя весна, когда к началу прилета уже освобождаются от снега поля. При значительных пространствах открытой земли на успех рассчитывать трудно. И тут уже не обойтись без приманного жаворонка, а подбор и приручение такой птицы – это всегда трудоемкий процесс. Дело в том, что обычные садки, которые используются при ловле большинства птиц, здесь оказываются непригодны: жаворонки разбивают в них головы за считанные минуты. Приходится либо

Лесной жаворонок

Полевой жаворонок

Хохлатый жаворонок

использовать специальные мягкие «барашки», либо особым образом подвязывать птицу на току, «ставить на шпарок». Второй способ предпочтительнее, но птица в этом случае не подает голоса, и приходится прибегать к

использованию манка, имитирующего призывный крик жаворонка. Шпарок представляет собой своеобразное устройство, приводимое в действие человеком и заставляющее птицу в нужный момент взмахивать крыльями, что делает ее заметной для пролетающих жаворонков.

Но случается и так, что сама природа создает наилучшие условия для охоты. Поздняя «дружная» весна всегда благоприятна для ловли жаворонков. Сроки гонят птиц к местам гнездования, а холод и бескормица делают обычно осторожных жаворонков менее пугливыми.

О такой весне рассказал мне однажды один старый охотник-птицелов, когда мы с другом гостили у него во время массового пролета жаворонков.

После того как мы с час добирались на электричке до деревни, где жил птицелов, еще столько же пришлось прошагать по размытым вешними водами проселочным дорогам, пока за поворотом не показался наконец его двор. Домик охотника – ветхая постройка с покосившимся рубленным крыльцом – стоял на самом краю деревни, несколько особняком, отделяясь от остальных широченным огородом, на котором, собственно, ничего и не росло, и походил он скорее на пустырь, чем на огород. Забора вокруг участка не было, не считая нескольких косо набитых сосновых жердей, отделяющих двор от проезжей дороги, и границы между широким двором и дикой природой были словно стерты временем, размыты талыми водами, как будто и не было их здесь никогда. С севера к дому темной стеной подступал сосновый бор Иловайского лесничества, уходивший широкой полосой к реке, а по соседству с ним раскидывались бескрайние поля, еще не полностью освободившиеся от снега. На том месте, где должна была быть калитка, путь нам преграждала огромная лужа с мутной водой, вокруг которой деловито расхаживали хозяйские утки. Перебравшись через нее, мы увидели самого охотника, сидящего на широком пне возле поленницы и внимательно всматривающегося в середину своего огорода-пустыря. Не дав нам подойти близко, он повернулся и тихо «шик-

нул» на нас. Мы замерли и сразу заметили в его руке конец длинного шнура, уходящего к тому месту, куда так пристально смотрел охотник. Не прошло и десяти секунд, как он резко рванул веревку... В огороде среди бурьяна взметнулась вверх огромная сеть и, мигнув, закрывшись, снова исчезла. Позвав нас, хозяин направился к тайнику, перешагивая через звонкие ручьи, густой сетью пронизывающие весь огород. Под сеткой прыгали две пепельно-серые птички с коротенькими хвостами. Третья, точно такая же, сидела в мягком сетчатом садке на проволочном каркасе. Охотник бережно достал пойманных птиц, одну за другой посадил в полотняную кутейку, и мы вместе направились к дому. Это были юлы, или лесные жаворонки, значительно менее осторожные птицы, чем полевой жаворонок. Их хозяин дома ловил прямо на огороде.

Не успели мы отойти от заправленной снасти и на пять метров, как приманная юла занялась звонким «юль-юль-юли-и». За эти колена она и получила свое второе, звукоподражательное название.

Солнце было уже высоко, по лазурному небу не спеша ползли пушистые белые облака, а под ними наперебой распевали летящие с юга жаворонки. Под этот нескончаемый перезвон, льющийся из вышины, охотник и поведал нам историю полувековой давности.

...Весна выдалась ранняя, и к началу марта поля почти полностью очистились от снега, всюду пробивалась первая трава, кое-где уже зажелтели золотистые цветки мать-и-мачехи, а деревья были готовы вот-вот раскрыть почки и выдвинуть навстречу приветливому солнышку изумрудную зелень молодых листочков. Уже поднялись в воздух первые насекомые, а земля буквально кишела ими. Обманутые такими изменениями природы птицы двинулись к местам гнездования почти на неделю раньше положенного срока. И в первых числах марта, когда над еще белым полем должен был пропеть первый жаворонок, эти птицы уже делили участки, затевали из-за них ссоры в ожидании самок. Но зима, уступившая свои позиции под напором весеннего солнца, всё же решила напомнить о себе. И на десятый день месяца небо затянуло сначала плотной белой пеленой, а потом свинцовыми

гучами. Начались снегопады. Ночной мороз быстро остудил разгоряченную кипящей жизнью землю, и поля в один миг стали белыми, словно и не было никаких проталин, травы, весенних песен. Конечно, метровых сугробов не намело, но для того чтобы оставить птиц голодными, достаточно и двух сантиметров снега. Недоумевающие жаворонки черными точками бесцельно слонялись по белой пустыне заснеженных полей в поисках клочка голой земли, пока голод не заставил их искать спасения у человека. На деревенских улицах всегда можно было найти и кусочек оттаявшей земли возле дороги, и просыпанное зерно, да и просто корку хлеба. Вороны и воробьи давно научились пользоваться этим дармовым «столом». Неудивительно, что двор птицелова с обилием семян, упавших из клеток, стал излюбленным местом голодных птиц. Подобрал всё, что было во дворе, жаворонки рассаживались по огороду в ожидании того, пока им перепадет еще что-нибудь. И куда делась их яростная ненависть друг к другу, с которой еще неделю назад они устраивали воздушные баталии? Птицы мирно кормились рядом, не выкрикивая своих воинственных песен, обозначающих границы участков. Но в теплой террасе дома сытые жаворонки, пойманные ранее, не переставали петь и, конечно, привлекали внимание вольных собратьев, перебивающихся кое-как на заваленных снегом улицах. И вот в один из таких дней, не в силах больше терпеть голод, два жаворонка подлетели на птичьи голоса к самому крыльцу. Вытягивая шеи и беспокойно перебегая вдоль порога открытой двери, они с интересом заглядывали внутрь. Это продолжалось больше часа, пока один из них наконец не перешел через порог. Птица быстро склоннула что-то возле стоявшей на полу клетки и пулей вылетела на улицу, мгновенно скрывшись из виду. За ней исчезла и вторая. «Видно, сиделый, жил у кого-то в прошлом году, да улетел... или выпустили», – подумал тогда охотник. Но каково же было его удивление, когда наутро птицы вновь крутились возле дома. Теперь их сопровождала третья. В террасе уже копошились с полдюжины воробьев. Это подзадорило жаворонков, и они один за другим зашли в дом. Не пробыв в по-

мещении и минуты, они поспешили вылететь. Но уже к полудню все они вернулись и уже без страха кормились на дощатом полу террасы. Поймать их в эти минуты не составляло никакого труда, стоило только прикрыть дверь за влетевшими птицами. Но нужные жаворонки уже были пойманы охотником в начале прилета, и он решил не беспокоить лишней раз оголодавших птиц...

Так особенности погодных условий способны повлиять на ход охоты, делая самых осторожных птиц совершенно безбоязненными.

Кроме ловли с первесны, можно ловить жаворонков «на круг», или так называемых «круговых жаворонков», птиц, занявших гнездовой участок. Этим способом пользуются лишь заядлые охотники, ценители птичьих песен. Ловится хорошо прослушанный, понравившийся жаворонок. Но при такой охоте почти всегда разбивается сформировавшаяся пара, нередко гибнет яйцекладка или выводок, а пойманный самец обычно не поет до следующей весны.

Третьим способом ловли является охота на осеннем току, когда птицы небольшими стайками кочуют по полям. Это самая гуманная ловля, но велик риск получить посредственного певца, а то и самку. Но такая ловля довольно продуктивна, и всегда можно выбрать нужную птицу из числа пойманных. Самец жаворонка отличается более крепким сложением, подтянутой фигуркой, более крупной, словно точеной, головой, широкими и длинными крыльями. Держится он на ногах повыше, часто вытягивает шею и топорщит перышки на голове, образуя подобие небольшого хохолка. Хорошим отличием является «шпора» – длинный совершенно прямой коготь на заднем пальце, характерный для всех жаворонков.

Итак, жаворонок пойман. Его сажают в небольшую полотняную кутейку или мешочек, предварительно подвязав крылья. Для этого концы крыльев скрещиваются и несколькими оборотами прочной нитки скрепляются вместе. Правильно сделанные подвязки легко стягиваются с перьев при необходимости. Дома жаворонок пересаживается в подготовленную клетку специальной конструкции.

Она должна быть довольно широкой, но невысокой. Хорошо подходят так называемые русские жаворончьи клетки и немецкие клетки ящичного типа. Прутья в них изготавливаются из бамбука или любого прочного дерева. Обязателен мягкий верх из нетуго натянутой ткани. Поилки и кормушки обычно крепятся снаружи клетки возле специальных прорезей в бортах или напротив широких проемов между прутьями. В воде жаворонки не купаются. Для поддержания оперения в чистоте им необходим мелкий пылеподобный песок, который насыпается толстым слоем прямо на поддон или в специальный тамбур, навешенный сбоку клетки.

Едят свежепойманные жаворонки мягкий корм для насекомоядных птиц, отсев, «муравьиное яйцо», мучных червей. Пойманный «в поре» жаворонки может запеть уже на 3–5-й день. Через неделю крылья жаворонка развязывают, и он начинает петь полным голосом. Интенсивное пение продолжается до середины лета, затем начинает ослабевать. Теперь норму животных кормов можно снизить до начала линьки. Перелинявший жаворонки начинает петь обычно к январю. До этого времени он может довольствоваться зерновыми кормами с добавлением мягкого корма. Когда жаворонки снова начинает петь, белковую часть рациона постепенно увеличивают. К марту он поет уже в полный голос. Обжившиеся в доме жаворонки могут радовать владельца полнозвучным пением до 8 месяцев в году.

Кроме полевого жаворонка любители певчих птиц часто содержат лесного жаворонка, или юлу. Они чаще попадают в птицеводные снасти и не являются редкостью. Пение их сильно отличается от песни полевого жаворонка и состоит из мелодичных флейто-

вых звуков. Некоторые ценители пения отдают им предпочтение даже перед соловьем. Но птицы эти много строже в содержании. Требуют тщательного ухода, много живых кормов, а зерно едят очень неохотно. Даже при хорошем уходе юлы долго в неволе не живут. Мне не приходилось слышать о сколь-нибудь длительном содержании этих птиц, хотя некоторые авторы утверждают возможность выдержать юлу более 10 лет.

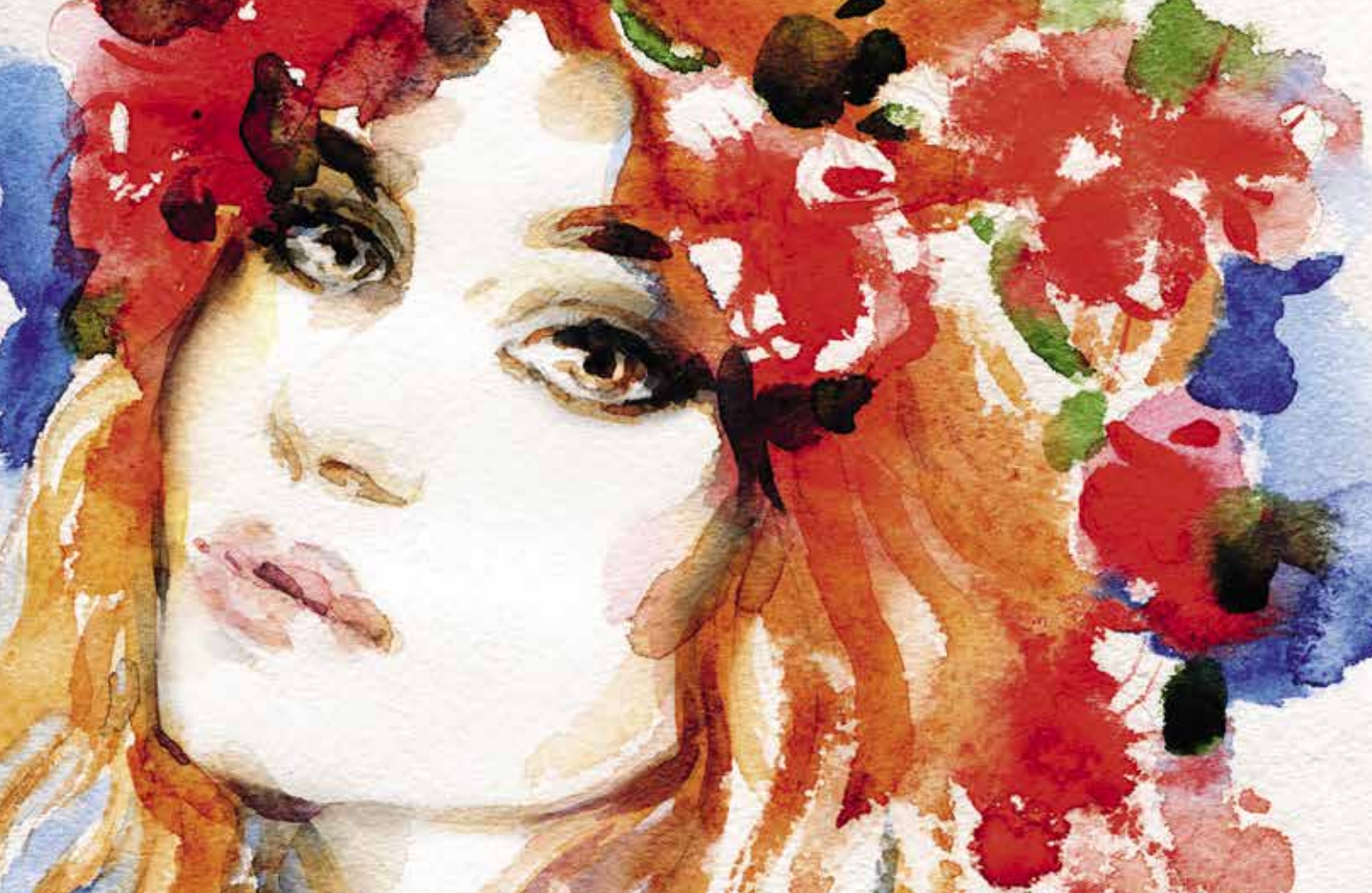
Не менее популярны у любителей степной жаворонки, или джурбай, и хохлатый. Эти крупные птицы отличаются удивительной стойкостью при жизни в клетке. Хорошо живут на зерновых кормах на протяжении большей части года. Степной жаворонки при этом – великолепный певец, по разнообразию напевов превосходящий полевого. Но пение его несколько резковато для комнаты. Хохлатый же, в свою очередь, не отличаясь мелодичностью пения, является хорошим пересмешником.

Кроме них иногда содержатся в клетках рогатый, черный и малый жаворонки. Они также нетребовательны к уходу, отличаются оригинальным обликом, но пение их маломелодично. Они скорее подойдут для вольерного содержания, где выдерживают любые морозы, или в качестве экземпляров в коллекциях воробьиных птиц.

Все жаворонки являются отличными объектами для содержания любителями певчих птиц, имеющими хоть какой-то опыт. Нетребовательные к уходу, они будут радовать своего владельца «полевым» обликом и чудесными песнями, звучащими большую часть года, много лет. Даже в самые морозные зимние месяцы они напоминают о бескрайних просторах родных полей, о весеннем пробуждении русской природы. **А**

Владимир ЛАМОНОВ

*С праздником,
дорогие женщины!*

8
марта

